

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М. П. ДРАГОМАНОВА

На правах рукописи

КАЙКЫ Мария Юрьевна

УДК 811.161.1'42 : 821.161.1"19 – 20"

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ
В РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
СЕРЕДИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА**

10.02.02 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
Иванова Людмила Петровна,
доктор филологических наук,
профессор

Киев 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ И ПРИНЦИПЫ ЕЕ КЛАССИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ.....	12
1.1. Природа оценки, ее структура.....	12
1.2. Прагматический аспект изучения оценки.....	14
1.3. Когнитивный аспект изучения оценки.....	28
1.4. Классификации оценок.....	32
Выводы.....	38
ГЛАВА 2. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА.....	40
2.1. Особенности детской литературы 40-х – 60-х годов XX века.....	40
2.2. Репрезентация количественной оценки на различных уровнях языковой структуры.....	41
2.3. Языковые средства выражения эмоциональной оценки.....	58
2.4. Способы оформления эстетической оценки.....	70
2.5. Языковое выражение этической оценки.....	75
2.6. Языковое оформление сенсорной оценки.....	82
2.7. Языковое выражение рациональной оценки.....	98
2.8. Оформление логической оценки средствами языка.....	106
2.9. Языковое выражение социальной оценки.....	114
Выводы.....	116
ГЛАВА 3. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА	123
3.1. Особенности детской литературы 80-х годов XX века – начала XXI века.....	123

3.2. Реализация количественной оценки на различных уровнях языковой структуры.....	126
3.3. Анализ оформления эмоциональной оценки на различных языковых уровнях.....	135
3.4. Оформление эстетической оценки средствами языка.....	147
3.5. Исследование этической оценки на различных языковых уровнях.....	151
3.6. Языковое оформление сенсорной оценки	157
3.7. Реализация рациональной оценки на различных языковых уровнях.....	168
3.8. Оформление логической оценки средствами языка.....	173
3.9. Языковые средства выражения социальной оценки.....	178
Выводы.....	185
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	191
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	198
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	201
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	204
СПИСОК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.....	229

ВВЕДЕНИЕ

Аксиология представляет собой один из актуальных аспектов современных лингвистических исследований, о чем свидетельствует научная литература, появившаяся в последние десятилетия, в которой оценка стала самостоятельным объектом изучения в аспекте семантики, прагматики, теории коммуникации, когнитологии.

Современная лингвистика развивается в антропоцентрическом направлении, исследуя связь языка с мышлением человека, общечеловеческими и национально-культурными ценностями. Демонстрируется устойчивое внимание к оценочному аспекту общения, что предопределено значимостью оценочной деятельности в культурной и социальной жизни человека. Данная проблема нашла отражение в ряде монографий, диссертационных исследований, научных статей. Большой вклад в изучение лингвистической категории оценки внесли Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. Вежбицкая, Е. М. Вольф, В. Г. Гак, Т. А. Космеда, А. Ф. Папина, А. Д. Шмелев. Н. Д. Арутюнова рассматривает оценку как категорию логическую и применяет при ее анализе методы коммуникативного и логического анализа [12]. Е. М. Вольф анализировала оценку как специфический вид аксиологической модальности, она разработала основы функциональной семантики оценки [44].

В современном языкознании существует множество классификаций оценки. Мы взяли за основу классификацию частнооценочных слов А. Ф. Папиной, которая вслед за Н. Д. Арутюновой, выделяет эмоциональные, эстетические, этические, сенсорные (зрительные и слуховые), количественные, рациональные, логические оценки [181]. Проанализированный в работе материал свидетельствует о необходимости дополнить классификацию А. Ф. Папиной социальной оценкой (вслед за Т. А. Космедой), так как

исследованные тексты отразили социальные процессы, происходящие в обществе на протяжении середины XX – начала XXI вв.

Конец XX столетия – период истории русского литературного языка, когда проявляется все разнообразие условий и факторов, способствующих приобретению, утрате или замене вида оценочных значений в слове. Такие важные события XX века, как Октябрьская революция, гражданская война, коллективизация, классовая борьба в послереволюционные годы, Великая Отечественная война, период перестройки, распад Советского Союза и демократизация общества оказали заметное влияние на язык. Важность пережитых событий, изменение устоев жизни вызвали иное эмоциональное отношение современного общества, носителей языка к окружающей действительности, что нашло свое отражение в аксиологии. Зарождаются новые лингвистические направления, проблемы которых находятся на стыке нескольких гуманитарных наук. Прагмалингвистика – одно из таких направлений, центральным понятием которого является категория оценки. Аксиология – фундаментальная проблема гуманитарного и социально-научного познания, ценности входят не только в философские, но и во многие социологические, психологические, этнологические исследования.

А. Л. Глотов, исследуя русскую литературу XX века в контексте культового сознания, пишет: «Социально-политические изменения в обществе вызвали бурный переворот в критической и историко-культурной среде. Рухнули все идеологические подпорки теории литературы, всевозможные критерии социалистического реализма, такие, как партийность, народность и тому подобное, на чем, в основном, базировалась история советской литературы» [61, 3].

Процессы, происходящие в обществе в конкретный период времени, отражаются в литературе, в частности, детской, однако динамика оценки, языковые средства ее выражения остаются практически не исследованными в языкознании. Для анализа в диссертационном исследовании были взяты два синхронных среза: советская и постсоветская детская литература. Точкой

отсчета постсоветского времени является процесс «перестройки», который начался в 1985 году. Ситуация рубежа столетий всегда воспринималась как кризисная. Выбор указанных периодов детской литературы обусловлен политическими изменениями в обществе и, как следствие, изменениями идеологии литературы, культуры и сознания. Авторы учебника по современной русской литературе В. Е. Васильев, О. Ю. Воронина и С. И. Тимина указывают: «Развитой социализм» и соцреализм из государственной идеологии превратились в поле бесконечной концептуалистской и постмодернистской игры, на котором совершается процесс демифологизации и разрушения прежних идеологем, кумиров, представлений, страхов и обманов» [226, 66].

Прежде всего, необходимо уточнить само понятие «детская литература». Единого мнения об объективных критериях выделения детской литературы из литературы вообще до сих пор не существует. Поскольку литература для детей отделилась от «общей» литературы и обособилась в самостоятельную сферу, имеет место расхождение во мнениях, как ее называть: «детская литература» или «литература для детей». В современном литературоведении используются синонимичные термины «детская литература», «литература для детей», «литература для детей и юношества», «литература детского круга чтения». В учебнике по детской литературе И. Н. Арзамасцевой и С. А. Николаевой находим следующую характеристику данного термина: «в рамках научной классификации различают три вида произведений; к первому виду относят произведения, прямо адресованные детям, второй вид составляют произведения, созданные для взрослых читателей, но нашедшие отклик у детей и навсегда поселившиеся на детских полках, третий вид произведений – это произведения, сочиненные самими детьми» [8, 7]. В работе подразумеваем под *детской литературой* произведения, прямо адресованные детям.

Нельзя не согласиться с В. В. Кизиловой в том, что детская литература – это мир художественных произведений, посвященных проблемам: что такое и кто такой ребенок, что такое его микрокосм и что такое его макрокосм, то есть все, что его окружает [122, 253].

Актуальность данного исследования определена необходимостью анализа вербализации оценочных значений на всех уровнях языка в конкретных социально и темпорально ограниченных текстах, каковыми являются произведения детской литературы середины XX – начала XXI вв.

Связь диссертационной работы с научными программами, планами.

Диссертационное исследование проведено в рамках комплексной научной программы Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова «Исследование проблем гуманитарных наук», включено в план научно-исследовательской работы кафедры русского языка и является составной частью комплексной темы «Проблемные вопросы современного русского языка». Тема диссертации утверждена на заседании Ученого совета Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова (протокол № 4 от 01 декабря 2005 г.).

Цель исследования – проанализировать средства вербализации оценочных значений в детской литературе советского и постсоветского периодов.

Достижению цели исследования способствует постановка и решение таких задач:

1. Дать рабочее определение понятия «оценка» и выяснить его место в современной научной парадигме, охарактеризовав существующие в научной литературе классификации оценочных значений.
2. Описать оценочные значения, выявленные в текстах детской литературы середины XX – начала XXI вв.
3. Репрезентировать средства вербализации оценки в текстах детской литературы советского и постсоветского периодов.
4. Путем сопоставления языковых средств экспликации оценки выяснить особенности выражения данной категории в детской художественной литературе разных периодов развития.
5. Проследить динамику функционирования средств вербализации оценочных значений в текстах детской литературы.

Объектом исследования является категория оценки, реализованная в текстах детской литературы XX – начала XXI вв.

Предмет исследования – фонетические, лексические, словообразовательные, грамматические (морфологические, синтаксические) средства выражения оценки в текстах детской художественной литературы.

Материал исследования составили тексты художественных произведений для детей авторов советского периода – В. Ю. Драгунского и Н. Н. Носова, постсоветского периода – Г. Б. Остера и Э. Н. Успенского. Всего было проанализировано 823 микротекста, эксплицирующих разные виды оценки.

Для исследования языковых средств выражения оценки в литературе советского периода послужили произведения В. Ю. Драгунского: сборник «Денискины рассказы», который включает шестьдесят рассказов; произведения Н. Н. Носова: роман-сказка «Приключения Незнайки и его друзей», повесть «Витя Малеев в школе и дома», рассказы: «Телефон», «Про Гену», «Федина задача», «Тук – тук – тук», «Огородники», «Мишкина каша», «Дружок», «Огурцы», «Бенгальские огни», «Клякса». Указанные произведения содержат 405 микротекстов, в которых выражена категория оценки.

Материалом для анализа выражения оценки в текстах детской литературы постсоветского периода послужили шестнадцать произведений Э. Н. Успенского: «Дядя Федор, пес и кот», «Господин АУ», «Меховой интернат», «Вниз по волшебной реке», «Любимая девочка дяди Федора», «Неприятности в Простоквашино», «Побег из Простоквашино», «Праздники в деревне Простоквашино», «Привидение из Простоквашино», «Тетя дяди Федора или Побег из Простоквашино», «Следствие ведут Колобки», «Чебурашка уходит в народ», «Крокодил Гена и его друзья», «Крокодил Гена – лейтенант милиции», «Похищение Чебурашки», «Бизнес крокодила Гены» и три произведения Г. Б. Остера: «Конфетоедение и квартирководение», «38 попугаев», «Юбка для президента», всего 418 микротекстов, репрезентирующих различные типы оценок.

Исследование проводилось методом сплошной выборки. Разновеликость микротекстов обусловлена тем, что рассматривались целостные тексты, никакие фрагменты не отсекались.

Выбор методов и приемов исследования предопределен характером рассматриваемого предмета и поставленными целями. В ходе исследования использовались следующие общенаучные методы: описательный метод, включающий приемы наблюдения и обобщения анализируемого материала, сопоставительный метод, симптоматическая статистика. При изучении языкового оформления оценки в текстах детской литературы применялись разные виды лексического и грамматического анализа, а также приемы стилистического анализа.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые категория оценки исследована на материале детской литературы с позиции изучения выражения языковых способов оценочности. В отличие от классических трудов по аксиологии (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, А. А. Ивин и др.), оценочные значения изучены в динамике на конкретном темпорально-социально сориентированном материале. Традиционные классификации оценки модифицированы в преломлении к анализируемому материалу.

Теоретическое значение работы состоит в следующем: репрезентирована новая классификация оценки, разработана методика ее анализа в текстах детской литературы в диахронии, предусматривающая сопоставление видов оценки, языкового ее воплощения и частотности использования языковых средств всех уровней иерархии языка в двух синхронных срезах. В научный обиход включен новый материал (русскоязычная детская литература двух периодов).

Практическое значение работы определяется возможностью использования результатов исследования в процессе преподавания стилистики русского языка, лингвистического анализа художественного текста, курса детской литературы, чтения спецкурсов по проблемам лингвистической

аксиологии и детской литературе, в процессе руководства научными работами разного квалификационного уровня.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были изложены в выступлениях на конференциях разного уровня: Международных конференциях: «Мова і культура» ім. проф. С. Б. Бураго (г. Киев, 2007 г., 2008 г.), «Межкультурные коммуникации: ноосферная парадигма в языке» (г. Алушта, 2008 г.), «Межкультурные коммуникации: язык и общество» (г. Алушта, 2009 г.), «Література для дітей і про дітей: історія, сучасність і перспективи» (г. Бердянск, 2008 г.), «Місто – як – текст: літературні проєкції» (г. Бердянск, 2009 г.); Международной научно-практической конференции «Північне Приазов'я у філософсько-історичному та філологічному вимірі» (г. Бердянск, 2008 г.), Международной научно-практической конференции «Лінгвістика та лінгводидактика: надбання, актуальні проблеми, перспективи розвитку» (г. Бердянск, 2009 г.); Всеукраинской научной конференции «Актуальные проблемы славянской филологии» (г. Бердянск, 2005 г., 2007 г., 2009 г.), «III Всеукраинской научной конференции «Мова та лінгвокультурна комунікація» (г. Бердянск, 2009 г.); итоговых научных конференциях, научных чтениях преподавателей кафедры общего языкознания и славянской филологии Бердянского государственного педагогического университета: «Лингвистические студии» (г. Бердянск, 2008 г.), «Поетика творчості М. В. Гоголя» (г. Бердянск, 2009 г.), на заседаниях кафедры русского языка Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова, кафедры общего языкознания и славянской филологии Бердянского государственного педагогического университета.

Публикации. Результаты диссертационного исследования изложены в 8 статьях, опубликованных в сборниках научных работ, утвержденных ВАК Украины как специализированные издания.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, выводов, приложений, библиографии. Полный объем диссертации составляет 230 страниц, из них 6 страниц – приложения, содержащие статистические

данные о частотности видов оценки и ее вербального воплощения на всех уровнях иерархии языка, и 27 страниц – список использованной литературы

ГЛАВА 1

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ И ПРИНЦИПЫ ЕЕ КЛАССИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

1. 1. Природа оценки, ее структура

Человек существует в системе общественных отношений. Воспринимая действительность, он формирует свою оценку социальных явлений, норм морали, красоты и окружающего мира в целом. В процессе анализа различных фактов и явлений человек соотносит их с определенной системой ценностей.

Можно утверждать, что установление ценностных отношений (оценка) является основой человеческого существования и миропонимания. Вопросы ценности и ценностных ориентаций исследуются главным образом в логике, где под оценкой обычно понимают такое понятие о предмете, которое выражает его характеристику с точки зрения категории ценности [102]. Ценности – специфические социальные определения объектов окружающего мира, которые выявляют их позитивное или негативное значение для человека и общества (благо, добро, зло, прекрасное и уродливое, которые воплощаются в явлениях общественной жизни или природы) [2, 549] – (перевод наш – М.К.). Человек часто оказывается в ситуациях, когда необходимо выбирать потребности, интересы, цели, пути их реализации. В соответствии с определенной внутренней шкалой, системой эталонов и возникает необходимость сравнения разных мотивов возможных действий человека, его выбора. Наиболее характерные для субъекта потребности, интересы и переживания играют роль ориентира в выборе потребностей, интересов и возможных переживаний, способов, путей их реализации. Так возникают ценности. Категория оценки очень тесно соприкасается с понятием ценностей. Ценностные отношения закреплены в языке в семантических, а иногда и в синтаксических структурах. Ценность – философское понятие, с помощью которого и характеризуется социально-историческое значение определенных

явлений действительности для общества, индивидов. Ценности исполняют роль вечной, изначальной основы выбора потребностей, интересов, переживаний, целей, способов их реализации, результатов деятельности, условий, в которых совершается выбор. То есть ценность – это основа выбора субъектом-человеком цели, способов, результатов и условий деятельности. Сам процесс и процедура выбора на базе ценностей называется оценкой. Положителен для субъекта и сам результат выбора. Направленность деятельности субъекта (человека) на определенную ценность называется ценностной ориентацией [2, 550]. – (перевод наш – М.К.).

Проблема того, как понимать ценность, является предметом аксиологии, философского учения о природе ценностей, о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности. Как логико-философская категория оценка получила выражение уже в работах античных мыслителей, но до сих пор продолжает быть источником интереса и предметом изучения. Дж. Локк считается основателем гедонистической теории добра и зла [154, 242], Б. Спиноза приводит в своих работах анализ оценочных значений, используя понятие норматива [229, 544]. Понятие ценность употребляется, во-первых, для определения состояния сознания, на основе которого осуществляется оценка, во-вторых, явлений, которые выбираются в результате оценки. Оценка как ценностный аспект значения присутствует в самых разных языковых выражениях.

Е.М.Вольф указывает, что «оценку можно рассматривать как один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения» [50, 11].

А. Ф. Папина дает следующее определение оценки: «Оценка – это непосредственная или опосредованная реакция говорящего (субъекта) на наблюдаемые, воображаемые, воспринимаемые органами его чувств действия, признаки, признаки признаков реальных объектов, объектов внутреннего и внешнего мира говорящего» [181, 267].

Под **оценкой** (оценочной семой) понимается закрепленное в семантической структуре слова оценочное значение, которое реализует отношение языкового коллектива к соотнесенному со словом понятию или предмету с точки зрения противопоставления положительное / отрицательное или с точки зрения соответствия / несоответствия общепринятым нормам [24, 225].

Е. А. Баженова предлагает следующее определение указанной лингвистической категории: «Категория оценки – совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [234, 139].

Обобщая вышеизложенные дефиниции и общие положения относительно природы категории оценки, можно сформулировать следующее определение: в данной работе оценка понимается как отношение носителей языка к объекту, обусловленное признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств определенным ценностным критериям.

Категорию оценки можно рассматривать в прагматическом и когнитивном аспектах. Ведущим для нашего исследования является прагматический аспект с элементами когнитивного.

1.2. Прагматический аспект изучения оценки

Все рассмотренные нами аспекты изучения оценки являются взаимодополняющими. Исследования данной лингвистической категории в прагматическом аспекте включают в себя труды представителей функционально-семантического и функционально-прагматического направлений.

1.2.1. Функционально-семантическое направление.

Представители функционально-семантического направления (Е. М. Вольф, Т. В. Маркелова и др.) рассматривают категорию оценки как функционально-семантическую и ставят своей целью изучение системы разноуровневых средств языка, выполняющих оценочную функцию. Исследование оценочной семантики в собственно лингвистическом плане началось с работы Е. М. Вольф «Функциональная семантика оценки», которая впервые была издана в Москве в 1986 г. В данной работе был предложен общий анализ оценки как универсальной категории, а также определена ее роль в языке. Е. М. Вольф дает определение оценки как семантического понятия, делает вывод, что оценка соотносится не только со всеми языковыми единицами, но и с семантикой высказываний в очень широком диапазоне значений. В первых работах Е. М. Вольф, носивших преимущественно семантический характер, описывались общие механизмы оценочной деятельности, последующие исследования были посвящены частным аспектам оценочных значений. Как было сказано выше, Е. М. Вольф определяет оценку как один из видов модальности, которая накладывается на дескриптивное содержание языкового выражения. В современном языкознании эта идея нашла широкое распространение. Другими словами, оценочная модальность определяется высказыванием в целом, а не отдельными его элементами, и является компонентом высказывания. Оценка характеризуется особенной структурой, которая содержит как обязательные, так и факультативные элементы.

Е. М. Вольф изучала оценку как специфический вид аксиологической модальности и разработала основы функциональной семантики оценки. Автор «Функциональной семантики оценки» приходит к выводу, что в оценке семантический и прагматический аспекты неразделимы, «все стороны ее (оценки) функционирования отражают слияние семантики (собственного значения языковых единиц, включая высказывание в целом) и прагматики (условий реализации процесса коммуникации)» [50, 203]. Исследователь

указывает, что в оценке также происходит постоянное взаимодействие субъективного и объективного факторов. Так, субъект выражает оценку как на основе собственных эмоций, так и с учетом социальных стереотипов, объект оценки также подразумевает объективные свойства и свойства, которые могут оцениваться исходя из предпочтений индивидуального субъекта. При этом, чем аффективней оценка, тем теснее она связана с индивидуальной позицией субъекта и тем меньше опирается на социальные стереотипы. «В мире оценок действует не истинность относительно объективного мира, а истинность относительно концептуального мира участников акта коммуникации» [50, 203].

При всей неоднозначности решения многих вопросов, касающихся оценки, не вызывает сомнений определение модальной рамки оценки (ряд ее обязательных и факультативных элементов): «так, при оценке всегда в той или иной форме присутствуют субъект и объект, в любом языке оценка подразумевает присутствие шкалы и стереотипов, аксиологических предикатов, интенсификаторов и т.п.» [50, 9]. Более конкретно структура оценки выглядит следующим образом: субъект, объект, характер и основание (критерий). Эта формула была выведена А. А. Ивиным [102, 21 – 31].

Согласно исследованиям Е. М. Вольф, в основе оценочной модальности лежит формула $A \ r \ B$, где A – субъект оценки, B – ее объект, а r – оценочные отношения, которые имеют значение «хорошо» и «плохо». В естественных языках r может трактоваться достаточно разнообразно, как словами типа *хороший, плохой, умный, нравится, хвалить, уважать, ненавидеть*, так и семантикой высказывания в целом. Модальная рамка оценки относится к прагматическому аспекту высказывания, однако она тесно связана и с семантикой оценочной структуры [50, 13].

Как известно, в логике противопоставляются два основных типа выражения модальности – модальность *de dicto* и модальность *de re*. В структуре *de dicto* модальный оператор приписывается предложению (суждению), в то время как в структуре *de re* модальность приписывает определенный признак вещи.

Е. М. Вольф акцентирует внимание на двух особенностях форм *de dicto* и *de re*, отличающих аксиологическую модальность от других.

Оценка в форме *de dicto* относится не к суждению о событии, факте, а к самому событию, факту. Оценочные модусы оформляются модальными словами и выражениями: *К счастью, это случилось уже через час после того, как милицейский в почищенной фуражке одним своим видом отпугнул Шприца и Плинтуса от ворот забористого банка* [289, 332]; глаголами: *Я был рад, что снова увижу свой пионерский отряд, всех ребят-пионеров из нашего класса и нашего вожатого Володю, который работал с нами в прошлом году* [285, 5]; наречиями: *Хорошо, что я у Печкина не спросила, кто это моего кабанчика сглазил* [293, 282].

Е. М. Вольф отмечает, что в форме *de re* оценочное выражение относится непосредственно к обозначению объекта и выражается прилагательными – определениями и предикативами: *Счастливая букашка ходила по своей награде кругами и почти не завидовала талантливому ученому Иннокентию* [289, 340]; глаголами и предикативными выражениями с оценочным значениями: *Ешь, сколько хочешь, просто не верится* [283, 23]; глаголами оценочного отношения: *Хотя собаки обычно почтальонов не любят, Каштан своего Печкина сильно уважал и любил* [293, 223]. Те случаи, когда оценка входит в структуру самого слова, автор «Функциональной семантики оценки» также относит к указанной модальности. Например:

– *Сам ты балбес, один где-то там в лесу! – слышался голос из глубины сена. – А я здесь давно лежу в засаде* [296, 218]. Балбес – бестолковый, грубый и неотесанный человек [177, 32].

В логических исследованиях модальностей структура *de dicto* считается основной, а роль структуры *de re* часто оспаривается. В языковых выражениях оценка *de re* является такой же существенной, как и оценка *de dicto* – большинство оценочных суждений относится к объектам, приписывая им те или иные свойства.

С точки зрения семантики, оценка – это категория, которая объединяет все средства, которые имеет современный язык в своем распоряжении для категоризации и обозначения разнообразия оценочных значений, мотивированных связями между говорящим и действительностью. Причем эти средства в семантике рассматривают, насколько это возможно, вне зависимости от структуры конкретных высказываний. Структурно-семантические категории, к которым принадлежит и оценка, – это такие категории, которые создают базу для объединения похожих по значению языковых (в нашем случае оценочных) средств разных уровней в классы, группы, поля и обеспечивают их систематизированное изучение.

Считается, что семантическая категория оценки принадлежит к универсальным категориям. Она характерна для всех языков как следствие осмысления и отображения действительности. Не поддается сомнению тот факт, что языковая семантическая категория оценки – сложный феномен для научного описания и теоретического осмысления. Эта сложность объясняется прежде всего онтологической универсальностью категории оценки. Любой объект действительности можно оценить по соответствующим критериям, рассмотрев его как совокупность признаков, которые оцениваются. Оценка выступает не только как самостоятельный объект познания, но и как то, что помогает различать свойства изучаемого конкретного предмета или явления.

Оценка – высказывание, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность какого-то объекта. Способы выражения оценки чрезвычайно разнообразны. Все оценки основаны на способности людей различать положительное и отрицательное, полезное и вредное, что лежит в основе выделения типов оценки, а также оценочной лексики. Исследователи оценочной модальности обычно говорят о двух видах оценки – абсолютной и сравнительной. Абсолютные оценки выражаются чаще всего предложениями с оценочными словами «хорошо», «плохо», «(оценочно) безразлично». Вместо них могут использоваться слова: «позитивно ценно», «негативно ценно», «добро», «зло» и т.п.: *Господину АУ было хорошо* [295, 434]. По мнению

Е. М. Вольф, при абсолютной оценке речь идет, как правило, об одном оценочном объекте, а при сравнительной – имеются два объекта или два состояния одного и того же объекта [50, 15]. Сравнительные оценки формулируются в предложениях с оценочными словами «лучше», «хуже», «равноценно», «предпочтительно»: *Черный дым поднимался в небо лучше любого маяка* [296, 279].

Проблема первичности/вторичности абсолютной и сравнительной оценок составляет одну из проблем аксиологии. Вопрос о том, какая оценка является исходной, абсолютная или сравнительная, не имеет однозначного решения в лингвистике. Поскольку объект может быть оценен только по сравнению с другими объектами, предполагается, что за исходное должна быть принята сравнительная оценка. При сравнительной оценке в модальную рамку включаются дополнительные элементы – то, с чем сравнивается, признак, по которому дается сравнение, мотивировки сравнения и т.д. [50, 15].

Оценочный предикат имеет два основных значения – «хорошо» и «плохо», «+» и «-». Особенностью оценки в естественном языке является асимметрия между положительной и отрицательной зонами «хорошо/плохо». Хотя в логических теориях оценок положительная/отрицательная части оценочной шкалы предполагают друг друга, в естественном языке симметрия «+»/«-» составляет лишь частный случай. Так, оценка «хорошо» может означать как соответствие норме, так и превышение ее, в то время как оценка «плохо» всегда означает отклонение от нормы.

А. А. Ивин утверждает, что «выражение или приписывание ценности (оценивание) является установлением определенного отношения между субъектом или субъектами оценки и ее объектом» [102, 12 – 13].

По мнению Е. М. Вольф «в оценочных выражениях субъективное и объективное неразрывно связаны, образуя континуум, где та и другая сторона нарастают/убывают обратно пропорционально друг другу» [50, 27 – 28]. В оценке всегда присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным. Оценочное высказывание подразумевает ценностное отношение

между субъектом и объектом. «Всякое оценочное суждение предполагает субъект суждения, т. е. лицо (индивидуум, социум), от которого исходит оценка, и его объект, то есть предмет или явление, к которому оценка относится [50, 22]. Оценочные определения предполагают свойства объекта: *Завтра наш класс, и первый «А», и первый «Б», все три класса вместе, пойдут в кино «Художественный» смотреть кинокартину «Алые звезды». Это **очень интересная картина** о борьбе за наше **правое** дело [283, 247].*

Е. М. Вольф проанализировала свойства оценочного предиката и создала следующую классификацию: «эмотивность» («оценочность»), оценка эмоциональная и рациональная, экспрессивность, «аффективность» и интенсификацию. В сложном взаимодействии субъекта оценки и ее объекта можно выделить компонент, который подразумевает отношение субъекта к объекту, рассматриваемое независимо от того, какими свойствами обладает объект. Этот компонент называется «оценочностью» или «эмотивностью». «Эмотивность» – основной признак предиката r в структуре $A r B$, он реализуется в двух значениях – «хорошо / плохо». Эмотивный компонент характеризует прежде всего глаголы, которые указывают лишь на отношение субъекта к объекту, но не обозначают свойств последнего, такие как *нравиться/не нравиться, ценить, одобрять* и т.д. [50, 38]. Например: *«Да что он, сдурил? – **разозлился** дядюшка. – Сейчас он нам ответит» [295, 403].*

По мнению Е. М. Вольф, вопрос о том, какой фактор в оценке является первичным – эмоциональный или рациональный – один из основных вопросов аксиологии [50, 39]. Разделение чисто рационального и чисто эмоционального в языке является условным, так как в естественном языке не может быть чисто эмоциональной оценки, поскольку язык всегда предполагает рациональный аспект. Наиболее явно эмоциональная и рациональная оценки различаются в речевых актах, обращенных непосредственно к собеседнику [50, 41]. Эмоциональная оценка служит для того, чтобы изменить эмоциональное состояние собеседника и вызвать соответствующую реакцию, а рациональная рассчитана на согласие с высказанным мнением.

С эмоциональной оценкой связана также экспрессивность. Она возникает в тех случаях, когда оценка проявляется как непосредственная реакция на событие. В речевых актах экспрессивность оценочных выражений направлена на то, чтобы усилить эмоциональное воздействие на собеседника, поэтому экспрессивность является характерным признаком речевых актов, в которых оценка выступает как основная иллокутивная сила. Сравним:

– *Хорошая мысль!* – одобрила Медуница. – *Вот мы и начнем с этих Винтика и Шпунтика* [284, 66]. В данном случае выражена оценка со знаком «+». Оценка может также выражать, например, осуждение и быть отрицательной:

– *Стыдно, малыши!* – воскликнула Синеглазка. – *Зачем вы его дразните!* [284, 116].

Оценочные выражения и высказывания характеризуются особым свойством – степенью заинтересованности субъекта. Это свойство можно назвать аффективностью. Оно реализуется в семантике отдельных оценочных слов и в структуре высказывания в целом. Е. М. Вольф, анализируя свойства оценочного предиката, указывает, что аффективность выражается разными способами, и, в частности, словами-интенсификаторами [50, 43]. Среди оценочных выражений выделяется особый класс слов, которые содержат аффективность в своем значении, например: *ужасный, невысказанный, потрясающий, обожать*. Сравним: *Вареную колбасу люблю прямо безумно. Если докторская – на спор, что съем целое кило!* [283, 75] и *Я люблю носом дышать маме в ушко* [283, 69].

Характерной особенностью выражения оценки является возможность ее интенсификации и деинтенсификации, отражающих движение по оценочной шкале: в зоне «+» и в зоне «-», причем и в той, и в другой зоне возможна интенсификация (усиление признака «хорошо» или признака «плохо») и деинтенсификация (ослабление признака «хорошо» или признака «плохо»). Например, *плохой, очень плохой, ужасно плохой*.

В языке для правильного понимания оценки важную роль играет контекст, в котором она формулируется. Можно описывать обычные, или стандартные, формулировки оценочного высказывания, но в принципе любая грамматическая форма способна в соответствующем контексте выразить оценку. Выделить оценки среди других видов высказываний, опираясь только на грамматические основания, трудно. Понятие оценки может быть прояснено путем противопоставления его дескриптивному (описательному) высказыванию, а также с помощью анализа внутренней структуры оценок и их видов. Оценочные значения в лексико-семантической системе резко противопоставлены номинативным (дескриптивным).

По мнению Н. Д. Арутюновой, если дескриптивные (номинативные) значения фиксируют соотношение высказывания с окружающим миром, то оценочные – характеризуют связь между реальным миром и его идеализированной моделью [12, 53].

Анализируя семантические особенности оценки, Е. М. Вольф пишет о проблеме истинности оценки. Автор считает, что истинность или ложность оценки проверить трудно. «Она может зависеть как от критериев удобства, так и от того, кто является субъектом оценки. Тем более это относится к высказываниям с общеоценочными словами. Чем выше степень субъективности в оценке, тем труднее судить об ее истинности» [50, 34].

Оценка является выражением ценностного отношения характеристики объекта, противоположного описательному, или истинностному, отношению. В случае истинностного отношения отправным пунктом сопоставления утверждения и объекта является последний; утверждение выступает как его описание. В случае ценностного отношения исходным является утверждение, выступающее как образец, стандарт. Соответствие ему объекта характеризуется в оценочных понятиях. Позитивно ценным является объект, соответствующий высказанному о нем утверждению, отвечающий предъявленным к нему требованиям. Допустим, что сопоставляются какой-то дом и его план. Можно, приняв за исходное дом, сказать, что план, соответствующий дому, является

истинным. Но можно, приняв за исходное план, сказать, что дом, отвечающий плану, является хорошим, т.е. таким, каким он должен быть. В языке между истиной и оценкой есть определенное различие. Слово «истинный» употребляется, как правило, только применительно к высказываниям, слово же «хороший» многофункционально. Например, *Хорошо, что он уже умер* — это оценка, говорящая о соответствии ситуации какому-то не указанному явно представлению. Если проанализировать микротекст, содержащий оценку, то можно понять смысл высказывания:

– Довели! – сказал господин АУ про кого-то. – Чтобы профессиональный пугатель, специалист по ужасам ужасался сам! Дедушка мой со стыда бы сгорел. Хорошо, что он уже умер. [295, 359].

Семантическая категория оценки является результатом познавательной деятельности человека, является составляющей языковой картины мира и может служить единицей отсчета в процессе изучения языка как средства коммуникации. Оценка как семантическая категория содержит в себе такие компоненты как «симпатия», «антипатия», «похвала», «осуждение», «согласие», «несогласие» и др. Они проявляются прежде всего в коннотациях.

О возможности выделения функционально-семантических полей на основе прагматических функций можно говорить, опираясь на идеи А. В. Бондарко, Н. И. Формановской.

Н. И. Формановская пишет о том, что в системе функционально-семантических полей существуют поля, которые выделяют на основании различных коммуникативных функций – организации смысловой структуры текста, ссылки на авторство и т.п. [250, 71 – 76].

По мнению Э. А. Столяровой, исследовавшей лексико-семантическое поле оценки в русской разговорной речи, указанное ЛСП – это огромное макрополе, в центре которого находятся слова *считать, думать, полагать, судить, мнение* с включением лексем *ценить, хороший* и *плохой*, которые образуют привативную оппозицию. ЛСП «плохой», пересекаясь с другими полями, является наиболее активным в разговорной речи. По подсчетам

Э. А. Столяровой, каждое десятое слово в русской разговорной речи принадлежит к ЛСП «плохой» [235, 186 – 191].

Н. Ю. Шведова, намечая возможные пути построения функциональной грамматики русского языка, среди остальных «первичных» функций выделяет «функцию квалификации и оценки» [271, 30].

Т. В. Маркелова, описывая функционально-семантическое поле оценки, отмечает, что, пересекаясь и взаимодействуя с функционально-семантическими полями, которые имеют предметное, предикативное и обстоятельственное ядра, функционально-семантическое поле оценки входит в группу полей с качественно-количественным ядром. Исследователь указывает, что поле оценки отличается отсутствием единого грамматического центра, а это дает возможность отнести его к полицентричным (слабоцентричным) полям, которые опираются на определенную совокупность разноуровневых языковых средств [161, 76-81].

Таким образом, мы пришли к выводу, что оценка включает следующие части, или компоненты: субъект оценки – лицо (или группа лиц), приписывающее ценность некоторому объекту; предмет оценки – объект, которому приписывается ценность, или объекты, ценности которых сопоставляются; характер оценки – абсолютная и сравнительная; основание оценки – то, с точки зрения чего производится оценивание. Не все эти части находят явное выражение в оценке, но это не означает, что они не обязательны: без любой из них нет оценки и, значит, нет фиксирующего ее оценочного высказывания.

1.2.2. Функционально-прагматическое направление.

Представители функционально-прагматического направления решают целый комплекс проблем, которые связаны с функционированием оценочных средств языка. Такие исследователи, как В. Г. Гак, А. Ф. Папина, В. Н. Телия, В. И. Шаховский связывают оценку с коннотативным аспектом семантики

языковых единиц и изучают роль коннотативных оценочных компонентов в различных семантических структурах и процессах.

Оценочная деятельность сознания – это деятельность прагматическая. Субъектом аксиологической речевой деятельности может быть отдельное лицо, коллектив, часть социума либо социум в целом, с точки зрения которого производится оценка, что проявляется в выборе тех или иных средств выражения при организации высказывания.

Собственно оценочные высказывания нацелены на сообщение о ценностной значимости для автора речи обозначаемого в высказывании с тем, чтобы сориентировать реципиента в определенной жизненной коллизии или в некоторой абстрактно мыслимой ситуации, причем таким образом, чтобы последний принял точку зрения автора как объективную.

Виды стилистической коннотации имеют разную природу, но при этом они взаимосвязаны. Так, согласно наиболее распространенной точке зрения, экспрессивная окраска (усиленная выразительность, изобразительность) проявляется в отклонении от общепринятого стандарта, эмоциональная – в выражении эмоций, чувств, оценочная – в квалификации обозначаемого предмета как «хорошего» или «плохого» по отношению к социальной норме, образная – в эффекте прозрачной внутренней формы, собственно функционально-стилевая – в отнесенности языковой единицы к обычной для нее сфере употребления. «Часто экспрессивность, эмоциональность и оценочность слиты в содержании языковой единицы (что находит отражение в составных терминах «экспрессивно-эмоциональное» или «эмоционально-оценочное» значение) и выделяются лишь аналитически» [233, 423].

Коннотация – языковая универсалия, формы проявления которой зависят от типа значимых единиц, от правил их комбинаторики и принципов организации текста, а содержание – от типа отношения к обозначаемому (оценочного, эмотивного, стилистического), а также от культурно-национального мировидения народа, говорящего на данном языке (в этом

случае содержание К. – интерпретация обозначаемого в категориях культуры) [202, 194].

В структуре коннотации ассоциативно-образный компонент, согласуясь с рациональной оценкой, выступает как основание эмоциональной оценки (эмотивности) и стилистической маркированности, связывая денотативное и коннотативное содержание языковой единицы. Последнее придает «суммарную» экспрессивную окраску всему выражению, в которой может доминировать квалификация по качеству (*губошлеп, носить воду в решете, глубокая мысль*), по количеству (*домище, нестись на всех парах*) или по тому и другому (*носище, дрожать над каждой копейкой, телячий восторг*) [202, 193].

Ю. Д. Апресян обобщил информацию о специфике материализации языковых коннотаций и предложил типологию средств выявления коннотаций, куда входят: метафора, переносное значение, сравнение, фразеологизмы, некоторые типы синтаксических конструкций. Ю. Д. Апресян считает, что лексика негативной оценки более разнообразна и богата, чем позитивная лексика [6, 11].

М. Н. Кожина выделяет два вида стилистической окраски: эмоционально-экспрессивную и функциональную. «Стилистической окраской языковой единицы...являются те дополнительные к выражению основного номинативного, предметно-логического и грамматического значений экспрессивные или функциональные свойства, которые ограничивают возможности употребления этой единицы определенными сферами и условиями общения и тем самым несут стилистическую информацию» [127, 27].

Стилистически окрашенные языковые средства обычно разделяют на две большие группы в соответствии с характером окраски: функционально окрашенные и экспрессивно окрашенные. Функциональные средства традиционно делятся на книжные, разговорные и нейтральные.

Экспрессивные средства представляют собой единицы языка с ярко выраженными эмоционально-экспрессивными оттенками (торжественный,

уничжительный, ласкательный, иронический, неодобрительный, фамильярный и мн. др.) [127, 30].

Субъективная речевая природа коннотации противопоставлена объективному содержанию языковых единиц, ориентированному на когнитивную (познавательную, гносеологическую) функцию языка.

В. Н. Телия интерпретирует понятие «коннотации» как «любой прагматически ориентированный компонент плана содержания языковых сущностей (морфем, слов, фразеологизмов и отрезков текста), который дополняет денотативное и грамматическое их содержание на основе сведений, соотносимых с прагматическими факторами разного рода: с ассоциативно-фоновым (эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим и т.п.) знанием говорящих на данном языке о свойствах или проявлениях означаемой реалии либо ситуации, с рационально-оценочным или эмоционально-оценочным (эмотивным) отношением говорящего к обозначаемому, со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи или сферу деятельности, социальные отношения между участниками речи, ее формы и т.п.» [242, 107].

Субъективно-модальная природа коннотации – ее связь с говорящим – придает ей прагматический статус, а рационально и эмоционально-оценочный и социально-речевой ее характер создают ту окраску, которая традиционно осознается как оценочная или экспрессивная функция языковой сущности [242, 107]. Поэтому представляется возможным говорить об «оценочной коннотации».

В. Н. Телия указывает на различия между оценочными и экспрессивными высказываниями, тем самым разграничивая коннотацию и оценку. «Собственно оценочные высказывания нацелены на сообщение о ценностной значимости для автора речи обозначаемого в высказывании, с тем чтобы сориентировать реципиента в определенной жизненной коллизии или в некоторой абстрактно мыслимой ситуации, причем таким образом, чтобы этот последний принял (или по крайней мере – принял к сведению) точку зрения автора речи как

объективную» [239, 32]. По мнению автора, экспрессивно окрашенные высказывания преследуют иную цель: они создаются с тем, чтобы воздействовать на реципиента эмотивно, с субъективных позиций – передать личное мнение автора речи, усиливая оценку оценкой же некоторых «подробностей» в самом обозначаемом [239, 32].

Таким образом, можно сделать вывод, что эмотивные речевые акты и экспрессивные высказывания содержат оценку – позитивную или негативную.

1.3. Когнитивный аспект

Категорию оценки можно рассматривать в когнитивном аспекте. Основной тезис современного языкознания – «язык – конституционное качество человека». То есть это отображение опыта определенных народов при помощи вербализации с ориентацией на человеческую заинтересованность [247, 1]. Понятие «картины мира» стало одним из самых важных понятий, отображающих особенности человека, его отношение к окружающей действительности. Термин «картина мира» возник в рамках физики на рубеже XIX – XX вв. С 60-х гг. прошлого века проблема картины мира стала рассматриваться в рамках семиотики при изучении первичных моделирующих систем (языка) и вторичных систем (мифа, религии, фольклора, поэзии, кино, живописи, архитектуры). В результате взаимодействия человека с миром складываются его представления о мире, формируется некоторая модель мира, которая в философско-лингвистической литературе именуется картиной мира. Картина мира – одно из фундаментальных понятий, описывающих человеческое бытие [165, 48].

Н. Ю. Шведова дает следующее определение: «Языковая картина мира – это выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и

социум. Такая картина мира предстает как развернутое полотно с изображенной на нем вершиной и обращенными к ней участниками, компоненты которой располагаются по принципу ступенчатого сужения. В вершине этого изображения стоит человек; к этой вершине обращены две главенствующие ветви: «сам человек» – его жизнедеятельность и ее плоды, и его окружение, сфера его существования; именно такое первичное членение соответствует восприятию человеком самого себя и того, что существует вокруг него и для него» [272, 15].

В наше время под картиной мира понимают совокупность представлений человека о его окружении, основной функцией которой считают описание построения мира, выражение реальной структуры природных явлений. Проблема отображения в сознании человека картины мира, зафиксированной в языке, сегодня очень актуальна. Лексико-семантическая система языка опирается также на картину мира. Она как глобальный образ возникает у человека в процессе всех его взаимоотношений и контактов с окружающей действительностью, это субъективный образ объективной реальности. Человек в своем сознании фиксирует конструкт мира, который можно рассматривать как вторичное существование объективного мира. Зафиксированная картина реализуется в форме языковых знаков. Так как возникновение картины мира тесно связано с языком и во многом определяется языком, ее называют «языковой картиной мира».

О языковом образе мира первым стал писать В. фон Гумбольдт, он утверждал, что разные языки являются разными мировоззрениями, это не разные обозначения одной и той же вещи, а ее разное видение. Слово – отпечаток не предмета как такового, а его чувственного образа, созданного этим предметом в нашей душе. Всякий язык, обозначая отдельные предметы, формирует для народа, который является его носителем, картину мира [66].

В. А. Маслова утверждает, что картина мира, которую можно назвать знанием о мире, лежит в основе индивидуального и общественного сознания. Язык же выполняет требования познавательного процесса [165, 49].

Итак, картина мира имеет тесную связь с языком, она фиксируется и во многом определяется языком. В современной лингвистике выделяют концептуальную и языковую картину мира. «Языковая картина мира отражает национальную картину мира и может быть выявлена в языковых единицах разных уровней» [165, 51].

Оценку возможно рассматривать в аспекте теории языковой картины мира. Каждый народ обладает собственной языковой картиной мира. Описанием русской языковой картины мира занимались Ю. Д. Апресян, А. Вежбицкая, Л. П. Иванова, Д. Н. Шмелева, Н. Ю. Шведова, Е. С. Яковлева и др.

На современном этапе развития лингвистики оценку чаще всего рассматривают как логико-семантическую категорию, считая, что характер и природа оценки обуславливают специфику оценочных номинаций, их семантическую структуру и типы отношений между ними (Арутюнова 1988, 1999; Вольф 2006; Телия 1986). Все указанные направления исследования оценки тесно переплетаются, поэтому повторяются одни и те же виды подходов к разным классификациям данной категории.

Н. Д. Арутюнова осуществляет концептуальный анализ слов с семантикой оценки в проекции на западноевропейскую философскую мысль в исторической перспективе, что помогает сохранить целостность каждой концепции. В этом аспекте Н. Д. Арутюнова рассмотрела и исследования по этике античных мыслителей, прежде всего, произведения Аристотеля.

Исследователь справедливо отмечает, что поиск особенностей понятия «хороший» напоминает поиск философского камня, что позволило привлечь внимание философов ко всем видам оценки [12, 10].

Автор разграничивает дескриптивные оценки и значения. Дескриптивные значения фиксируют отношение высказывания к действительному миру, а оценочные характеризуют отношение между действительным миром и его идеализированной моделью, сам факт наличия или отсутствия соответствия между этими мирами – отражение одного в другом [12, 59]. Таким образом,

будучи реляционными (устанавливающими соответствие между миром и его идеализированной моделью), предикаты *хороший* и *плохой* сообщают только о том, что данное свойство имеет аналог в идеализированной модели. Оценочное высказывание вскрывает присутствие (или отсутствие) в действительном идеального. Отношение между миром и его идеализированной картиной окрашено разными модальностями. Оно устанавливается через модусы желанного и должного, удовольствия и необходимости. Реляционность оценочного значения *хорошо* согласуется с его модальными характеристиками [12, 60].

Рассматривая основные философско-лингвистические концепции, касающиеся природы оценки, Н. Д. Арутюнова дает следующее определение: «*хорошее* значит соответствующее идеализированной модели макро- или микромира, осознаваемой как цель бытия человека, а следовательно, и его деятельности; *плохое* значит не соответствующее этой модели по одному из присущих ей параметров» [12, 59]. Н. Д. Арутюнова дифференцирует «плохое» и «безразличное» (неоцениваемое), которое не соответствует идеализированному представлению о жизни.

Как известно, одно из основных свойств прагматического значения составляет информативная недостаточность [11], поэтому оценку возможно рассматривать как яркий вид прагматического значения. Отсутствие в оценочных значениях конкретной информации компенсируется тем, что оценка служит для решения прагматических задач.

Т. А. Космеда также утверждает, что «категорию оценки следует рассматривать в аспекте теории языковой картины мира» [133, 13]. Исследователь считает, что оценочные слова в процессе своего функционирования зависят не только от влияния факторов языковой системы, но в большей мере от внешнего влияния субъективных и объективных явлений [133, 127]. Под оценкой понимается «закрепленное в семантической структуре слова оценочное значение, которое реализует отношение языкового коллектива к соотнесенному со словом понятию или предмету с точки зрения

противопоставления положительное/отрицательное или с точки зрения соответствия/несоответствия общепринятым нормам» [24, 225].

По мнению В. Н. Телии, взаимодействие субъекта и объекта оценки – взаимодействие активно-пассивное: субъект оценивает объект в процессе практического освоения его и выявления в нем ценности. Но затем на основе критериев этого знания и практики создаются новые критерии – стереотипы, стандарты, нормы и идеалы, которые и составляют часть культурно-исторического наследия, создаваемого в процессе практического освоения мира и которыми субъект оценки вооружен как инструментом оценки, входящим в более сложное орудие оценки – аксиологическое суждение как его часть. Этот инструмент вновь и вновь «прилагается» в практике оценочной деятельности, выступая как своего рода весы, на одной чаше которых – груз практически познанного и оцененного, имеющего статус стандартов, эталонов, норм, а на другой – вновь оцениваемое с учетом познанного и воплощенного в указанных статусах [239, 40].

1.4. Классификация оценок

Науке известно большое количество классификаций категории оценки в логическом аспекте. Общая классификация добра у Аристотеля сводится к трем основным видам:

1. Внешние блага.
2. Блага, касающиеся души.
3. Блага, касающиеся тела.

Сегодня большинство исследователей выделяет две категории ценностей: добро как способ и добро как цель.

В аспекте логики классификация оценки была предложена фон-Вригтом. Исследователь рассматривает такие разновидности форм оценки:

- 1) инструментальная (хороший нож, хороший исследователь);
- 2) техническая, или оценка мастерства (хороший администратор, плохой специалист);

- 3) оценка благовосприятия (хороший или плохой для здоровья);
- 4) утилитарная (хороший совет, плохой план);
- 5) медицинская (хорошее сердце, плохая память);
- 6) гедонистическая (хороший вкус, хорошая шутка).

Этическую оценку фон-Вригт рассматривает как вторичную, производную от оценки благовосприятия. Данная классификация выполнена в аспекте концептуального анализа и основана на изучении употребления английского прилагательного *good* [50]. Фон-Вригт называет типы оценок «формами добра» и относит к ним инструментальное, техническое, медицинское, утилитарное, гедонистическое употребление и употребление, связанное с характером и поведением человека («добро человека»). Инструментальное добро приписывается главным образом утвари, инструментам, орудиям, домашним животным. Примерами инструментальных оценок, в которых говорится об обладании или необладании некоторыми предметами инструментальным добром, могут служить: «этот нож хорош», «автомобили марки N являются скверными» и т.п. Техническое добро касается способности или мастерства. Обладать техническим добром – значит преуспевать в осуществлении какой-то деятельности, быть хорошим специалистом в выполнении чего-то, к примеру, «хороший врач», «политик», «финансист». Медицинское добро – это «добро» органов тела и способностей ума. С ним мы имеем дело, говоря о хороших (в медицинском смысле) глазах, сердце, памяти и т. д. Утилитарное употребление имеет место в тех случаях, когда речь идет о пригодности или полезности рассматриваемого объекта для определенной цели, к примеру, «хороший план», «хороший случай», «хорошие новости». Гедонистическое добро совпадает примерно с тем, что в обычном языке обозначается словом «удовольствие». Слово «хороший» употребляется в гедонистическом смысле в таких выражениях, как «хороший запах или вкус», «хороший обед», «хорошее время». Примерами употребления слова «хороший» применительно к характеру и поведению человека могут служить «хороший мотив», «хорошее намерение», «хороший поступок» [102, 64].

Оценка, в зависимости от целей исследования, может быть классифицирована по разным критериям:

- 1) по способу отражения оцениваемого объекта (рациональная / логическая и эмоциональная/сенсорная);
- 2) по аксиологическому характеру (положительная/отрицательная);
- 3) в зависимости от эталона (абсолютные: ориентированы на какую-либо абстрактную норму качеств; компаративные (сравнительные);
- 4) по наличию или отсутствию дескриптивного смысла в оценочном понятии (конкретные/абстрактные);
- 5) по роли в структуре высказывания (общие и частные) [208, 15].

Взаимодействие субъекта оценки с ее объектом лежит в основе классификации частнооценочных значений, предложенной Н. Д. Арутюновой. Среди частнооценочных значений исследователь выделяет три группы:

Первая – сенсорные оценки. Они делятся на такие разряды:

1. Сенсорно-вкусовые (гедонистические) оценки: вкусный, ароматный, привлекательный.
2. Психологические, которые делятся на:
  - а) интеллектуальные оценки: интересный, банальный;
  - б) эмоциональные: грустный, радостный, счастливый.

Вторая – абсолютные (сублимированные) оценки. Н. Д. Арутюнова выделяет среди этой группы такие разряды:

1. Эстетические оценки: красивый, великолепный.
2. Этические оценки: порядочный, злой, аморальный.

Третья группа – рационалистические оценки. Они связаны с практической деятельностью человека. Среди них выделяют:

1. Утилитарные: полезный, вредный.
2. Нормативные: нормальный, правильный.
3. Телеологические: неудачный, эффективный [12].

Все вышеперечисленные виды частных оценок объединяются в три большие группы. Сенсорно-вкусовые, или гедонистические оценки, а также

психологические оценки определяются Н. Д. Арутюновой как «наиболее индивидуализированный вид оценок». Они связаны с ощущениями, физическим и психическим чувственным опытом и ориентируют человека в природной и социальной среде. Указанные категории частных оценок основываются на физическом опыте и обычно не мотивируются, а проистекают из ощущения, которое, независимо от воли и самоконтроля испытывает человек. Сенсорно-вкусовые и психологические оценки в бóльшей мере характеризуют вкусы субъекта оценки, чем ее объект.

Вторую группу частнооценочных значений образуют сублимированные оценки, включающие две категории оценок – эстетические и этические. Их называют также гуманизированными оценками, так как они возвышаются над сенсорными оценками, «гуманизируя их». Эстетические оценки связаны с удовлетворением чувства прекрасного, этические – с удовлетворением нравственного чувства. «Эта группа оценок не безразлична к понятию архетипа – нормы, образца, примера, потенциальных требований, предъявляемых к объекту» [12, 76].

Третью группу оценок формируют рационалистические оценки. Они связаны с практической деятельностью, практическими интересами и повседневным опытом человека. Их основными критериями являются физическая или психическая польза, направленность на достижение определенной цели, выполнение некоторой функции, соответствующей некоторому стандарту. Такие оценки связаны с относительными ценностями, представления о которых формируются в ходе практической деятельности человека и ориентированы на то, чтобы упорядочивать, облегчать и регулировать эту деятельность [187, 19].

В зависимости от того, идет ли речь об одном оценочном объекте или же по крайней мере о двух объектах, или двух состояниях одного и того же объекта, выделяют абсолютную и сравнительную оценку [50, 15]. В формулировках первой используются такие термины, как «хорошо/плохо», второй — «лучше/хуже».

Т. А. Космеда характеризует две большие группы понятий и предметов окружающего мира, на основе которых строит свою классификацию оценок. В каждом виде оценки исследователь выделяет минимальную и максимальную степени положительной и отрицательной оценки.

1. Понятия и предметы реального мира – конкретные понятия, которые предполагают категорию оценки:

а) антропоцентрическая оценка – отображает ориентацию мыслящего субъекта в окружающем мире;

б) христианско-религиозная оценка – отображает становление духовности человека, стремление к усовершенствованию души, к праведной жизни;

в) культурно-эстетическая оценка – это такая оценка, когда прослеживается становление и оценивание культурно-эстетических ценностей (оценка личностей, которые принадлежат культуре, искусству, оценка произведений искусства и т.д.);

г) национально-этнографическая оценка – отображает становление нации, национального самосознания, патриотизма (оценка исторической роли нации, исторического места проживания, национальной символики);

д) социальная оценка – это такая оценка, которая закрепляет шкалу ценностей в определенном обществе и в мире вообще.

2. Понятия и соответствующие им морально-эстетические представления и чувства – понятия, которые можно назвать абстрактными:

а) рациональная оценка – оценка, которая связана с разумом, с восприятием посредством разума окружающей действительности (оценка использования окружающей среды, качества пищи, оценка интеллекта общества и т.д.);

б) морально-этическая оценка отображает морально-этическую платформу человека, общества;

в) эмоционально-чувственная оценка – оценка, отображающая душевное состояние (оценка духовности нации, духовности человека, оценка чувств и эмоций, оценка идеального и материального в восприятии мира);

г) прагматическая оценка дает возможность распределить реалии объективного мира по степени их полезности, необходимости для человека и общества;

д) философская оценка – оценка реального и идеального миров, человека как части природы, идеального и материального в восприятии мира;

е) психологическая оценка – особенное восприятие мира, в том числе и общества с позиции личности;

ж) физиологическая оценка – оценка состояния здоровья, конституции человеческого тела и т.д.;

з) сексуальная оценка – это оценка интимной жизни человека, интимных отношений человека, сексуальной ориентации и т.д.;

и) идеологическая оценка – оценка государственной политики, политического строя [133, 92].

Данная классификация широкая и практически всеобъемлющая, но специфика жизни ребенка не позволяет использовать ее в полной мере в нашем исследовании. Исключение составляет социальная оценка, данный вид оценки включен в нашу классификацию.

Формирование и становление оценки как категории осуществлялось в течении долгого времени.

По мнению Н. Д. Арутюновой, оценка – яркий представитель прагматического значения [12, 5]. В прагматическом аспекте оценка – явление, в основе которого лежит специальный выбор средств языка (речи), служащий для точного выражения некоторого оценочного значения с учетом всех факторов, которые влияют на формирование этого оценочного значения, таких как: субъект оценки, объект оценки, вид оценки, основание оценки [14, 308].

А. Ф. Папина рассматривает оценку как одну из глобальных категорий текста. Исследователь считает, что анализ значений оценочных слов приводит к

тому, что для адресата важно не понимание значения слов оценки, а ее интерпретация, так как при этом должны быть учтены «многочисленные прагматические импликации», то есть добавочная информация, основанная на жизненном опыте адресата, который интерпретирует оценку, пытаясь истолковать ее [181, 267]. А. Ф. Папина, вслед за Н. Д. Арутюновой, выделяет такие типы оценок: количественная, эмоциональная, эстетическая, этическая, сенсорная, рациональная, логическая [181, 269]. Именно эта классификация в наибольшей степени соответствует оценкам, отраженным в детской литературе, поскольку оценочные характеристики формируются в рамках микротекстов, а не отдельных слов.

За основу взята классификацию частнооценочных слов А. Ф. Папиной, дополнив ее социальной оценкой (вслед за Т. А. Космедой), так как данное исследование непосредственно касается социальных процессов, происходящих в обществе на протяжении середины XX – начала XXI вв. Социальная оценка – «це така оцінка, яка закріплює шкалу цінностей у певному суспільстві й у світі взагалі (соціальне санкціонування житла, діяльності, відпочинку людей, соціальне функціонування поведінки нації у світовому масштабі, усвідомлення міста нації на землі тощо)» [133, 100]. Определение социальной оценки, по нашему мнению, должно включать также оценку государственной политики, политического строя. Указанные оценки, согласно классификации Т. А. Космеды, входят в разряд идеологических оценок. «Ця група форм категорії оцінки також закріплюється у суспільстві, оскільки суспільство узаконює ту чи іншу форму оцінки» [133, 104].

Выводы

В процессе восприятия действительности человек формирует собственную оценку социальных явлений, норм морали, красоты и окружающего мира в целом, соотнося эту оценку в процессе анализа различных фактов и явлений с определенной системой ценностей.

Установлено, что оценка как ценностный аспект значения присутствует в различных языковых выражениях.

Оценка – отношение носителей языка к объекту, обусловленное признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств определенным ценностным критериям.

Категорию оценки возможно рассматривать в прагматическом и когнитивном аспектах.

Представители функционально-семантического направления (Е. М. Вольф, Т. В. Маркелова и др.) квалифицируют категорию оценки как функционально-семантическую и ставят своей целью изучение системы разноуровневых средств языка, выполняющих оценочную функцию.

Представители функционально-прагматического направления решают целый комплекс проблем, связанный с функционированием оценочных средств языка. Оценочная деятельность сознания – это деятельность прагматическая.

Анализ различных классификаций категории оценки (Аристотеля, Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф, фон-Вригта, Т. А. Космеды, А. Ф. Папиной) свидетельствует об отсутствии единой классификации данной категории.

Наиболее целесообразной для данного исследования является классификация оценок А.Ф.Папиной, на ее основе была сформирована новая классификация оценочных значений, которая включает такие виды: количественная (квантитативная), эмоциональная, эстетическая, этическая, сенсорная, рациональная, логическая, социальная оценки.

ГЛАВА 2

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

2.1. Особенности детской литературы 40 – 60-х годов XX века

Произведения детской литературы отличаются специфической системой образов и художественных средств, они отображают все процессы, происходящие в обществе конкретного периода времени, тем не менее, в современной лингвистике не разработан вопрос о видах оценки и средствах ее выражения в детской литературе.

Период, к которому относятся исследуемые нами произведения, получил название «оттепели». На рубеже 50 – 60-х годов «воспрянула» детская литература, возросло количество детских писателей, литературный процесс проходил очень активно. Л. В. Долженко, анализируя литературу 50 – 80-х годов, пишет, что пафос творчества Н. Н. Носова, В. Ю. Драгунского, В. В. Голявкина, А. Г. Алексина, В. П. Крапивина в советские времена воспринимался как вполне ортодоксальный, но объективно проблематика их художественных произведений была шире тех идеологизированных подходов, которые к ним применялись [76, 83]. Эти писатели смогли найти свой, нетипичный подход к ребенку не как к части коллектива, а как к индивидуальности. В детской литературе 40 – 60-х годов ограниченность свободы определялась ее педагогической заданностью. Произведения Н. Н. Носова дают достаточно полное представление о положении ребенка в мире взрослых. В 1945 г. был опубликован сборник рассказов «Тук-тук-тук», повесть «Витя Малеев в школе и дома» Н. Н. Носов написал в 1950 году. И. Н. Арзамасцева считает, что эта повесть выделяется тем, что впервые (в рамках отечественной литературы) в юмористическом произведении психологически точно было показано формирование детского характера в борьбе с собственными недостатками – слабоволием, неорганизованностью,

безответственностью [8, 381]. Наибольшую известность получила трилогия романов – сказок данного автора о Незнайке. Работу над ней автор начал в 1954 году, целиком трилогия была издана в 1971 году. И. Б. Роднянская, анализируя творчество детского писателя, указывает: «В остроумной условной форме Носов прививает ребенку любовь к творческому труду и прекрасному; не разрушая колорита сказки, вводит читателя в мир будущего с его научно-техническими и нравственными достижениями, по существу создав занимательную энциклопедию детских знаний» [140, 346].

Рассказы В. Ю. Драгунского для детей появились в начале 60-х годов и с тех пор занимают прочное место в детском чтении. Работу над «Денискиными рассказами» автор начал в 1959 году [139, 774]. В. Ю. Драгунский продолжал развивать то направление в литературе, которое было начато Н. Н. Носовым. И. Н. Арзамасцева пишет: «Рассказы В. Ю. Драгунского для детей несут на себе печать эстрадных жанров: их легко читать вслух, поскольку они написаны живым разговорным языком, каким говорят дети шести – восьми лет; многие эпизоды в них выстроены как острые, смешные мезансцены; характеры героев четко очерчены» [8, 383].

Были проанализированы языковые средства выражения следующих типов оценки: количественной, эмоциональной, этической, эстетической, сенсорной, рациональной, логической и социальной. Всего было рассмотрено 405 микротекстов, содержащих категорию оценки.

Произведения детской литературы указанного периода исследованы на всех языковых уровнях. Анализ (вслед за А. Ф. Папиной) проведен в такой последовательности: количественная, эмоциональная, эстетическая, этическая, сенсорная, рациональная, логическая оценки; в последнюю очередь была рассмотрена социальная оценка, так как она не является общепризнанной.

2.2. Репрезентация количественной оценки на различных уровнях языковой структуры

Количественную оценку как отдельный вид рассматривают не все ученые. Например, Т. А. Космеда выделяет лишь физиологическую оценку –

оценку конституции человеческого тела, состояния его здоровья и т.д. [133, 122]. Понятие «количественная оценка» гораздо шире. А. Ф. Папина пишет, что помимо аксиологической, качественной оценки, в русской речи, как и в других языках, существует количественная оценка, характеризующая меру, объем, величину описываемого предмета, указывающая на признак действия, на признак признака [181, 317]. Мы следовали классификации А. Ф. Папиной и проанализировали 99 микротекстов с употреблением количественных оценок (25% всех видов оценки).

2.2.1. Лексические средства выражения количественной оценки.

В. А. Маслова считает, что наибольший интерес из всех экспрессивных языковых средств представляют лексические, ибо именно слово является основной единицей текста и языка [163, 67]. Наиболее распространенными средствами выражения указанного типа оценки в литературе советского периода являются именно лексические – 35,35% (см. таблицу 1).

В проанализированном материале количественная оценка может быть выражена при помощи **каламбура**, являющегося высокочастотным средством создания комического в детской литературе. Понятие каламбура имеет неоднозначный статус. А. П. Сковородников указывает: «каламбур – разновидность языковой игры с установкой на комический эффект, конструктивную основу которой составляют стилистические фигуры, опирающиеся на такие парадигматические отношения в лексике, как полисемия, омонимия, антонимия и паронимия (в широком смысле, включая паронимизию)» [217, 149].

В. П. Москвин под каламбуром понимает «остроумное выражение, в основе которого лежит какой-либо прием языковой игры» [172, 125]. Автор выделяет также каламбурную антитезу, каламбурную зевгму, каламбурную парадиастолу, каламбурную рифму.

Е. П. Ходакова считает, что «каламбур – игра слов, намеренное соединение в одном контексте двух значений одного и того же слова или использование сходства в звучании разных слов с целью создания комического

эффекта». Указывается, что каламбур создается при помощи разных речевых средств, заложенных в самом языке (многозначности, омонимии, фразеологии) или возникающих вследствие индивидуального препарирования каких-либо слов (игра созвучий) [255, 174].

Каламбур может служить:

1) для выражения оценки, характеризующей меру предмета: *И чтобы избежать позора, я буду жить под кроватью целую вечность! Конечно, тут есть плюс, что я всю школу просижу под кроватью, но как быть с аттестатом...с аттестатом зрелости?! Я под кроватью за двадцать лет не то что созрею, я там вполне перезрею* [283, 338]. Комический эффект создается благодаря столкновению значений слов, производных от прилагательного *зрелый*.

Н. М. Ротанова, исследуя речевые средства комического в детской художественной литературе, пишет: «Экспрессия окказионального эффекта языка, способного выступать как средство создания комического эффекта, строится на эксплуатации необщепринятого, необычного, нового, неожиданного» [197, 20]. Авторы детской литературы часто используют различные приемы языковой игры для создания комизма.

Каламбур, основанный на столкновении значений многозначного слова, встречается в литературе исследуемого периода довольно часто: *Билет-то она нам дала один, а написано на нем: «На два лица»! На мое, значит, лицо и на Мишкино* [283, 150].

2) Для оформления оценки, характеризующей величину описываемого предмета: *Я заметил, что в начале года учиться почему-то всегда трудней. Уроки кажутся длинными, будто их кто-то нарочно растягивает* [285, 17]. В данном случае происходит столкновение двух значений прилагательного *длинный* – значения измерения времени (*длинный день*) и значения размера чего-либо (*длинный пиджак*). Данный прием довольно часто употребляется для создания комического в детской литературе.

В исследуемых текстах наблюдается связь с фольклорными традициями – число «три» является символическим в устном народном творчестве. В энциклопедии символов Керлота читаем: «ТРИ символизирует духовный синтез; это формула для творения каждого из миров.<...>Это число связано с базовыми принципами и выражает самодостаточность или возращание «единства в самом себе» [121, 577]. *И вот Знайка стал думать. Думал он **три дня и три ночи** и придумал сделать шар из резины* [284, 23]. Сравним с русскими народными сказками: там герои обычно думают «три дня и три ночи». Такой прием называется **реминисценцией**. «Реминисценция – стилистический прием, состоящий во включении в речь (текст) хорошо узнаваемого фрагмента чужого (прецедентного) текста, иногда несколько трансформированного, без упоминания его названия и автора для усиления экспрессивности выражаемой мысли или создания какого-либо другого стилистического эффекта» [218, 261].

Обычно реминисценции рассчитаны на хорошую память и эрудицию адресата. В данном случае адресатами выступают дети, и в текст включаются узнаваемые фрагменты и герои русских народных сказок. В частности, в произведениях В. Ю. Драгунского несколько раз упоминается такой известный персонаж, как Кощей Бессмертный:

Я сказал:

– Ты что, Костик, такой худающий? **Вылитый Кощей**... [283, 22].

Но мама закричала:

– *Посмотри, на кого ты стал похож! **Вылитый Кощей!** Ешь. Ты должен поправиться* [283, 7]. «Кощей Бессмертный – персонаж восточнославянских народных сказок, крайне худой, сказочно богатый, но очень скупой и алчный» [30, 312]. В данных примерах образ Кощей используется для выражения негативной количественной оценки, в нем заключается указание на худобу, и, следовательно, болезненность ребенка. Реминисценции в данных примерах выражают количественную оценку,

характеризующую величину описываемого предмета, указывающую на признак признака.

В ходе исследования нами было выявлено использование авторами **приема обманутого ожидания** – экспрессивного эффекта, возникающего в результате нарушения норм, стереотипов восприятия (языковых, речевых, логических, онтологических, поведенческих, социальных и т.д.) [75, 187]. Р. О. Якобсон, М. Риффатер описывали эффект обманутого ожидания, однако в терминологии Пражского лингвистического кружка **обманутое ожидание** – **выдвижение, актуализация**. В. П. Москвин трактует данное средство как психологический прием, состоящий в таком построении речевой единицы, при котором тематические, смысловые, структурные ожидания, ассоциативные стереотипы, исходящие из ее начальной части, вступают в резкое противоречие с содержанием концовки [172, 245].

И. В. Арнольд характеризует эффект обманутого ожидания как один из важных типов выдвижения, «при котором на фоне увеличения упорядоченности элементов контекста появляется элемент малой предсказуемости, как раз противоположный ожидаемому и требующий в силу своей неожиданности повышения активности читателя» [9, 100].

Обманутое ожидание в исследуемых текстах служит для репрезентации:

1) количественной оценки, характеризующей величину описываемого предмета, указывающую на признак признака: *Вот так раз! Я посмотрел на папу. Он был большой, спору нет, но все-таки поменьше лошади. Он был побольше меня или мамы, но, как ни верти, он был поменьше лошади, и даже самой захудалой коровы. Корова бы никогда не поместилась на нашем диване, а папа помещался свободно* [283, 176]. Комический эффект достигается благодаря сравнению папы с коровой, что является нарушением логических норм восприятия.

2) количественной оценки, характеризующей меру описываемого предмета, указывающую на признак действия: *Утром я ничего не мог есть.*

Только выпил две чашки чаю с хлебом и маслом, с картошкой и сосиской [283, 144].

Количественная оценка может выражаться при помощи **гиперболы** – образного выражения, состоящего в преувеличении качеств описываемого. Анна Вежбицкая утверждает, что русская речь отдает предпочтение гиперболам для выражения любых оценок, как положительных, так и отрицательных. «Такая любовь к категорическим моральным суждениям, конечно же, является отголоском моральной и эмоциональной ориентации русской души» [40, 84]. В текстах детской литературы **гипербола** эксплицирует позитивную количественную оценку, характеризующую величину описываемого предмета, указывающую на признак признака: – *Наконец наступил день отлета, – продолжал Незнайка. – Коротышек собралось – тысячи! Одни говорят, что шар полетит, другие – что не полетит* [284, 34].

Количественная оценка, выражающая меру описываемого предмета, оформляется **гиперболической метафорой**:

– *Вот, – сказала мама, – полюбуйтесь! На что уходит отпуск? Посуда, посуда, три раза в день посуда! Утром мой чашки, а днем целая гора тарелок. Просто бедствие какое-то!* [283, 145]. В данном примере мы можем наблюдать метафору **гора тарелок**. Гиперболическая метафора – образная метафора, выражающая преувеличение [172, 84]. В данном случае при помощи гиперболы оформлена негативная квантитативная оценка.

Трилогия романов-сказок о Незнайке построена на противоположном гиперболе приеме – приеме **литоты**. И. Н. Арзамасцева пишет, что Николай Носов развил прием литоты, выбрал масштаб изображения в соответствии с масштабом обычных детских игрушек: его «коротышки» – ростом «с небольшой огурец», двухэтажный дом не больше арбуза. «Уменьшены» и все остальные реалии: машины заправляются газированной водой и сиропом, яблоки нужно спиливать с веток и т.д. [8, 381].

Литотой называется образное выражение, преуменьшающее размеры, силу, значение описываемого явления. Литоту называют еще обратной

гиперболой [63, 143]. Данный прием используется писателями, в основном, для выражения количественной оценки, характеризующей величину предмета, указывающую на признак признака: *Воздушный шар поднялся еще выше, и весь Цветочный город был **виден как на ладони**. Дома казались совсем крошечными, а коротышек уж и совсем нельзя было разглядеть* [284, 35].

В исследуемых текстах встречается **метонимия**. При помощи данного средства оформлена:

1) оценка, характеризующая меру предмета: *Еще не было шести часов утра, а вокруг уже **собрался почти весь город*** [284, 29].

2) оценка, характеризующая объем описываемого предмета: *Там лежала **здоровенная пузатая бочка**. В ней раньше был мел, а теперь она валялась пустая* [283, 33]. Неодушевленное существительное *бочка* наделено признаком одушевленного существительного, а именно живого существа.

Количественная оценка может быть выражена при помощи **оказиональной метафоры** [172, 207]:

*Дело в том, что наш Горбушкин заикался с самого первого класса. И он не как-нибудь скромненько так заикался, нет, он был **чемпионом заикания**. Горбушка был неслыханный **трехступенчатый заика*** [283, 316].

Данные индивидуальные метафорические неологизмы *чемпион заикания* и *трехступенчатый заика* выражают количественную оценку, характеризующую меру предмета и служат для усиления признака. Интенсификатором оценки в данном случае выступает прилагательное *неслыханный*.

Количественная оценка может выражаться также при помощи **синонимии**. Так, например, в произведении В. Ю. Драгунского используется синонимический повтор, выражающий оценку меры предмета: *Там народу было **видимо-невидимо**, и все в костюмах* [283, 162]. Редупликация особенно характерна для устного народного творчества, в сказках встречаются такие синонимические повторы: *грусть-тоска, ждет-пождет* и т.п.

2.2.2. Словообразовательные средства оформления количественной оценки.

По мнению лингвистов, «словообразование в русском языке является ярким источником речевой экспрессии благодаря богатству и разнообразию оценочных аффиксов. У разных частей речи оценочность, созданная аффиксацией, проявляется по-разному. Наиболее сильной экспрессией обладают суффиксы субъективной оценки существительных» [63, 112].

От нейтральных в эмоционально-экспрессивном отношении слов в русском языке образуются такие слова, которые обладают оценочным значением. Такими словами являются, например, существительные с уменьшительно-ласкательным значением. Анна Вежбицкая считает, что во многих языках, например в славянских и романских, экспрессивное словообразование играет роль, которую трудно переоценить. Автор пишет: «просто огромна функциональная нагрузка так называемых уменьшительных суффиксов» [40, 89]. Высокочастотным средством выражения количественной оценки (25,25%) являются **суффиксы субъективной оценки**, при помощи которых могут оформляться различные типы оценок:

1. Позитивная количественная оценка, характеризующая величину описываемого предмета, указывающую на признак признака (по классификации А. Ф. Папиной).

1.1. Чаще всего в детской литературе встречается уменьшительно-ласкательный суффикс **-еньк-**. Анна Вежбицкая утверждает, что русский язык исключительно богат уменьшительными формами: «Складывается даже впечатление, что без прилагательных на **-еньк-** русская речь вообще была бы иной» [40, 90].

Толстенький Пончик надел свой самый лучший костюм [284, 28].

Также количественная оценка может быть оформлена при помощи суффиксов **-ок-**, **-оч(е)к-**, **-иц-**, **-ишк-**: *Первым залез Торопыжка, за ним полез Пончик и чуть не свалился на головы остальным коротышкам. Он был толстенький, все карманы у него были набиты всякой всячиной: где сахарок*

лежал, где *печеньице* [284, 32]. В данном примере уменьшительно-ласкательную функцию выполняют также суффиксы *-ок-* и *-иц-*. Указанные суффиксы В. В. Лопатин относит к суффиксам существительных с субъективно-оценочными значениями. Автор указывает, что данные суффиксы чаще всего имеют деминутивное значение, обычно сопровождающееся экспрессией ласкательности [198, 208]. Е. А. Земская считает, что слова типа *головка, борода, столик* являются формами слов *голова, борода, стол*, подчеркивая, что «разница в значении этих слов очень невелика, а иногда совсем отсутствует: суффиксальные слова называют не новый предмет, а лишь субъективное ласкательное отношение говорящего к предмету» [93, 26]. По нашему мнению, эмоционально-оценочные суффиксы не только выражают субъективное ласкательное отношение говорящего к предмету, но являются средством выражения объективных признаков его. Например, суффиксы субъективной оценки, а именно уменьшительно-ласкательные, часто встречаются в трилогии романов-сказок о Незнайке, которая построена на приеме литоты: *Она только тут заметила круглый пластырь на лбу Синеглазки и воскликнула:*

– *Ах, миленькая, какой у тебя очаровательный кружочек на лбу!* [284, 57].

Малыши ходили либо в длинных брюках навывпуск, либо в коротеньких штанишках на помочах, а малышки любили носить платица из пестренькой, яркой материи [284, 6].

Вышеназванные суффиксы подчеркивают маленькие размеры всего, что находится в городе, где живут малыши: у них не *лодки*, не *кусты*, не *кресла*, а *лодочки*, *кустики*, *креслица*: *За рекой был лес. Коротышки делали из березовой коры лодочки, переплывали через реку и ходили в лес за ягодами, за грибами, за орехами* [284, 5]. *По углам стояли маленькие креслица* [284, 43]. *Внизу узенькой лентой извивался ручей, который коротышки называли Огурцовой рекой. Деревья, которые попадались среди поля, казались маленькими пушистыми кустиками* [284, 36].

В. Ю. Драгунский в произведениях для детей часто использует уменьшительно-ласкательные суффиксы, служащие исключительно для выражения позитивной количественной оценки. Это суффиксы *-еньк--к-*, *-ц-*: *Люблю читать сказки про Кончиля. Это такая **маленькая**, умная и озорная лань. У нее веселые **глазки**, и маленькие **рожки**, и розовые отполированные **копытца*** [283, 70]. Часто рядом с оценочными существительными употребляются прилагательные с суффиксами субъективной оценки, которые усиливают оценочность имени существительного. Характерными суффиксами являются *-еньк-*, *-ик-*: *И у каждого из нас в кармане всегда лежал **хорошенький пистолетик** и к нему запас пистонных лент* [283, 6].

1.2. Суффиксы, обозначающие высшую степень проявления признака:

-ейш-, *-айш-*.

*Наука установила, что Земля наша – это **огромнейший** шар, а на этом шаре вокруг живут люди* [284, 19]. Использована превосходная степень от прилагательного *огромный*, суффикс *-ейш-*, характерный для прилагательных, обладает в данном случае позитивным оценочным значением. Значение увеличительности заложено в лексическое значение слова *огромнейший*, суффикс *-ейш-* интенсифицирует количественную оценку.

*Пока Знайка со своими товарищами занимался этой работой, все жители Цветочного города приходили и смотрели на **огромнейший** шар, который был привязан к ореховому кусту. Каждому хотелось потрогать шар руками, а некоторые даже пытались его приподнять* [284, 25]. В. В. Лопатин, анализируя словообразование прилагательных, отмечает, что прилагательные с суффиксом *-ейш-/ -айш-* означают высшую степень проявления признака: *богатейший, простейший* и т.д. [198, 301].

2. Негативная количественная оценка, характеризующая величину описываемого предмета, указывающую на признак признака.

2.1. В детской литературе встречаются случаи употребления слов с уменьшительно-ласкательным значением, несущие негативную оценочность. Суффиксы субъективной оценки *-еньк-*, *-к-*, *-юшк-* могут иметь

неодобрительно-иронический оттенок: *Тут тетя Мила взяла меня за руку и повела с террасы в дом, и мы прошли через маленькую комнатку в другую, такую же. Там в углу приткнулась узенькая тахтюшка* [283, 6]. На отрицательный оттенок значения указывает глагол *приткнулась*, относящийся к разговорной лексике [177, 520].

2.2. Увеличительные суффиксы *-ищ-* , *-ющ-* могут иметь оттенок негативной оценочности: *Нет, ты, Костик, лучше успокойся! С твоим язычищем лучше на земле сидеть* [283, 37].

Увеличительные суффиксы, выражающие негативную количественную оценку, характерны и для прилагательных:

– *Все, все, хватит! Довольно! Можешь убирать свой язык. Чересчур он у тебя длинный, вот что. Просто ужасно длиннющий. Я даже удивляюсь, как он у тебя во рту укладывается* [283, 37]. В данном случае также используется средство морфологического уровня: наречие *чересчур* является интенсификатором оценки.

2.2.3. Грамматические средства выражения количественной оценки включают в себя морфологические и синтаксические средства.

Выразительность грамматических средств в художественном тексте менее заметна, чем выразительность средств других уровней языка, «она спрятана на втором или даже третьем плане. Ведь слово всегда существует в какой-то форме: та или иная грамматическая форма как будто не является результатом свободного выбора писателя: когда писатель находит нужное слово, он не выбирает форму, она диктуется законами языка» [176, 28].

Морфологические средства выражения количественной оценки составляют 19,2% всех средств (см. таблицу 1).

Исследованные нами тексты детской литературы показали, что при помощи морфологических средств, в основном, выражена количественная оценка, характеризующая меру описываемого предмета.

1.1. Для выражения данного типа количественной оценки часто употребляются различные интенсификаторы. Как отмечает Е. М. Вольф,

прагматической целью оценок с интенсификацией является стремление сделать высказывание более убедительным для собеседника и усилить его перлокутивный эффект – изменение эмоционального состояния адресата [50, 111].

Например, такими интенсификаторами могут выступать местоимения и наречия меры и степени:

*Он был **такой** худой, прямо невозможно узнать. И бледный. **Нисколько** не загорел* [283, 21].

*Андрюшка притащил **довольно здоровый** ящик с крышкой и наполовину всунул его в бочку* [283, 33].

*И я **долго** так сидел, **очень долго*** [283, 6].

И. Б. Голуб пишет, что наречия унаследовали от прилагательных способность образовывать степени сравнения и степени качества, всегда экспрессивные грамматические категории [63, 338]. В данной грамматической категории заложено стилистическое значение, так как в ней обычно указывается на более интенсивное проявление качества действия: *И в это время, откуда ни возьмись, появились белые офицеры, их было очень много, и они начали стрелять, и красные стали падать и защищаться, но тех было **гораздо больше**...* [283, 6].

1.2. Сравнительная степень имени прилагательного может служить средством оформления количественной оценки:

*– Кусок, братцы! От солнца оторвался кусок. Скоро шлепнется – и всем будет крышка. Знаете, какое солнце? Оно **больше** всей нашей Земли!* [284, 9].

*Шар между тем поднимался все **выше и выше**. Его относил ветром в сторону. Скоро он превратился в маленькое пятнышко, которое едва виднелось на голубом небе* [284, 34].

– У вас и так очень большие глаза.

*– Ну, чуточку! Мне хочется, чтобы были **еще больше**. И ресницы сделайте **подлиннее*** [284, 88].

1.3. Количественная оценка может быть выражена при помощи **редупликации** – способа образования слов, фразеологических единиц путем полного или частичного повторения корня, основы или всего слова [122, 260]. Наречия, образованные путем редупликации, являются интенсификаторами: *А сегодня мы с папой собирались пострелять из лука и потом запустить змея - высоко-высоко, под самое солнце* [283, 144]. *Мама посмотрела мне в глаза. Она смотрела долго-долго и потом спросила:*

– Ты это запомнил на всю жизнь? [283, 11].

Синтаксические средства выражения количественной оценки

Важное место среди грамматических средств отводится синтаксическим (20,20%). В. А. Маслова считает, что при исследовании синтаксических экспрессивных единиц нужно исходить из того, что экспрессивная синтаксическая единица – это вариант, модификация некоторой нейтральной инвариантной синтаксической единицы. Именно на ее фоне нужно рассматривать экспрессивные синтаксические единицы. При восприятии текста происходит соотнесение каждого конкретного предложения с некой абстрактной моделью – двусоставным предложением, распространенным небольшим количеством второстепенных членов, неосложненным, с прямым порядком слов, типичными способами выражения членов предложения. Чем больше отличие данного конкретного предложения от этой модели, тем вероятнее, что оно будет воспринято читателем как экспрессивное [163, 65].

Парцелляция может служить средством выражения количественной оценки. Г. А. Копнина указывает: «С точки зрения актуального членения предложения, парцелляция представляет собой средство выделения, усиления наиболее важной информации, т.е. средство создания в высказывании нового (дополнительного) рематического центра (или нескольких рематических центров)» [130, 217]: В лингвистической литературе можно встретить обозначение одних и тех же речевых фактов либо термином *парцелляция*, либо термином *присоединение*. Автор считает, что эти термины не следует смешивать, так как присоединение – это грамматическая категория,

обладающая собственным грамматическим значением и собственной грамматической формой [130, 219]. Парцелляция же – это стилистический прием, состоящий в таком расчленении единой синтаксической структуры предложения, при котором она воплощается в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах.

Она репрезентирует различные типы количественной оценки.

1. Количественная оценка, характеризующая объем описываемого предмета

Он довольно трудно в меня лился. Я, как только три четверти этого второго стакана выпил, так понял, что я уже полный. До краев [283, 156].

2. Количественная оценка, характеризующая меру описываемого предмета.

Андрюшка сейчас же откликнулся:

– Я буду космонавтом, потому что я самый маленький, меньше всех вешу!

А Костик:

*– Это еще неизвестно. Я болел, я знаешь как похудел? **На три кило!** Я космонавт [283, 32].*

Количественная оценка эксплицируется при помощи **анадиплозиса** – стилистической фигуры, заключающейся в повторении конечного элемента какого-либо отрезка речи в начале следующего за ним соответствующего отрезка речи [89, 33]:

Самым главным из них был малыш-коротыш, по имени Знайка. Его прозвали Знайкой за то, что он знал очень много. А знал он много потому, что читал разные книги [284, 6].

Море – оно большое, - начал рассказывать Глеб Скамейкин. – Оно такое большое, что если на одном берегу стоишь, то другого берега даже не видно [285, 10].

Квантитативная оценка часто выражается при помощи **сравнения**. Сравнение – по определению О. Н. Емельяновой – стилистический прием,

закрывающийся в сопоставлении одного предмета, явления (субъекта сравнения) с другим предметом, явлением (объектом сравнения) на основании каких-либо признаков (основа сравнения) с целью более точного и одновременно образного описания первого [90, 306]. И. Б. Голуб рассматривает сравнение как лексическое образное средство, однако отнесение сравнения к тропам является спорным. Например, В. Д. Бондалетов анализирует сравнение в рамках синтаксической стилистики. Следуя за ним, мы характеризуем сравнение как синтаксическое средство выражения оценки. В основном, сравнение используется авторами в детской литературе данного периода для создания комического эффекта, а также может служить средством оформления вышеназванных типов квантитативной оценки.

1. Оценка, характеризующая величину предмета, указывающую на признак признака.

*В одном сказочном городе жили коротышки. Коротышками их называли потому, что они были очень маленькие. Каждый коротышка был **ростом с небольшой огурец** [284, 5].* В данном случае оценка выражена при помощи сравнения, оформленного при помощи союза *с*. Рассмотрим еще пример:

*– Скажите, а это правда, что когда летишь на воздушном шаре, то земля внизу кажется **величиной с пирог**? – спросила Знайку Белочка [284, 112].*

Сравнения часто оформляются сравнительными оборотами и вводятся в текст посредством союзов *как* и *точно*.

*И в это время я рассказывал Мишке про лемуру, что у них большие глаза, **как стеклянные блюдечки**, и что я видел фотографию лемура, как он держится за авторучку, а сам маленький-маленький и ужасно симпатичный [283, 26].*

2. Оценка, характеризующая меру предмета.

Комичность сравнения достигается благодаря неожиданной отдаленности сравниваемых предметов: *Когда я жил у дяди Володи на даче, недалеко от нас жил Борис Клементьевич, худой такой дядька, веселый, с палкой в руке и высокий, **как забор** [283, 164].*

Данный тип оценки также может быть выражен при помощи отрицательного сравнения: *Прилетели наверх, смотрим – а земля внизу вот не больше этого пирога* [284, 54].

3. Оценка, характеризующая объем предмета.

Сравнительный оборот может относиться к наречию и подчеркивать характер или степень проявления способа действия: *Марья Петровна часто ходит к нам чай пить. Она вся такая полная, платье на ней натянуто тесно, как наволочка на подушку* [283, 58].

Сравнительный оборот, относящийся к глаголу, помогает уточнить действие, сделать его более наглядным: *Он обмяк, сморщился, как сушеная груша, и скрылся на дне корзины. На месте, где раньше красовался огромный шар, теперь стояла только корзина, накрытая сверху сеткой* [284, 31]. Или еще: *Постепенно шар под сеткой становился все больше и больше и уже начал вылезать из корзины <...> А он тем временем сделался еще больше, вылез из корзины и лежал в ней, точно огромный арбуз на блюдечке* [284, 31].

И. Б. Голуб выделяет такой вид гиперболы, как **гиперболическое сравнение** [63, 144]. Поскольку гипербола и литота имеют общую основу – отклонение от объективной количественной оценки предмета, явления, качества, то в речи они могут совмещаться. Пример именно такого гиперболического сравнения мы обнаружили в исследуемом тексте: *Кончилось тем, что глаза на портрете получились огромные, каких и не бывает, ротик с булавочную головку, волосы – словно из чистого золота, и весь портрет имел очень отдаленное сходство* [284, 89]. Данное средство используется для оформления оценки, характеризующей величину предмета (признак признака).

Количественная оценка эмплицуруется при помощи **повтора, выраженного восклицательными предложениями**: *Он принялся рисовать поэтессу, а она беспрестанно вскакивала, подбегала к портрету и кричала:*

– *Глаза чуточку побольше! Еще, еще, еще! Ресницы прибавьте! Рот чуточку меньше...Еще, еще!* [284, 89]. Повтор выражает оценку меры предмета.

Исследовав количественную оценку на лексическом и грамматико-словообразовательном уровнях языка, мы пришли к следующим выводам.

1. Количественную оценку, характеризующую величину предмета, указывающую на признак признака, выражают следующие лексические средства: каламбур, реминисценция, прием обманутого ожидания, гипербола, литота.

Данный вид количественной оценки на грамматико-словообразовательном уровне оформляется при помощи суффиксов субъективной оценки, сравнения, гиперболического сравнения.

2. Количественную оценку, характеризующую величину предмета, указывающую на признак действия, выражают такие лексические средства, как прием обманутого ожидания, каламбур.

3. Квантитативная оценка, характеризующая объем предмета, может быть выражена при помощи метонимии на лексическом уровне языка и при помощи парцелляции, сравнения на синтаксическом.

4. Квантитативная оценка, характеризующая меру описываемого предмета, репрезентируется при помощи каламбура, гиперболической метафоры, метонимии, окказиональной метафоры, синонимии. В роли морфологических средств выражения выступает интенсификация оценки при помощи местоимений и наречий, использование сравнительной степени имен прилагательных и редупликация. На синтаксическом уровне языка данный тип оценки может быть оформлен при помощи парцелляции, анадиплосиса, сравнения, повтора.

5. Наиболее распространенными средствами экспликации указанного вида оценки являются лексические средства (35 микротекстов, что составляет 35,35%).

Таким образом, можно утверждать, что наиболее распространенным типом количественной оценки в детской литературе исследуемого периода является оценка, характеризующая меру. Она обладает наибольшим

разнообразием средств выражения на лексическом и грамматическом языковых уровнях.

2.3. Языковые средства выражения эмоциональной оценки

Термин *эмоциональная оценка* образован от латинского *emovere* – «возбуждать, волновать чувства, эмоциональный, эмоция» [104, 220]. Эмоциональная оценка обозначает положительные и отрицательные чувства говорящего, которые были вызваны действиями объекта. А. Ф. Папина считает, что положительные и отрицательные оценки со значением эмоции могут быть выражены абсолютной и сравнительной формами, модальными словами, вводными словами, логическим ударением и порядком слов [181, 270].

Т. А. Космеда относит эмоциональную оценку к разряду «эмоционально-чувственная оценка», определяет ее как оценку, которая отображает душевное состояние (оценку духовности нации, духовности человека, оценку чувств и эмоций, оценку идеального и материального в восприятии мира) [133, 101].

Языковые средства выражения эмоциональной оценки в детских произведениях середины XX вв. проанализированы на фонетическом, лексическом, фразеологическом, словообразовательном и грамматическом уровнях языка. Всего было проанализировано 79 микротекстов (20% всех видов оценки).

2.3.1. Фонетические средства выражения эмоциональной оценки.

Указанные средства составляют 11,39% всех средств оформления эмоциональной оценки. На фонетическом уровне эмоциональная оценка может выражаться при помощи **метатезы** – одного из видов комбинаторного изменения звуков, а именно взаимной перестановки звуков или слогов в пределах слова. В. П. Москвин определяет метатезу как метаплазм, состоящий в звуковой инверсии внутри слова [172, 164]. Приведем пример использования метатезы в произведениях детской литературы советского периода:

Грохот стоит дьявольский, а Ефросинья Петровна уже слегка помешалась и кричит какие-то странные слова:

– *Грабаул! Караулят!* [283, 339].

В результате перестановки слогов или замены букв может образоваться неожиданное в данном контексте слово:

И тут Раиса Ивановна снова:

– *Ну, Кораблев? Так какая же главная река в Америке?*

У меня сразу же появилась уверенность, и я сказал:

– *Миси-писи* [283, 199].

Вышеописанные примеры свидетельствуют о том, что прием метатезы при выражении эмоциональной оценки используется как прием комического.

Эмоциональная оценка может быть оформлена при помощи **слогового повтора** [172, 308]:

– *Ав-ав-авария!* – закричал Сиропчик.

– *Погибаем!* – завотил Незнайка и спрятался под лавку [283, 40].

Указанный прием В. П. Ковалев называет **эмфазой**. Он считает, что эмфаза имеет символическое значение в языке, «усиливает реалистичность художественного текста, позволяя в какой-то мере «слышать», а потому и лучше ощущать взволнованность речи персонажей, то или иное их отношение к собеседникам» [124, 25-26].

2.3.2. Лексические средства выражения эмоциональной оценки.

Е. М. Вольф считает, что вопрос о том, какой фактор в языке является первичным – эмоциональный или рациональный, относится к одному из ведущих в аксиологии и часто оказывается решающим при противопоставлении субъективного и объективного в теории оценок. Прежде всего, эмоциональной является непосредственная реакция на объект (предмет, событие), выраженная междометием, аффективными словами, словами-оскорблениями и т.п. [50, 39 – 40]. Лексические средства оформления данной оценки высокочастотны – 50,63% (см. таблицу 1).

1. Эмоциональная оценка в произведениях детской литературы может быть выражена при помощи **слов со сниженной стилистической окраской**. Рассмотрим такие примеры:

*Некоторые мальчишки и девчонки совершенно серьезно вошли в аппетит и давай так друг друга **волтузить**, что только перья полетели [283, 217].*

*Недолго думая он надел этот халат, **напялил** колпак на голову, потом **нацепил** на нос очки, которые Медуница оставили на столе, и, захватив со стола деревянную трубочку, вышел из комнаты [284, 64].*

2. **Аллюзия** может служить для выражения эмоциональной оценки. А. П. Сковородников дает такое определение данного приема: «аллюзия – риторический прием, используемый для создания подтекста, состоящий в намеке на какой-либо широко известный исторический, политический, культурный или бытовой факт» [215, 22]. В. П. Москвин различает два значения термина: эпитроп и текстовую аллюзию. Рассмотрим пример:

*– Где он? – кричал папа. – **Подайте мне сюда этого Айвенго!** Куда он провалился? [283, 57].*

В данном случае наблюдается аналогия с образом рыцаря Айвенго, главного героя одноименного исторического романа Вальтера Скотта, таким образом создается текстовая аллюзия (по В. П. Москвину) [172, 321].

3. **Гипербола**: *А в классе все **падают в обморок от хохота, просто помирают!** [283, 121].* Известно, что *помереть* от хохота невозможно, преувеличение усиливает эмоциональную оценку.

2.3.3. Фразеологический аспект исследования эмоциональной оценки.

В. П. Москвин, Д. Э. Розенталь, Д. Н. Шмелев и другие ученые не выделяют фразеологический уровень среди других уровней языка. Фразеология традиционно относится исследователями к лексической стилистике. Д. Н. Шмелев указывает: «В лексикологии изучаются также устойчивые сочетания слов, которые представляют собой расчлененные наименования отдельных предметов и явлений действительности и являются эквивалентами слова. Эти сочетания относятся к фразеологии, которая включается в лексикологию как один из ее разделов (некоторыми исследователями, однако

считается самостоятельным разделом науки о языке, наряду с лексикологией, морфологией и т.д.)» [278, 212].

Фразеологизмы являются одними из наиболее высокочастотных средств оформления эмоциональной оценки в детской литературе, поэтому, вслед за Д. Н. Шмелевым и И. Б. Голуб, мы рассматриваем их внутри лексических средств языка. Фразеологические средства русского языка являются неисчерпаемым источником экспрессии. В. А. Маслова пишет, что фразеологические единицы всегда обращены на субъекта, то есть возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение [163, 178].

Рассмотрим выражение эмоциональной оценки в детской литературе советского периода при помощи фразеологизмов.

1. Авторы советского периода часто использовали в своих произведениях фразеологизмы в неизменном виде. Приведем такие примеры: *Или тигренок. Тоже хорошо бы взять на руки! А он смотрит на тебя ужаснувшимися глазами. Душа в пятки ушла* [283, 214]. Смысл фразеологизма «кто-либо испытывает сильный страх» не меняется [253, 150].

Незнайка долго лежал с закрытыми глазами, наострив уши [269, 45]. Значение фразеологизма – «приготовиться с напряженным вниманием и интересом слушать» остается неизменным [253, 260].

Слезы текли из их глаз в три ручья [283, 121].

Кто шел, не спеша, вроде меня, кто мчался стремглав, как на пожар [285, 5]. *Как на пожар* – «поспешно, торопливо; быстро, стремглав» [253, 333].

В ходе анализа обнаружено употребление просторечных фразеологизмов *кричать во все горло* и *распустить нюни*: *Автомобиль носится по двору, а Незнайка кричит во все горло*:

– *Братцы, откройте скорее ворота, а то я тут все во дворе переломая!* [284, 21]. Фразеологизм *во все горло* имеет значение «очень громко (кричать, орать и т.п.)» и относится к просторечной лексике [253, 117].

*Ну, ошиблись маленечко, – пожал Бублик плечами. – Недоучли, что вы **распустите нюни** и обидитесь на всю жизнь [284, 92].* Одно из значений устойчивого словосочетания *распустить нюни* – «ныть, плакаться, сетовать, жаловаться на что-либо» [253, 385].

*Я страшно разозлился на Левку и треснул его изо всех сил промокашкой по шее. И тут Левка ни с того ни с сего как даст мне пеналом по затылку. Вот когда я понял, **как искры из глаз летят** [283, 142].* Данный фразеологизм имеет значение «кто-либо ощутил такую острую боль от удара по голове или лицу, что в глазах зарябило» [253, 186].

*Лицо Незнайки **расплылось в улыбке**. Он был очень доволен, что его похвалили, потому что его почти никто не хвалил, а все больше бранили [284, 46].*

2. В детской литературе встречаются случаи изменения фразеологизмов автором.

2.1. Замена составных частей фразеологизма: *Хотя сидение в лопухах не такое уж веселое дело, но Ворчун был **вне себя от радости**, что вырвался на свободу [284, 99].* Автор использовал фразеологизм *не помнить себя от радости*. Данное устойчивое сочетание обозначает – «находиться в крайне возбужденном состоянии, не контролировать своих эмоциональных проявлений, поступков или действий» [222, 83]. Замена составных частей не отражается в данном случае на значении этого фразеологизма.

2.2. Расширение состава фразеологизма: *А Мишка сразу посветлел от счастья. **Глаза у него от удивления полезли на лоб**. Он был в таком восторге, что просто обалдел [283, 213].* Состав фразеологизма *глаза на лоб полезли* расширяется благодаря введению в него уточняющих слов *у него* и *от удивления*. Значение данной идиомы – «кто-либо приходит в состояние крайнего удивления, недоумения; испытывает сильную боль, испуг и т.п.» [253, 104].

*Незнайка услышал, что его называли храбрым, и его **рот сам собой разъехался чуть ли не до ушей** [284, 45].* Уточняющие слова *его, сам собой,*

разъехался, чуть ли не, введенные во фразеологизм *рот до ушей* придают образу особую наглядность.

3. Иногда авторы для усиления экспрессии употребляют сразу несколько устойчивых выражений подряд: *И из него зазвучала какая-то бурная музыка. Тут все сразу покатались с хохоту, просто животики надрывали, стонали от смеха, из-за этого дикого шума уже не слышно было никаких звуков* [283, 216].

Таким образом, присущая фразеологизмам образность оживляет произведение, придает ему экспрессивную окраску, служит для создания комического эффекта.

2.3.4. Словообразовательные средства оформления эмоциональной оценки.

Словообразовательные средства выражения эмоциональной оценки не являются высокочастотными и составляют 7,6% всех средств.

Весьма распространенным словообразовательным средством выражения эмоциональной оценки являются окказионализмы. Ю. А. Бельчиков указывает: «Окказионализмы – неузואальные речевые единицы (чаще всего – слова), или неузואальные значения языковых единиц, создаваемые говорящим/пишущим для выражения какого-либо индивидуального смысла, обусловленного конкретным контекстом» [26, 193].

1. Эмоциональная оценка в произведениях советского периода может выражаться при помощи следующих окказионализмов:

– *Рохля!..Вахля!! Махля!! Прыгай сейчас же! Ну! А то я разговаривать с тобой не буду! Руки тебе не подам! Ну! Прыгай же! Ну! Тухля! Протухля! Вонюхля!* [283, 237]. Слово *рохля* является основой для создания новых слов, приведенные в примере окказионализмы построены по модели данного слова, которое относится к разговорной лексике, имеет сниженную стилистическую окраску [177, 596].

2. Когда нечего делать – я не знаю, что делать, и начинаю делать то, чего вовсе не нужно делать. От этого получается одна только чепуха, и за это мне даже бывает **влетка**.

Гвоздик громко шмыгнул носом и провел по нему кулаком.

– Это какая **влетка**? – спросила Кисонька.

– Ну, **трепанация**.

– Что значит **трепанация**?

– Ну, просто колотят [284, 105].

В данном примере вместо слова *трепка* употребляется сначала слово *влетка* (от глагола *влететь*), а затем употребляется слово *трепанация*, имеющее совершенно иное значение: «хирургическая операция вскрытия костной полости с целью проникнуть к очагу болезни» [177, 702]. В русском языке производные имена на *-ациj(a)* обозначают отвлеченное действие. Н. Н. Носов нарушает действие этой модели: мотивирующим для производного *трепанация* является имя существительное с русским корнем *-треп-* (от глагола *трепать*).

2.3.5 Грамматические средства выражения эмоциональной оценки представлены в равной мере морфологическими и синтаксическими средствами языка (по 15, 19%).

Морфологические средства выражения эмоциональной оценки

1. Эмоциональная оценка может быть оформлена при помощи **тавтологии**:

– *Вечно ты что-нибудь забываешь!* – **проворчал Ворчун** [284, 35].

Данный прием служит для усиления оценочности. В. П. Москвин считает, что повторяющаяся единица может принадлежать любому уровню языка – фонетическому, морфемному, лексическому, синтаксическому [172, 237]. Вслед за ним относим тавтологию к грамматическим средствам, так как в данном конкретном случае повтор образован при помощи однокоренных слов: повторяется корень *-ворч-* в словах *проворчал* и *ворчун*.

2. Об экспрессивных возможностях русского глагола писали многие лингвисты. Глагол передает движение, придает описаниям динамизм. Известно, что речь, насыщенная глаголами, выражает стремительно разворачивающиеся события. Глаголы конкретизируют повествование, поэтому они часто употребляются для оформления эмоциональной оценки:

*Все пришли и стали вести себя очень прилично, а тетя Тамара как только вошла, так вся **завертелась, и затрещала**, и уселась пить чай рядом с папой [283, 176].* В данном микротексте использованы три глагола совершенного вида со значением начала действия.

Или еще: *Гулька взвизнул от радости и **бросился** к Незнайке, а Незнайка **побежал** навстречу ему [284, 125].* Оценка выражена при помощи глаголов движения.

Иногда эмоциональная оценка может быть оформлена при помощи глаголов совершенного вида, относящихся к просторечной лексике [177, 701]: *Тут я не выдержал и со злости как **трахнул** кулаком по корыту, на котором лежала моя голова! [283, 338].*

3. Эмоциональная оценка эксплицируется глагольным междометием, выполняющим функцию сказуемого:

*И пошла работа: котел кипит, вода **буль-буль**, пар свищет, ужас что делается! [284, 54].* Такая форма сказуемого служит для усиления действенности речи.

*Шар сразу стал легче и опять вверх полетел. Потом вдруг опять как полетит вниз, да как хватит о землю, да как подскочит, да снова как хватит... Я вывалился из корзины – **трах** головой о землю!... [284, 55].*

*А я уже прицелился, и все ждал, когда он поправит, а лук был очень тугой, и я все время приговаривал: «Сейчас я убью эту обезьянку», - вдруг стрела сорвалась, **и хлоп!** Вонзилась дяденьке в лопатку [283, 152].*

Мишка обрадовался:

*– Ага, понял! Можно про пожар выдумать, а то еще лучше сказать, как будто лед на пруду проломился, и ребенок этот – **бух!**...В воду упал! [283, 116].*

5. **Наречия** часто выступают интенсификаторами оценки:

*Скоро все зрители принялись **горячо** спорить* [284, 31].

6. Эмоциональная оценка оформлена при помощи **междометий**:

– ***Ах, батюшки,** – воскликнула она и испуганно хлопнула ладошками, – еще одного больного привели! Больше класть некуда, честное слово!* [284, 63].

– *Ну, потерпи, потерпи. Это тебе только так кажется.*

– *Нет, не кажется! **Ай-ай-ай!***

– *Ну что ты кричишь, будто я тебя режу! Я ведь не режу* [284, 21].

– ***У-у,** – то и дело раздавалось из-под машины, – бак прохудился! **У-у,** гайки нет! **У-у-у!** Трубка для подачи сиропа лопнула!* [284, 72].

Синтаксические средства выражения эмоциональной оценки

1. Оценка может быть выражена с помощью **сравнительных оборотов**. Сравнительный оборот часто выделяется как отдельное предложение, тем самым еще больше увеличивая экспрессивность. Как правило, данные единицы вводятся в текст посредством союзов *как, словно, будто* и *точно*.

На наше счастье, Шишкин оказался замечательным вратарем. Он прыгал, как кошка или какая-нибудь пантера, и не пропустил в наши ворота ни одного мяча [285, 33].

Торопыжка запутался ногой в шнурах и повис вниз головой. Он принялся дрыгать ногами и извиваться всем телом, словно червяк, которого надевают на рыболовный крючок [284, 40].

*Все вокруг захлопали и засмеялись, а дяденька **обернулся как ужаленный** и закричал:*

– *Что тут смешного! Не понимаю! Уходи, озорник, нет тебе больше никакого лука!* [283, 152].

Из приведенных примеров следует, что сравнение, оформленное сравнительными оборотами, помогает уточнить действие, сделать его более наглядным.

2. Эмоциональная оценка на синтаксическом уровне языка часто оформляется при помощи **стилистического использования номинативных предложений**:

– *Вот так полетели!* – кричали вокруг. – **Вот так Знайкин шар!** Целую неделю возились с ним, а он взял да и лопнул. **Потеха!** *Никогда в жизни не приходилось столько смеяться!* [284, 31].

*Во мне прямо все бурлило от злости! Какие все-таки наглые типы, этот худющий Костыль и особенно Миха с его противным голосом! Они, видно, серьезно воображают, что я струсил! **Какая глупость!*** [283, 235].

Указанные в примерах номинативные восклицательные предложения выполняют экспрессивную функцию, усиливая оценочность.

3. **Эллиптические предложения**, построенные на основе пропуска глагольного сказуемого, выражают эмоциональную оценку, поскольку «именно благодаря отсутствию глагольного сказуемого эллиптические предложения приобретают значение интенсивного (иногда даже стремительного) действия, выражаемого кратко, но емко» [234, 478]. Приведем такой пример:

За дверью послышалась возня:

– *Ты не толкайся, не толкайся!* – раздалось сердитое шипение. – *Вот толкни еще раз, я тебя за волосы оттаскаю!*

– *А я тебя – за косы, и еще ногой пихну!* [284, 48].

У В. Ю. Драгунского:

Я сказал:

– *Ну вот. **А теперь – спать!** Сейчас же!* [283, 273].

4. В исследуемых текстах мы обнаружили использование автором приема **парцелляции**. Парцелляция – стилистический прием, состоящий в таком расчленении единой синтаксической структуры предложения, при котором она воплощается в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах. Рассмотрим пример:

Мишка сел со мной и взял в руки самосвал.

– Ого! – сказал Мишка. – Где достал? А он сам набирает песок? Не сам? А сам сваливает? Да? А ручка? Для чего она? Ее можно вертеть? Да? А? Ого! Дашь мне его домой? [283, 4]. В данном случае парцелляция служит для создания экспрессии, показывает оценку эмоционального состояния героя.

2.3.6. Синкретические средства оформления эмоциональной оценки.

В детской литературе середины XX века наблюдается оформление эмоциональной оценки, когда в пределах небольшого отрывка авторы используют различные средства всех уровней языка. В таких примерах буквально каждое слово является оценочным. Рассмотрим некоторые из них.

а) *На углу улицы в землю была вделана решетка, и здесь вода совершенно распоясалась, она плясала, и пенилась, и булькала, как цирковая музыка, или, наоборот, журчала и скворчала, словно жарилась на сковородке. Просто прелесть...* [283, 252].

Эмоциональная оценка в данном случае выражается:

1. Олицетворением *вода совершенно распоясалась, она (вода) плясала.*
2. Сравнением, оформленным сравнительными оборотами *булькала, как цирковая музыка; журчала и скворчала, словно жарилась на сковородке.*
3. Однородными сказуемыми *она плясала, и пенилась, и булькала; журчала и скворчала.*
4. Присоединительными конструкциями *и пенилась, и булькала.*

б) *Когда Мария Петровна вбежала к нам в комнату, ее просто нельзя было узнать. Она была вся красная, как Синьор Помидор. Она задыхалась. У нее был такой вид, как будто она вся кипит, как суп в кастрюльке* [283, 300].

В данном примере эмоциональная оценка выражена при помощи:

1. Аллюзия – упоминается *Синьор Помидор*, герой сказки Дж. Родари «Чипполино». При помощи данного приема автор показывает сходство Марии Петровны с Синьором Помидором не только по цвету, но и по эмоциональным характеристикам.
2. Глагола *вбежала*, который является экспрессивным.

3. Сравнение, оформленное сравнительным оборотом как *Синьор Помидор*; придаточным предложением и сравнительным оборотом как *будто она вся кипит, как суп в кастрюльке*.

4. Синтаксического параллелизма: *она вбежала...она задыхалась*.

в) *И я вошел во двор, мы стали с Чапкой носиться и кувыркаться, прыгать и колбаситься, подсакивать, вертеться и лаять, визжать и смеяться, и валяться* [283, 177].

Средствами оформления эмоциональной оценки являются:

1. Градации – основу градационного ряда составляют слова, различающиеся стилистической окраской и уточняющие друг друга.

2. Употребления слов, относящихся к разговорной лексике: *валяться* [177, 59].

3. Употребления окказиональных слов: *колбаситься*.

4. Использования однородных сказуемых.

5. Повторяющихся союзов *и*, создающих эффект присоединения.

Таким образом, можем сделать выводы:

1. На фонетическом уровне языка эмоциональная оценка оформляется при помощи слогового повтора и метатезы.

2. На лексическом уровне языка эмоциональная оценка выражается при помощи слов со сниженной стилистической окраской, просторечной лексики, но эти средства не являются распространенными.

3. Фразеологический аспект изучения оценочных средств показывает, что в 40-е – 60-е гг. XX века авторы использовали фразеологизмы как в неизменном, так и в измененном виде (замена составных частей фразеологизма и расширение их состава).

4. Для выражения эмоциональной оценки на грамматико-словообразовательном уровне характерны такие средства, как окказиональное словообразование, экспрессивное использование глагола и глагольных междометий, использование однородных сказуемых, сравнительные обороты,

градация, парцелляция, использование номинативных восклицательных предложений, эллиптические предложения.

Таким образом, исследованный материал показывает, что наиболее распространенными средствами выражения эмоциональной оценки являются лексические, в частности, фразеологические средства – 50,63% (см. таблицу 1). Наблюдаются также случаи синкретического использования средств различных языковых уровней.

2.4. Способы оформления эстетической оценки

Реакцию говорящего, вызванную различными стимулами объективной действительности, отражает эстетическая оценка. А. Ф. Папина подчеркивает, что реакция говорящего может быть передана метафорически в процессе оценивания картины мира, любого объекта при помощи оператора: прекрасное – безобразное [181, 284]. Н. Д. Арутюнова отмечает, что «высоту» и «низость» эстетической оценки усиливают метафоры и интенсификаторы типа: высокохудожественный, низкопробный, уродливый [14, 199].

Нами было рассмотрено 23 микротекста, в которых наблюдалась эстетическая оценка (5% всех видов оценки). Анализ текстов детской литературы позволяет выделить несколько типов указанной категории: оценку произведений искусства, оценку внешнего вида живых существ и оценку явлений окружающей действительности.

2.4.1. Лексические средства выражения эстетической оценки.

Указанные средства обладают достаточно высокой частотностью (26,09%).

1. Разговорная лексика, эксплицирующая оценку произведений искусства:

Когда он увидел на стене свой портрет, то страшно рассердился и сказал, что это не портрет, а бездарная, антихудожественная мазня [284, 15]. Слово *мазня* принадлежит к вышеназванной лексике и имеет значение

«неумелое рисование, плохой рисунок, письмо; плохая, небрежная работа» [177, 288].

Но сам Тюбик не был доволен своей работой и называл ее почему-то *халтурой*. Он говорил, что из всех портретов, которые он нарисовал в Зеленом городе, настоящими произведениями искусства могут считаться только портреты Снежинки и Синеглазки, остальные годятся лишь на то, чтобы покрывать ими горшки и кастрюли [284, 102]. Здесь слово *халтура* принадлежит к разговорной лексике, имеет значение «недобросовестная, небрежная и без знания дела работа, а также вещь, сделанная таким образом» [177, 746]. В обоих примерах при помощи сниженной лексики выражена негативная эстетическая оценка. Кроме того, в последнем примере используется прием контраста – противопоставление произведений искусства бытовым предметам – *горшкам* и *кастрюлям*, что создает комический эффект при выражении негативной эстетической оценки.

2. Антонимия, оформляющая оценку внешнего вида живых существ. Часто противопоставляются прилагательные *красивый* – *некрасивый*, которые состоят в антонимических отношениях: *Малышки очень любили делать разные красивые прически, волосы заплетали в длинные косы и в косы вплетали ленточки, а на голове носили бантики* [284, 6]. Негативная эстетическая оценка оформляется при помощи прилагательного *некрасивый*, отрицательный эффект усиливает наречие-интенсификатор *очень*: *Там уже сидела наша вожатая Люся, и с ней был один парнишка, приблизительно из четвертого, очень некрасивый, с маленькими ушами и большущими глазами* [283, 98].

2.4.2. Грамматические средства оформления эстетической оценки.

1. Морфологические средства

1.1. Распространенным средством выражения оценки внешнего вида живых существ выступает интенсификация оценки различными частями речи. Как правило, интенсификаторами эстетической оценки выступают прилагательные и наречия: *Всем обязательно хотелось быть самыми красивыми. И напрасно. Тюбик доказывал, что каждый красив по-своему и*

что даже маленькие глаза могут быть тоже красивыми. Нет! Все малышки требовали, чтобы глаза обязательно были большие, ресницы длинные, брови дугой, рот маленький [284, 101]. В данном случае оценочность усиливается при помощи превосходной степени имени прилагательного.

– *Послушай, – сказала девушка, – мне кажется, что я видела тебя выходящим из подъезда, что прямо напротив нашего. Ты выходил с одной **очень красивой женщиной** [283, 257]. Наречие *очень* выступает интенсификатором положительной эстетической оценки.*

Эстетическая оценка может переплетаться с количественной и зрительной (сенсорной) оценками: *И вдруг на арену выбежала маленькая девочка. **Я таких маленьких и красивых никогда не видел.** У нее были **синие-синие** глаза, и вокруг них были **длинные ресницы** [283, 260].* Наличие указанных видов оценки в одном контексте создает позитивную эстетическую оценку внешнего вида персонажа. В данном примере интенсификатором выступает местоимение *такие*. Еще такой пример: *И потом, **эти птицы были такие красивые, что я себе даже представить такого не мог** [283, 239].*

Оценка явлений окружающей действительности оформляется при помощи интенсификации оценки при помощи наречия *очень*: *В городе у них было **очень красиво**. Вокруг каждого дома росли цветы: маргаритки, ромашки одуванчики [284, 5].*

2. Синтаксические средства

2.1. Сравнительные обороты, оформляющие оценку произведений искусства:

А Ирка Родина сказала:

– *На этой картине **краски как будто драгоценные камни...** [283, 257].* В данном случае сравнение оформлено при помощи сравнительного союза *как будто*.

2.2. Сравнительный оборот, оформляющий оценку предметов и явлений окружающей действительности:

Вокруг танцевальной площадки красовались нарядные палатки. Они сверкали яркими красками, словно пряничные избушки [284, 114].

2.3. Однородные определения эксплицируют оценку предметов и явлений окружающей действительности: *Возле нашего дома появилась афиша, такая красивая и яркая, что мимо нее невозможно было пройти равнодушно* [283, 237].

2.4. Восклицательные предложения, репрезентирующие указанный выше вид эстетической оценки: *И мы понеслись с Мишкой по лестнице, через ступеньки, наверх. Ну, а там действительно было красиво! Ничего не скажешь!* [283, 151].

2.4.3. Синкретические средства экспликации оценки явлений окружающей действительности.

Рассмотрим следующие примеры:

1. *И мы тоже пошли, и молчали, и всю дорогу я думал, как это красиво, когда весна на дворе, и все нарядные и веселые, и машины туда-сюда, и милиционер в белых перчатках, а в чистое, синее-синее небо улетает от нас красный шарик* [283, 136]. В данном микротексте эстетическая оценка оформлена при помощи:

а) сложной синтаксической конструкции с несколькими видами связи, что придает динамичность описанию;

б) однородных определений *нарядные и веселые*, которые несут позитивную окраску;

в) эстетическая оценка переплетается с сенсорной: *милиционер в белых перчатках, а в чистое, синее-синее небо улетает от нас красный шарик*. Сенсорная оценка интенсифицирует позитивную эстетическую оценку, так как указанные цвета несут положительную окраску, доказательством чему является придаточное предложение *как это красиво*.

2. *Здесь тебе не самодельный пляжик с грязноватым песком и бумажками, здесь тебе не какой-нибудь травянистый бережок – это там можно чапать как угодно, – а здесь водная станция, здесь порядок,*

чистота, ловкость, спорт, шик-блеск, и поэтому все здесь ходят по-чемпионски, на «отлично», фасонно ходят – иногда даже ходят лучше, чем плавают [283, 231].

Эстетическая оценка в данном примере выражена при помощи лексических средств:

А) просторечной лексики со сниженной стилистической окраской: *фасонно, чапать* [177; 738, 761];

Б) Реминисценции: *шик-блеск*. Данное крылатое выражение, которое полностью звучит «*шик, блеск, красота*», является рефреном куплетов цирковых велосипедистов, выступающих с номером «Чудо техники XX века» из кинофильма «Цирк» [83, 757];

деривационно-грамматических средств:

А) Словообразовательных: суффиксы субъективной оценки, имеющие негативный оттенок значения: *-ик-* (*пляжик*), *-ок-* (*бережок*), *-ист-* (*травянистый*), *-оват-* (*грязноватый*);

Б) Синтаксических средств:

а) сравнительные обороты: *ходят по-чемпионски, иногда даже ходят лучше, чем плавают*.

б) однородные подлежащие: *здесь порядок, чистота, ловкость, спорт, шик-блеск*.

в) повторы: неоднократно повторяется слово *здесь* для придания значимости месту, где происходит действие.

Исследовав эстетическую оценку на лексическом и грамматическом уровнях языка, можем сделать следующие выводы:

1. Для выражения оценки произведений искусства характерны следующие лексические средства: использование разговорной лексики, приема контраста. Из грамматических средств употребляется только сравнительный оборот.

2. Эстетическая оценка внешнего вида живых существ оформлена при помощи лексики (антонимии) и грамматики (интенсификации оценки различными частями речи), грамматические средства превалируют.

3. Оценка явлений окружающей действительности репрезентирована словообразовательными, морфологическими, синтаксическими средствами. Лексическим средством выражения данного вида оценки является употребление просторечной лексики.

4. Эстетическая оценка оформляется синкретически.

5. Возможно переплетение эстетической оценки с количественной и зрительной (сенсорной) оценками.

6. В основном, превалируют синтаксические средства оформления указанного типа оценки – 39,13% (см. таблицу 1).

2.5. Языковое выражение этической оценки

Н. Д. Арутюнова считает, что этическая оценка «применима ко всему, что устремлено к облагороженной модели малого и большого мира, то есть к тому, что человек считает «добром». Это высшее добро лингвистика определить не может. Она может лишь подтвердить, что употребление общеоценочных предикатов (хороший и хорошо, плохой и плохо) обусловлено отношением к идеализированной модели мира» [12, 181].

Ф. С. Бацевич, Т. А. Космеда выделяют морально-этическую оценку. Они считают, что оценочность имен морально-этической семантики характеризуется сочетанием социально-оценочных и рационально-оценочных признаков, которые находятся во взаимодействии и обуславливают друг друга [24, 226]. Также в их исследовании подчеркивается, что объектом морально-этической оценки является человек как деятель, руководствующийся нормами прогрессивной морали, как носитель прогрессивных морально-этических качеств.

С позиции говорящего этические оценки рассматривают поведение окружающих его людей, одушевленные и неодушевленные объекты [181, 273].

Мы проанализировали 42 микротекста, содержащих этическую оценку. Этическая оценка составляет 10% всех видов оценки (см. таблицу 1.1.).

Среди этических оценок, присутствующих в литературе исследуемого периода, можно выделить отдельную группу оценок, несущих характеристику с позиции **честность – обман**. Н. Д. Арутюнова, исследуя вторичные истинностные оценки, пишет: «Практически все дескрипции речеповеденческих актов лжи (имена, глаголы и перифразы) включают в свою семантику этическую оценку. Она принимает во внимание сознательность действия, его мотивы и цели, состояние сознания говорящего, прагматическую ситуацию и др.» [14, 575]. Рассмотрим средства выражения этической оценки на различных языковых уровнях.

2.5.1. Лексические средства оформления этической оценки.

Лексические средства выражения указанного вида оценки являются наиболее распространенными – 47,62%.

1. Этическую оценку эксплицирует **языковая игра**. **Языковая игра** (по определению А. П. Сковородникова) – творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой/стилистической/речеповеденческой / логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера [219, 389].

– *Да не перебивайте!* – с досадой сказала Синеглазка. – *Не мешайте ему. Не станет он врать.*

– *Правда, не мешайте мне врать...то есть – тьфу!* – *не мешайте говорить правду*, – сказал Незнайка [284, 55]. Каламбур в данном случае построен на глаголах-антонимах: *врать* и *говорить правду*.

А тут, как назло, прибежал Мишка, в руках нарядная коробочка с надписью: «Первое мая». Мишка говорит:

– *Готово, теперь я рыцарь за двадцать две копейки* [283, 54].

Мы обратились к словарю С. И. Ожегова и обнаружили, что одним из значений слова *рыцарь* является «самоотверженный, благородный человек».

Данное слово относится к высокой лексике [177, 600], поэтому сочетание с характеристикой *за двадцать две копейки* создает эффект комизма.

2. Исследуя этическую оценку, Н. Д. Арутюнова пишет: «Положительная этическая оценка <...> требует ориентации на этическую норму, соблюдение нравственного кодекса» [14, 199]. Произведения детской литературы советского периода часто были полны традиционных нравоучений, например, в повести Н. Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома»:

– *По-моему, воспитывать в детях честность – важнее всего, – продолжал папа. Честный человек не соврет, не обманет, не подведет товарища, не возьмет чужого и трудиться будет исправно, не станет сидеть сложа руки, когда другие работают, потому что это значит **быть паразитом и поедать чужой труд.***

Автор использует прием зооморфизма, а также замену компонентов фразеологизма *есть чужой хлеб*.

2.5.2. Фразеологический аспект исследования этической оценки.

1. Фразеологическое единство *не сойти мне с этого места*:

– *Вот не сойти мне с этого места, – если я вру!* [284, 55]. Обратимся к фразеологическому словарю русского языка под редакцией А. И. Молоткова. Фразеологизм обозначает *клятвенное заверение в чем-либо* [253, 445].

2. Этическая оценка может быть оформлена при помощи фразеологизма *без зазрения совести*. Данная идиома имеет значение *не испытывая чувства стыда, без стеснения* [253, 164]: *Главный недостаток Гены заключался в том, что он любил иногда приврать. То есть он не то чтобы **врал**, как говорится, **без зазрения совести**. Нет, этого за ним не водилось. Вернее сказать, он не всегда говорил правду* [285, 17].

3. Оформление этической оценки при помощи фразеологизма *с три короба*. Значение *очень много (наговорить, пообещать, наврать и т.п.)* [253, 208] можно наблюдать в таком примере:

Наконец Гена лег спать, а папа сказал маме:

– Знаешь, что мне больше всего нравится в нашем мальчике – это его честность. Он мог бы наврать **с три короба**, мог сказать, что собрал больше всех лома, а он откровенно признался, что двое ребят собрали больше его [286, 21].

4. Фразеологизм как *по-писаному* в данном микротексте соответствует значению *бойко, гладко, без запинок (говорить, рассказывать и т.п.)* [253, 320]: *Я уже ничего не мог поделать: **Мишка врал, как по-писаному, еще лучше меня*** [283, 121].

5. Синкретические (лексические) средства выражения этической оценки. Рассмотрим пример из произведения Н. Н. Носова «Приключения Незнайки и его друзей»: *Если происходил такой случай, что какой-нибудь малыш **распустит свои кулаки** или даже скажет обидное слово малышке, то над ним все смеялись и говорили, что он невоспитанный невежа и **неотесанный чурбан**, который незнаком с самыми простыми правилами приличного поведения* [284, 127]. В данном микротексте использованы такие лексические средства:

а) преобразование состава фразеологизма: **распустит свои кулаки**. Данная идиома является контаминацией фразеологических единиц *распустить язык* [253, 386] и *давать волю кулакам* [253, 217];

б) устойчивое выражение *неотесанный чурбан*, которое имеет сниженную стилистическую окраску;

в) тавтология *невоспитанный невежа, который незнаком с простыми правилами приличного поведения*. Имя существительное *невежа* имеет значение *грубый, невоспитанный человек* [177, 342]. Также имя прилагательное *воспитанный* имеет значение *отличающийся хорошим воспитанием, умеющий хорошо вести себя* [177, 85].

2.5.3. Словообразовательные способы экспликации этической оценки.

Словообразовательные средства менее частотны, чем все другие (11,9%). Этическая оценка может быть выражена при помощи словообразовательных

средств, например **окказионального словообразования**: *И Мишка опять надулся. А потом говорит:*

– Ну, была не была! Знай мою **добрость!** На!

И он протянул мне коробочку от спичек [283, 5].

Слово *добрость* построено по модели слова *милость* с использованием суффикса абстрактных существительных *-ость*.

2.5.4. Грамматические средства выражения этической оценки.

1. **Морфологические** средства (16,67%) могут служить для выражения этической оценки:

а) использование сравнительной степени прилагательного:

– *Так это ведь не совсем даром, – говорю я. – Просто так, ради дружбы.*

Дружба ведь дороже волшебного фонаря! [286, 116]. При сравнительной степени прилагательного интенсивнее проявляется качественное значение прилагательного, что способствует усилению оценочности. Кроме того, используя несоотносимые понятия *дружба* и *фонарь*, автор достигает комического эффекта;

б) междометия – особый разряд слов, выражающих чувства и побуждения, они могут быть использованы для оформления этической оценки в составе оценочных номинативных предложений:

– *Фу, какой стыд! Этот Незнайка может вообразить о себе невесть что!* – сказала малышка с худеньким личиком и остреньким подбородком [284, 68]. Или:

– *Подумать только!* – кричал он, хватаясь за голову руками. – *Значит, он только и делал, что катался на санках, а нам говорил, что ходит собирать лом. Так врать, а! Хорошо воспитали сыночка, нечего сказать!* [286, 27]. В обоих случаях при помощи междометий *фу* и *а* выражена негативная оценка.

2. **Синтаксические** средства довольно высокочастотны – 23,81% (см. таблицу 1).

а) риторические восклицательные предложения – это эмоционально окрашенные предложения, в которых эмоции, даже не выраженные

лексическими и синтаксическими средствами, обязательно выражены интонационно [279, 279]: *Раиса Ивановна говорит:*

– *Как не стыдно врать! Какой позор! И я-то их считала хорошими ребятами!* [283, 121].

– *Не знаешь? А я знаю! – закричал вдруг отец и стукнул кулаком по столу. – Ты плут! Мошенник! Трутень ты, вот кто! Тунеядец!* [286, 28]. В данном случае этическая оценка также выражается при помощи лексических значений выделенных слов, и, безусловно, имеет негативную окраску;

б) присоединение (эпифраз): *Ну что за дедушка Валя – золотой человек! Добрый. Он один раз мне божью коровку подарил. Я его никогда не забуду за это* [283, 82]. Данный прием отражает неподготовленность и спонтанность высказывания [253, 370], что очень характерно для детских рассуждений героя, содержащих этическую оценку;

в) передача чужой речи. Прямая речь, как известно, отличается особой эмоциональностью, она наиболее близка к живой речи: *А сам подумал про дядю Мишу: «Вот какой добрый и вежливый. Другой бы довез и наплевал, а этот еще и позвонит моим родным»* [283, 358]. И. Б. Голуб считает, что прямая речь, выразительные возможности которой трудно переоценить, пользуется наибольшей популярностью среди писателей и журналистов [63, 405]. В данном примере также употребляется просторечный глагол *наплевал* [177, 450];

г) повтор. При помощи повтора слова *дружба*, которое находится в позиции подлежащего и члена именного составного сказуемого, усиливается оценочность:

Какой же ты товарищ, если миришься с тем, что твой друг поступает нехорошо? Такая дружба ненастоящая – это ложная дружба [285, 244].

д) сложноподчиненные предложения цели, а именно, целевые отношения при помощи союза *чтобы* в сложноподчиненном предложении:

– *Что ты, папа! Совсем не похоже. Ведь Старый Мореход обманывал, чтобы спасти свою жизнь. Ведь он же одинокий был, больной. А Марья*

Петровна? Разве она больная? [283, 64]. Данное предложение оформляет позитивную эстетическую оценку;

е) – *А Старый Мореход был благородный: он спас своего больного друга, боцмана, – это раз. И ты еще подумай, папа, ведь он обманывал только проклятых богачей, а Марья Петровна – меня. Объясни, зачем она меня-то обманывает? Разве я богач?* [283, 65]. В данном примере в бессоюзном сложном предложении находится утвердительная часть, а оценка содержится в именном сказуемом *А Старый Мореход был благородный*.

2.5.5. Синкретические средства выражения этической оценки.

Рассмотрим пример:

Синеглазка подошла к Незнайке и с презрением сказала:

– *Вы зачем нас обманывали? Мы вам верили – думали, что вы на самом деле умный, честный и смелый, а вы оказались жалким обманщиком и презренным трусишкой!* [284, 111].

В данном микротексте использованы средства разных языковых уровней.

1. Лексические: эмоционально окрашенная лексика. Слово *презрение* имеет значение «глубоко пренебрежительное отношение к кому-чему-н.» [177, 503]; тавтология, служащая для усиления негативной оценочности: *с презрением, презренным трусишкой*; контекстуальная антонимия *честный и смелый/жалким обманщиком и презренным трусишкой*.

2. Словообразовательные: уменьшительный суффикс *-ишка-* в слове *трусишка* в данном случае выражает презрительное отношение.

3. Синтаксические: противительные отношения, оформленные при помощи союза *а*.

Проанализировав микротексты, содержащие этическую оценку, мы пришли к следующим выводам:

1. На лексическом языковом уровне этическая оценка выражается при помощи языковой игры, фразеологизмов в неизменном виде, преобразования состава фразеологизмов, эмоционально окрашенной лексики, тавтологии.

Лексические средства являются наиболее распространенными – 47,62% (см. таблицу 1).

2. Словообразовательные средства экспликации этической оценки наблюдаются сравнительно редко (единичные случаи окказионального словообразования и использования суффиксов субъективной оценки).

3. Морфологические языковые средства представлены использованием авторами сравнительной степени прилагательных, употреблением междометий.

4. Синтаксические средства оформления этической оценки в исследованных произведениях используются довольно часто, обнаружены риторические восклицательные предложения, присоединение, передача чужой речи, повтор, сложноподчиненные предложения цели, сложносочиненные предложения с противительными отношениями.

2.6. Языковое оформление сенсорной оценки

Сенсорные оценки основываются на ощущениях пяти органов чувств человека: слуховых (звуковых), зрительных, органов осязания (тактильных), обоняния и вкуса. Арутюнова Н. Д. выделяет сенсорно-вкусовые слова, Т. А. Космеда не включает данный вид оценки в свою классификацию [133].

Термин «сенсорный» восходит к латинскому – *sensum*, что значит «чувство, ощущение, восприятие, понимание, настроение» [104, 291]. Вслед за Папиной А. Ф., мы выделяем среди сенсорных следующие оценки: зрительную, слуховую (звуковую), оценку органов обоняния, вкусовую и оценку органов осязания (тактильную) [181, 274]. Таким образом, сенсорная оценка – это оценка, отражающая непосредственную реакцию пяти органов чувств на различные объекты действительности.

Проанализировано выражение сенсорной оценки лексическими и грамматическими средств языка – всего 83 микротекста (21% всех оценок – см. таблицу 1.1.).

Так как каждый из видов указанной оценки представлен ограниченным количеством микротекстов, которые не всегда содержат единицы всех языковых уровней, а только некоторые из них, считаем целесообразным анализировать указанную оценку согласно ее подвидам.

2.6.1. Выражение зрительной оценки на лексическом и грамматическом уровнях языка.

Лексические средства.

Н. Д. Арутюнова считает, что среди сенсорных значений «наиболее развиты и тонко дифференцированы понятийные эквиваленты зрительных ощущений» [14, 42]. А. Ф. Папина отмечает, что цветовая лексика отличается наличием определенной символики, ей свойственна индивидуальность отбора слов зрительной оценки в разных авторских системах [181, 290].

В процессе анализа данного вида оценки было замечено, что произведения детской литературы советского периода достаточно хроматичны, то есть многоцветны: *Ему хотелось изобразить Гуньку покрасивее, вот он и нарисовал ему красный нос, зеленые уши, синие губы и оранжевые глаза* [284, 12].

Среди лексических средств, использованных авторами для выражения зрительной оценки, можем выделить:

1) **прием обманутого ожидания:** *Этот Незнайка носил яркую голубую шляпу, желтые, канареечные брюки и оранжевую рубашку с зеленым галстуком. Он вообще любил яркие краски. Нарядившись таким попугаем, Незнайка по целым дням слонялся по городу, сочинял разные небылицы и всем рассказывал* [284, 7]. Казалось бы, описание внешнего вида Незнайки, его «многоцветия» имеет положительный оттенок. На него указывает и определение *яркие краски*, и глагол *любить*, также, как известно, дети любят яркие цвета, и Незнайка в трилогии является положительным героем. Но следующая фраза *нарядившись таким попугаем* содержит негативную оценочность и служит для выражения комического эффекта.

2) **алогизм:** *Ему хотелось изобразить Гуньку покрасивее – вот он и нарисовал ему красный нос, зеленые уши, синие губы и оранжевые глаза* [284, 12].

3) **контекстуальные лексические антонимы:** *На столе была белая скатерть и полная тарелка красной редиски, и это было очень красиво, и все были такие умытые, свежие, что мне сразу стало весело, и я побежал во двор умываться* [283, 274]. При помощи контрастных контекстуальных антонимов – прилагательных с обозначением цвета – выражена зрительная оценка.

4) в энциклопедии символов Дж. Тресиддера синий цвет описывается как «бесконечность, вечность, истина, преданность, вера, чистота, целомудрие, духовная и интеллектуальная жизнь – ассоциации, которые возникли во многих древних культурах и выражают общую мысль, что синий цвет неба – наиболее спокойный и в наименьшей степени «материальный» из всех цветов» [243, 334]. Данный цвет обладает в детской литературе положительной оценочностью, о чем свидетельствует такой пример: *Перед зеркалом стояли две малышки и разговаривали. Одна была в синем платье из блестящей шелковой материи, с таким же шелковым поясом, завязанным сзади бантом. У нее были голубые глаза и темные волосы, заплетенные в длинную косу* [284, 44]. В данном примере описана Синеглазка, которая в произведении Н. Н. Носова является положительным персонажем. Сенсорная зрительная оценка выражена также в имени героини.

Словообразовательные средства

Зрительная оценка оформляется оценочными суффиксами: *На пороге появилась нянечка в белом халате и косыночке, из-под которой выбивались золотистые локоны* [284, 63]. Суффикс *-ист-* служит для смягчения признака и обладает позитивной оценочностью. Обратившись к энциклопедии символов, мы пришли к выводу, что золотой или золотистый цвет несет позитивную оценочность, так как ему приписываются свойства золота, его символизм – солнце, огонь, слава, божество, свет небес и истины [243, 123].

Грамматические средства

1. Тавтология: *И вдруг из-за **красной** занавески вышел целый отряд каких-то людей, одетых **очень красиво** – в **красные костюмы с желтыми полосками*** [283, 259]. Красный цвет, в основном, несет положительное оценочное значение. Наречие *очень* является интенсификатором признака *красиво*.

2. **Сравнение**, выраженное сравнительными оборотами: *От холода воздушный шар покрылся инеем и сверкал над головами малышей, **словно был сделан из чистого серебра*** [284, 40]. «Белый цвет – абсолютный цвет света и поэтому – символ чистоты, истины, невинности и жертвенности или божественности. Хотя он имеет и некоторые негативные значения – страх, трусость, капитуляция, холодность, пустота и бледность смерти, белый – позитивная сторона антитезы «черное-белое» во всех символических системах. <...> Связь между светом и радостью делает белый цвет ассоциирующимся с праздником» [243, 23]. К ряду белого цвета мы можем отнести и серебристые оттенки его. Сравнение является наиболее распространенным средством выражения зрительной сенсорной оценки в детской литературе: *Он засмеялся и пригладил свои растрепанные волосы. Лицо у него было пыльное, грязное, и только глаза сверкали – синие, **как тазики в кухне на стене*** [283, 224]. Комический эффект достигается благодаря неожиданности сравнения: *глаза и тазики* – довольно далекие по семантике понятия, схожие в некоторой степени по форме.

Еще пример: *И он у меня так **сверкал**, этот багажник, **как новенькая машина «Волга»*** [283, 221]. При помощи сравнительного оборота выражена позитивная зрительная оценка. На позитивность указывает уменьшительно-ласкательный суффикс *-еньк-* в слове *новенькая*, а также машина «Волга», которая в советское время была показателем благосостояния.

3. Исследованный материал свидетельствует о том, что среди грамматических средств выражения зрительной оценки преобладают **синкретические средства**, то есть сочетания различных

словообразовательных, морфологических и синтаксических средств в одном микротексте. Нередко к ним примыкают и лексические средства. Рассмотрим такие примеры:

3.1. *Папа поворачивал ее сбоку на бок и приговаривал:*

– *Сейчас, сейчас! Ох и хорошая курочка! Сейчас она у нас обгорит и станет **чистенькая и беленькая**...*

*Но курица, наоборот, становилась какая-то **черненькая**, вся какая-то обугленная, и папа наконец погасил газ [283, 182].*

Лексические средства: зрительная оценка выражена при помощи **антонимии**: прилагательные *чистенькая и беленькая* помещены в один микротекст с прилагательным *черненькая*.

Словообразовательные средства: в данном примере мы можем наблюдать стилистическое использование автором суффиксов субъективной оценки, а именно уменьшительно-ласкательного *-еньк-*.

Данный пример также показывает, что белый цвет обладает позитивным оценочным значением, кроме того, данный цвет часто используется детскими авторами.

3.2. *Небоська надел **полосатую** фуфайку, **полосатые** гетры, а шею обмотал **полосатым** шарфом. В этом костюме он был весь **полосатый**, а издали казалось, что это вовсе не Небоська, а **обыкновенный полосатый матрац** [284, 28].*

Зрительная оценка оформляется при помощи **тавтологии**, построенной на однородных определениях и **сравнения** (Незнайка сравнивается с матрацем), являющегося средством создания комического эффекта.

2.6.2. Языковое оформление слуховой оценки

А. Ф. Папина отмечает, что для слуховой оценки характерно описание разнообразных звуков, связанных с проявлениями деятельности человека, общества, природы [181, 278].

1. Фонетические средства выражения слуховой оценки

Слуховые оценки довольно распространены в советской детской литературе, очень часто авторы используют:

1) звукоподражания. Примем определение О. Н. Емельяновой: «звукоподражание – фонетически мотивированная связь между звуками слова (языка) и лежащим в основе номинации звуковым признаком денотата (звуки в природе, окружающем мире)» [86, 129].

Тогда эти незнакомые ребята на берегу стали приманивать лебедей к себе. Они свистели:

«Фью – фью – фью!» [283, 91].

И он включил мотор. Мы услышали сначала ровное trrrrrrrrrrrrrrrrrrr...А потом ни с того ни с сего: чав-чав-чав-чав...И сейчас же: хлюп-хлюп-хлюп...И вдруг: сюп-сюп-сюп... Пиу-пиу! Пиу...[283, 88].

И все теперь было совершенно по-другому, незнакомое какое-то, и Ванька все время позванивал в звонок, чтобы не задавить кого-нибудь: ззь! ззь! ззь! [283, 223].

– Умею, умею! Вот послушай! – закричал Незнайка и принялся изо всех сил дуть в трубу:

– Бу-бу-бу! Гу-гу-гу! [284, 10].

На дороге попалась беседка. Трах-та-ра-рах! Беседка рассыпалась на кусочки [284, 20].

Остановившись у двери, Снежинка потянула за ручку колокольчика. Раздался звон: «Дзинь – дзинь!» [284, 63];

2) звукообразные слова. И. Б. Голуб считает, что «русский язык располагает большим количеством слов, которые могут выступать в поэтической речи как слова звукообразные. Одни из них произносятся энергично (*бой, крик, рвать, резко, грубо*), другие – мягко, нежно (*льнуть, таять, нега, лебедь, дева, милый*), третьи напоминают шепот (*чу, слышишь, молча, тише*)» [63, 179]: *Он принялся дуть в трубу, а так как играть он не умел, то труба у него и ревела, и хрипела, и визжала, и хрюкала* [284, 11].

Эти Ласточка и Кисонька шушукались да шушукались, жуужжали да жуужжали, пока не прожуужжали всем уши, что к прилетевшим мальчикам надо относиться с презрением [284, 69].

Они сзади кукарекали мне вслед, бляли и улюлюкали [283, 236].

– Мне послышалось, будто он что-то сказал, – услышал Незнайка шепот. – Должно быть, так просто, почудилось... [284, 45];

3) звукообразные слова *ревела* и *вторила* могут сочетаться в одном микротексте со звукоподражаниями. При помощи такого синкретизма средств происходит интенсификация слуховой сенсорной оценки:

– А-а-а! – громко ревела малышка с коротенькими косичками, которые торчали у нее на затылке в разные стороны.

– У-у-у! – вторила ей другая, с большим голубым бантом на самой макушке [284, 49].

2. Лексические средства

2.1. В исследуемых текстах наблюдаются **олицетворения**, выражающие слуховую сенсорную оценку. Рассмотрим несколько примеров:

Наконец флейта смолкла, но сейчас же из окна противоположного дома послышались звуки арфы. Арфа пыталась повторить эту новую, до сих пор неизвестную мелодию [284, 70]. В данном случае олицетворение создает позитивную слуховую оценку. Однако данный прием может служить для оформления негативной оценочности:

*Гуся дал ему большую медную трубу. Незнайка как подует в нее, **труба как заревет!** [284, 76].* Олицетворение оформлено при помощи глагола со значением начала действия.

И я услышал, как опять завыли пружины над моей головой, а кругом крошечная тьма, и Ефросинья Петровна лежит в своей постели и не знает, что я тоже здесь, под кроватью [283, 337].

Ботинка нигде не было, а машина все время гудела тоскливым голосом [283, 110]. *Тоскливый голос* относится к неодушевленному существительному *машина*.

2.2. Средством выражения оценки может служить **метафора**:

*Но мама сказала **железным голосом**:*

– *Не высовывайся!* [283, 49].

2.3. Слуховая оценка оформляется при помощи **фразеологизмов**.

А клоун говорит:

– *Ну и мальчик! Выиграл «Мурзилку», а сам молчит, как будто воды в рот набрал!* [283, 157]. Фразеологизм, использованный в данном микротексте, имеет значение *онемел, лишился дара речи* [253, 260]. Негативная оценка оформлена также за счет противительного союза *а*.

2.4. Авторы создают слуховую оценку и комический эффект за счет **каламбура**: *У него было столько голоса, что я даже удивился, где он у него помещается* [283, 274]. Данный прием построен на использовании категории одушевленности-неодушевленности существительного *голос*.

2.5. **Лексика со сниженной стилистической окраской**:

а) *Гуся дал ему скрипку. Незнайка принялся **пилить** смычком по струнам и сказал:*

– *А еще громче ничего нет?* [284, 10]. Глагол *пилить* употреблен в неожиданном контексте (пилить можно какие-либо материалы) и поэтому служит для выражения негативной оценки.

б) *Гуся дал ему балалайку. Незнайка **забрэнчал** на струнах. Потом говорит:*

При помощи глагола *забрэнчал* оформлена отрицательная слуховая оценка. Данное слово имеет значение *неумело играть на музыкальном инструменте* и помету разг. [177, 52].

2.6. Прием зооморфизма: *Незнайке стало смешно. Он **хрюкнул**, не сдержавшись от смеха* [284, 44].

3. Морфологические средства

Наречие интенсифицирует оценку, слуховая оценка не исключение:

– ***Вот это хороший инструмент!** – обрадовался Незнайка. – **Громко играет!*** [284, 10].

В исследуемых микротекстах обнаружено использование формы сравнительной степени наречий с приставкой *по-*, которая содержит оттенок смягченности, незначительности преобладания признака:

– *Нет, балалайка слишком тихо играет. Дай что-нибудь другое, погромче* [284, 10].

4. Синтаксические средства

1. **Тавтология:** *И я запел изо всех сил. Я хорошо пою, громко! Громче меня никто не может. Я по громкости первый в нашем хоре* [283, 52]. Повтор в данном случае относится к грамматическим средствам, так как осуществляется посредством использования однокоренных слов наречия *громко*, сравнительной степени наречия *громче* и имени существительного *громкость*. В данном случае также присутствует **градация** – усиление признака.

2. Сравнение, оформленное:

а) сравнительным оборотом, присоединяемым при помощи союза **как**: *Медуница достала из чемодана деревянную трубочку и приставила к груди Незнайки:*

– *Дышите, глубже, больной. Незнайка принялся сопеть, как паровик* [284, 47].

б) двусоставным предложением с атрибутивно-присубстантивной частью: *Смекайло повертел какой-то диск, имевшийся под крышкой чемодана, и нажал кнопку. Послышалось шипение, раздался удар, словно захлопнулась дверь. Стало на минуту тихо, потом вдруг раздался дружный смех* [284, 82].

в) двусоставным предложением с придаточной изъяснительной частью: *Через минуту мои взрослые друзья задали такого храпака, что просто чудо. Похоже было, будто они пилят огромные бревна огромными пилами. Спать было невозможно* [283, 363].

3. **Восклицательные предложения:** *Раздался ужасный грохот! И в этой страшной тишине при погашенном свете и в таком моем жутком*

положении мне этот стук показался раз в 20 сильнее. Он просто оглушил меня [283, 338].

5. Синкретические средства выражения слуховой оценки

В детской литературе середины XX века встречается оформление слуховой оценки, когда в пределах небольшого отрывка авторы используют различные средства языка:

1. *Ну и смешно же пиццал Мишка! Так пиццат наш котенок Мурзик* [283, 18]. В данном примере можем наблюдать следующие средства: а) звукоподражательный глагол *пиццал*; б) сравнение, основанное на сходстве.

2. *И как раз в это время из окна полились нежные, как плеск ручейка, звуки флейты. Они то мерно катились, как катятся волны – одна за другой, то как будто подпрыгивали и кувыркались в воздухе, гоняясь друг за дружкой и сталкиваясь между собой* [284, 70]. В данном случае использованы языковые средства: а) олицетворение; б) сравнение (звуки арфы сравниваются то с плеском ручейка, то с волнами); в) динамизм описанию придают глаголы, обозначающие действие *катились, подпрыгивали, кувыркались* (однородные сказуемые).

3. *Над городом там и сям реяли бумажные змеи. Запускать змеев было самым любимым развлечением жителей, отчего город и получил свое название. Этих змеев жители снабжали специальными гудками. Устройство такого гудка очень простое. Он делается из полоски обыкновенной бумаги, натянутой на ниточку. На ветру такая полоска бумаги колеблется, издавая довольно противный дребезжащий или гудящий звук. Разноголосое гудение змеев сливалось с треском мельничных трещоток, в результате чего над городом стоял непрерывный гул* [284, 76]. Слуховая оценка выражена при помощи: а) интенсификатора оценки наречия *довольно*; б) однородных определений *дребезжащий* и *гудящий*; в) олицетворения *разноголосое гудение змеев*; г) тавтологии *треск трещоток*.

2.6.3. Средства выражения оценки органов обоняния

Оценка органов обоняния в исследованных произведениях наблюдается сравнительно редко. Вкусовую, осязательную оценку и оценку органов обоняния Н. Д. Арутюнова характеризует следующим образом: «Лексика, относящаяся к результатам незрительных восприятий, сравнительно бедна. Ее «богатство» окказионально и перемененно. Оно взято взаймы у конкретной лексики – более всего у имен естественных реалий: вкус вишни, запах сирени» [12, 42].

Обонятельная оценка в исследуемых текстах интенсифицируется **междометиями**: *Повсюду было синее небо, тележка скрипела, и ах как вкусно пахло полем, дегтем и махорочкой* [283, 90].

Аналогичная оценка выражается при помощи интенсификации обонятельной оценки местоимением: *А мы остались возле елки. Она лежала большая, мохнатая и так вкусно пахла морозом, что мы стояли как дураки и улыбались* [283, 185].

2.6.4. Языковое выражение оценки органов вкуса

1. Лексические средства выражения оценки органов вкуса:

а) данный вид оценки оформляется при помощи **фразеологизмов**: *Можно сделать такую котлету на косточке – называется «киевская» - пальчики оближешь* [283, 180]. Указанное фразеологическое сочетание имеет значение *очень вкусен, аппетитен, доставляет огромное удовольствие* [253, 291]. Без сомнения, в данном микротексте выражена позитивная сенсорная оценка.

б) Для оформления оценочной модальности может служить **антонимия**: *А она к тому же была очень густая. Если бы она была жидкая, тогда другое дело, я бы зажмурился и выпил ее* [283, 252].

2. Морфологические средства выражения оценки органов вкуса:

Предикативное наречие интенсифицирует оценку органов вкуса:

Тут я взял и долил в кашу кипятку. Все равно было скользко, липко и противно [283, 252]. Средством выражения указанного типа сенсорной оценки в данном случае являются однородные предикативные наречия в составе безличного предложения.

3. Синтаксические средства выражения оценки органов вкуса

1) Оценка органов вкуса оформляется **неполными предложениями в составе диалога:**

– *Терпеть не могу зубной порошок!* – проворчал Незнайка.

– *Это почему же?*

– ***Невкусный!***

– *Так вам же не есть его.*

– ***Все равно. Он за язык щиплет*** [284, 52];

2) **бессоюзными сложными предложениями:**

А я остался с кашей наедине. Я пошлепал ее ложкой. Потом посолил. Попробовал – ну невозможно есть! Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, попробовал... Еще хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю [283, 8].

2.6.5. Репрезентация осязательной (тактильной) оценки средствами языка.

1. Лексические средства языка сравнительно редко репрезентируют данный тип оценки. Тактильная оценка оформляется оценки при помощи фразеологизма: *Больше всех мерз Растеряйка, который забыл дома шапку. От страшного холода у него под носом выросла большая сосулька. Он дрожал как осиновый лист и все время стучал зубами* [284, 39].

2. Тактильная оценка в произведениях детской литературы часто оформляется при помощи сравнений, обычно выступающих в форме сравнительного оборота, присоединяемого союзом *как*:

– *Ну, это ты сочиняешь,* – ответил Незнайка. – ***Облако – оно жидкое, как овсяный кисель, а это какой-то туман*** [284, 37].

Также встречаются сравнительные обороты, присоединяемые союзом *словно*: *Он лежал на кровати, утопая в перине. Эта перина была мягкая, словно ее наполнили головками от одуванчиков* [284, 43].

3. Синкретические средства оформления тактильной оценки.

1. *Я залез под душ и пустил сначала тепленькой водички, а потом, наоборот, поддал холодной. И я ее довольно легко перетерпел. Тогда я подумал, что раз дело идет так хорошо, надо, пожалуй, подзакалиться чуточку получше и пустил леденистую струю. Ого-го! У меня сразу вжался живот, и я покрылся пупырьками* [283, 43]. В данном микротексте использованы такие языковые средства:

а) суффиксы субъективной оценки *-еньк-* (уменьшительный) и *-ист-* (смягчения степени качества);

б) антонимы *тепленькой, холодной*;

в) междометное восклицательное предложение;

г) окказиональное образование *пупырьками* от слова *пупырь*, которое относится к разговорной лексике [177, 548].

2. *Никогда не забуду этот зимний вечер. На дворе было холодно, ветер тянул сильный, прямо резал щеки, как кинжалом, снег вертелся со страшной быстротой* [283, 333].

а) олицетворение *ветер резал щеки*;

б) безлично-предикативное наречие *холодно*;

в) интенсифицирующее наречие образа действия *прямо*;

г) сравнительный оборот, присоединяемый союзом *как*: *как кинжалом*.

3. *Умывальник висел с другой стороны дома, где не было солнца, там было холодно, и кора у дерева была прохладная, и из умывальника лилась студеная вода, она была голубого цвета, и я там долго плескался, и совсем озяб, побежал завтракать* [283, 274].

а) синонимия: слово категории состояния *холодно*, синонимические прилагательные *прохладная* и *студеная* создают общую картину прохладного утра. Прилагательное *студеная* относится к просторечной лексике [177, 674];

- б) интенсификация оценки при помощи наречия степени *совсем*;
- в) повторяющийся союз *и*, оформляющий отношения присоединения.

Синкретические средства выражения сенсорной оценки

В текстах детской литературы исследуемого периода обнаружено большое количество микротекстов, в которых выражены разные виды сенсорной оценки. Рассмотрим такие примеры:

1. На улице было мокро, грязно и весело. Только что прошел сильный дождь, и асфальт блестел как новенький, воздух пах чем-то свежим и чистым, в лужах отражались дома и небо, а если идти с горы, то сбоку, возле тротуара, мчался бурный поток, вроде горной речки, красивый поток, коричневый, с водоворотами, завихрениями и бурунами [283, 252].

В данном примере присутствуют следующие виды сенсорной оценки:

а) зрительная. Данный тип оценки выражен при помощи цветовой лексики (*коричневый*), оценочного прилагательного *красивый*, сравнения *блестел как новенький*;

б) осязательная оценка, созданная за счет **эффекта обманутого ожидания**: однородные обстоятельства *мокро, грязно и весело*, оформленные безлично-предикативными наречиями, обладают разной семантикой. Первые два слова выражают тактильную оценку, третье – эмоциональную;

в) оценка органов обоняния, оформленная при помощи однородных определений: *воздух пах чем-то свежим и чистым*.

2. Дверь растворяется, и она входит собственной персоной. И сережки в ушах звяк-звяк, и с мамой чмок-чмок, и на всю квартиру пахнет чем-то сухим и сладким, и все садятся за стол и начинают пить чай [283, 61].

В данном микротексте присутствуют следующие виды сенсорной оценки:

а) слуховая оценка *звяк-звяк, чмок-чмок*, выраженная звукоподражанием;

б) оценка органов обоняния *пахнет чем-то сухим и сладким*, переплетающаяся с качественной тактильной и вкусовой характеристиками, оформленными безличной предикативной частью сложного предложения;

3. *И так мне интересно было ехать, и приятно, и весело! Вокруг все было зеленое. Трава, и большие деревья, и тоненькие березки – все было зеленое вокруг. И ветер был такой **сильный и теплый и тоже пахнул зеленым*** [283, 108].

В данном примере сочетаются такие виды оценки:

а) зрительная: тавтология, оформленная при помощи прилагательного *зеленый*;

б) оценка органов обоняния, созданная при помощи субстантивации прилагательного *ветер пахнул зеленым*. В данном примере наблюдается сочетание несочетаемого.

4. *Ох, хорошо лежать ясным утречком на водной станции и на сыроватых и теплых ее дорожках, вдыхать всеми ноздрями **свежий и тревожный запах реки** и слышать, как на высоких мачтах и тоненьких рейках **трещат под ветром разноцветные шелковые флажки** и вода **хлюпает и полощется где-то под тобой в дощатых щелях**; хорошо так лежать, и молчать, и загорать, раскинув руки <...>*[283, 230].

В данном примере присутствуют различные виды сенсорной оценки:

а) осязательная оценка, оформленная при помощи однородных определений, выраженных прилагательными, одним из которых является прилагательное с суффиксом *-оват-*, обозначающим степень проявления признака *сыроватых и теплых ее дорожках*;

б) оценка органов обоняния, выраженная при помощи метафоры *свежий и тревожный запах реки*;

в) зрительная оценка *разноцветные шелковые флажки*;

г) слуховая оценка, созданная при помощи глаголов *трещат, хлюпает и полощется*, являющихся однородными сказуемыми.

5. *И он взял ножик и взрезал арбуз. Когда он резал, был слышен такой **полный, приятный, зеленый треск**, что у меня прямо спина похолодела от предчувствия, как я буду есть этот арбуз* [283, 66].

а) слуховая оценка, выраженная однородными определениями *полный, приятный*;

б) зрительная оценка, оформленная окказиональным сочетанием имени существительного *треск* и прилагательного *зеленый*.

Таким образом, проведенный нами анализ языковых средств выражения сенсорной оценки позволяет сделать следующие выводы:

1. Сенсорная оценка распадается на такие виды: зрительная, слуховая, оценка органов обоняния, вкусовая оценка и оценка органов осязания (тактильная). Все они создаются за счет фонетических средств: звукоподражаний и звукообразных слов.

2. Зрительная оценка оформляется при помощи лексических (эффекта обманутого ожидания, антонимии, алогизма), грамматико-словообразовательных средств (оценочные суффиксы, сравнительные обороты, тавтология). Позитивной оценочностью обладают белый, синий и красный цвета.

3. Высокочастотными средствами выражения слуховой оценки являются фонетические: звукоподражания и звукообразные слова. Данный тип оценки оформляется также при помощи лексических (олицетворения, метафоры, устойчивых выражений и фразеологизмов, каламбура, лексики со сниженной стилистической окраской, приемом зооморфизма), грамматических средств (тавтология, градация, сравнительные обороты, двусоставные предложения с атрибутивно-присубстантивной частью, двусоставным предложением с изъяснительной частью, восклицательные предложения, однородные определения).

4. Оценка органов обоняния характеризуется такими средствами выражения, как междометия и сравнение.

5. Лексические средства выражения оценки органов вкуса представлены устойчивыми выражениями, грамматические – наречиями, неполными предложениями, эллиптическими предложениями.

6. Осязательная оценка оформлена при помощи олицетворения, безлично-предикативных наречий, междометий и сравнений.

7. Практически всем видам оценки присущи синкретические средства выражения (средства разных уровней языка). Кроме этого, в произведениях детской литературы большое количество микротекстов, в рамках которых наблюдаются несколько типов сенсорной оценки, например, слуховая и зрительная.

8. Указанный вид оценки выражается преимущественно при помощи лексических (31,32%) и синтаксических (28,01%) языковых средств. Фонетические средства употребляются для выражения слуховой оценки и составляют 19,09% всех средств, морфологические средства обладают довольно высокой частотностью – 15,46%, а наименее распространенными являются единицы словообразовательного уровня – 6,02% (см. таблицу 1).

2.7. Языковое выражение рациональной оценки

А. Ф. Папина считает, что логические признаки данного вида оценки связаны с ментальностью, понятия присущи разуму, они связаны с относительной устойчивостью норм, стандартов духовной и материальной деятельности, с ценностями общепринятыми и равнозначно понимаемыми всеми членами данного сообщества [181, 322].

Сравнивая рациональную и эмоциональную оценки, Е. М. Вольф подчеркивает, что рациональная оценка предполагает оценочное суждение и способы выражения, учитывающие данный характер оценки, в первую очередь аксиологические предикаты. Исследователь утверждает, что экспрессивность рациональной оценке не свойственна [50, 40].

Выделяется несколько типов **рациональной** оценки. Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова рациональные оценки связывают с практической деятельностью человека и выделяют такие виды: утилитарные (прагматические), нормативные, телеологические.

Проанализировано 33 микротекста, содержащих рациональную оценку (8% всех видов оценки).

Каждый из видов рациональной оценки представлен ограниченным количеством микротекстов, содержащих единицы не всех языковых уровней, поэтому исследование проводилось согласно подвидам оценки.

2.7.1. Утилитарные, или прагматические оценки, характеризуют свойства и значимость знания человека, а также практические последствия этого знания. Например: полезный – вредный, благоприятный – неблагоприятный.

1. Лексические средства выражения прагматической оценки.

1.1. Данный тип оценки в текстах литературы для детей выражен, прежде всего, при помощи **антропонимов**. Л. В. Долженко, исследуя творчество Н. Н. Носова, пишет, что коротышки в трилогии романов-сказок о Незнайке разделены функциями психологическими и социальными. Качества детей представлены в образах Гуньки, Горопыжки, Сиропчика, Ворчуна, Молчуна, Растеряйки; функции и некоторые качества взрослых олицетворяют доктор Пилюлькин, музыкант Гуся, поэт Цветик, художник Тюбик, механики Винтик и Шпунтик, астроном Стекляшкин и т.д. [76, 123]. Приведем такие примеры:

Винтик и Шпунтик по целым дням сидели у себя в мастерской и чинили примусы, кастрюли, чайники, сковородки, а когда нечего было чинить, делали трехколесные велосипеды и самокаты для коротышек [284, 7]. Исследованный материал показывает, что коротышки, выполняющие функции взрослых, обозначены не только по имени-прозвищу, но и по роду деятельности, что является выражением прагматической оценки.

В этом же домике жил известный доктор Пилюлькин, который лечил коротышек от различных болезней [284, 7].

Этот Стекляшкин был знаменитый астроном. Он умел делать из осколков битых бутылок увеличительные стекла [284, 7].

1.2. В **антонимических** отношениях состоят антропонимы *Знайка* и *Незнайка*:

*Его прозвали **Знайкой** за то, что он **знал очень много**. А **знал он много** потому, что читал разные книги [284, 6].*

*Но самым известным среди них был малыш по имени **Незнайка**. Его прозвали **Незнайкой** за то, что **он ничего не знал** [284, 6].*

Знайка – носитель рационального начала, Незнайка – эмоционального.

2. Грамматические средства выражения прагматической оценки.

2.1. При выражении прагматической рациональной оценки наречия часто выступают интенсификаторами. Рассмотрим сочетание наречие+прилагательное+существительное:

– *Да, – говорю я, – **очень полезная штука!** Захотел – поговорил, и ходить никуда не надо [286, 3].* Наречие *очень* является интенсификатором качественного признака предмета.

Данное наречие также может выступать интенсификатором при однородных присвязочных предикативных кратких прилагательных: *Кроме того, перед каждым домом имелся фонтан. Это было **очень красиво и полезно**, так как бившая из фонтанов вода использовалась для орошения огородов [284, 58].*

2.2. Прагматическая оценка выражается также восклицательными номинативными предложениями:

– ***Удобство!** – восторгался Мишка. – Сидишь дома и разговариваешь. **Замечательно!** [286, 3].*

3. Синкретические средства выражения прагматической оценки.

В детской литературе середины XX века наблюдается такое оформление прагматической оценки, когда в пределах небольшого отрывка текста авторы используют множество средств различных уровней языка:

*Он объяснял нам, что наша игра – это игра без всякой цели, без смысла, просто **чепуха** какая-то, что наоборот, та игра хороша, где есть людям **польза** – например, волейбол или городки, потому что «они развивают*

глазомер и силу удара», а наши записки ничего не развивают, и никому не нужны, и показывают нашу непроходимую дурость [283, 330].

В данном микротексте репрезентованы положительная и отрицательная прагматическая оценка. Отрицательную оценку оформляют:

1) существительное *чепуха* – слово со сниженной стилистической окраской, относится к разговорной лексике, несет в себе негативную оценочность [177, 764];

2) выражение *непроходимая дурость*, которое также имеет негативную окраску, является метафоричным;

3) однородные определения, оформленные именем существительным с предлогом, характеризующие «полезность» игры: *без всякой цели, без смысла*.

Позитивная прагматическая оценка в данном примере создается:

1) кратким прилагательным *хороша*, несущим положительную окраску;

2) употреблением цитирования слов взрослого, а, следовательно, авторитетного источника: *«они развивают глазомер и силу удара»*.

2.7.2. Нормативные оценки, связанные с нормой, ее одобрением или неодобрением, осуждением явлений: *правильный – неправильный, нормальный – аномальный, здоровый – нездоровый, стандартный – нестандартный, бракованный и т.д.*

1. Нормативная оценка оформляется при помощи лексических средств.

1.1. *Многие говорили, что у Незнайки совсем пустая голова, но это неправда, потому что как бы он мог тогда соображать! Конечно, он соображал плохо, но ботинки надевал на ноги, а не на голову, – на это ведь тоже соображение надо* [284, 9].

1.2. Данный тип рациональной оценки выражен окказиональным словосочетанием: *А Мишка был синий и булькал – у него была смеховая истерика* [284, 236]. В данном микротексте присутствуют также зрительная и слуховая сенсорные оценки (*А Мишка был синий и булькал*), которые являются вспомогательными при выражении рациональной.

1.3. Для оформления рациональной нормативной оценки также может служить **алогизм**:

Аленка сказала:

– *Да, болеть хорошо! Когда болеешь, всегда что-нибудь дарят* [283, 22]. Комический эффект достигается благодаря сочетанию глагола *болеть*, заключающего в себе негативную оценочность, с наречием *хорошо*, имеющим позитивную оценочность.

2. Фразеологические лексические средства выражения нормативной оценки.

2.1. *И еще мне вдруг стало как-то не по себе, и ладони сразу стали мокрыми, и очень захотелось остановиться* [283, 14]. Фразеологизм *не по себе* в данном случае имеет значение *нездоровится* [253, 417].

2.2. Особняком стоят нормативные оценки, имеющие значение «сойти с ума». Во фразеологическом словаре русского языка под редакцией А. И. Молоткова читаем: «Сходить с ума. Сойти (спятить, свихнуть, свихнуться) с ума. 1. Становиться сумасшедшим <...>. 2. Не давать отчета в своих поступках, действиях, совершая безрассудные поступки, говоря глупости, нелепости и т.п. [253, 465]. Рассмотрим такие примеры: *Тогда я схватил горсть снега и стал прикладывать его себе ко лбу, как будто у меня началось уже воспаление мозга и я сошел с ума* [283, 186].

Я сказал:

– *Ты, Мишка, видно, с ума сошел! Как ты будешь есть крокодила, когда он жесткий* [283, 24].

2.3. Нормативная оценка может быть также оформлена при помощи другого фразеологизма – **потерять рассудок**:

И, наверно, я здорово смахивал на черта или на какое-нибудь подземное чудовище, потому что она совсем потеряла рассудок и стала кричать на меня так, как будто я был имя существительное среднего рода [283, 43].

Данный фразеологизм имеет значение: «Терять рассудок. Потерять рассудок. 1. Становиться сумасшедшим. 2. Утрачивать способность соображать, понимать, здраво рассуждать» [253, 474].

3. Грамматические средства выражения нормативной оценки.

На примерах из проанализированных произведений В. Ю. Драгунского можем наблюдать, как количественные наречия служат для выражения нормативной оценки. И. Б. Голуб считает, что в основе экспрессии количественных наречий, в том числе и наречий меры и степени, лежит не изобразительность, а интенсивность проявления качества, динамизм действия [63, 337].

Мишка сказал:

– Так ведь и когда **здоровый**, тоже дарят. В день рождения или когда елка [283, 22]. В данном случае нормативная оценка выражена при помощи прилагательного *здоровый*. Данное прилагательное в сочетании с наречием *вполне* имеет более сильную оценочность:

Он сказал:

А дяденька с белыми руками встал и сказал:

– *Значит, все ясно! Воздух, воздух и воздух. Ведь она вполне здоровая девочка!* [283, 131].

И, наконец, наибольшей степенью выражения признака *здоровый* является сочетание с наречием *совершенно*.

– *Да это у меня корь была. Аленка подняла голову:*

– *А теперь ты выздоровел?*

– *Да, – сказал Костик, – я теперь совершенно выздоровел* [283, 22].

Итак, количественные наречия дают возможность уменьшить или усилить качественную характеристику предметов.

4. Нормативная оценка может быть оформлена при помощи просторечного слова *рехнулся*, также имеющего значение «сойти с ума» [177, 590].

А он мне:

– Ты что, **рехнулся**, что ли? Какой может быть пожар? Это ты все позабыл [283, 121].

Также в исследованных микротекстах встречаются примеры, в которых наблюдается интенсификация данного просторечия при помощи наречия *совсем*:

Мне ужасно захотелось стукнуть его по затылку чем-нибудь тяжелым, и я заорал со страшной злостью:

<...> *Мишка, ты видно совсем рехнулся!* [283, 103].

5. Синкретические средства выражения нормативной оценки. Рассмотрим пример из произведения В. Ю. Драгунского «Зеленчатые леопарды»:

Костик спросил:

– А разве бывают **хорошие болезни**?

– Ого, – сказал я, сколько хочешь! *Ветрянка, например. Очень хорошая, интересная болезнь. Я когда болел, мне все тело, каждую болявку отдельно зеленкой мазали. Я был похож на леопарда. Что, плохо разве?* [283, 23].

В данном микротексте нормативная оценка выражена при помощи:

а) оксюморона: *хорошие болезни*. Оксюморон – фигура алогизма, состоящая в сочетании противоположных по смыслу слов с целью показать противоречивость, сложность объекта [172, 208].

б) интенсификации алогизма при помощи наречия *очень* и однородных определений *хорошая, интересная*;

в) окказионализма *болявка*, который построен на основе лексического значения слова *болячка* (незажившая маленькая ранка на коже [177, 49]) по модели слов *малявка, козявка*, имеет уменьшительно-ласкательный суффикс *-к*, и, следовательно, несет позитивную оценочность;

г) сравнения *Я был похож на леопарда*. Это сравнение в данном контексте также служит для оформления позитивной оценки.

2.7.3. Телеологические оценки обозначают достижение или недостижение цели: эффективно – неэффективно, удачно – неудачно,

целесообразно – нецелесообразно. [181, 323]. Анализ текстов показал, что телеологическая оценка выражается прежде всего грамматическими средствами языка.

1. Морфологические средства выражения телеологической оценки:

а) использование наречий способа и образа действия, являющихся предложно-именными сочетаниями: *Вся наша команда смешалась в кучу. Мы без толку носились по полю и только мешали друг другу* [285, 33].

б) интенсификация оценки при помощи наречий. Данный прием может служить для выражения как положительной, так и отрицательной телеологической оценки: *От главной трубы, которая находилась на улице, или ответвления к каждому дому. Поэтому в каждом доме имелась водопроводная вода, что, конечно **очень удобно*** [284, 58]. Или: *Санок у них не было, поэтому они съезжали попросту на ногах. Только это было **не очень удобно**, потому что каждый раз приходилось ехать сначала стоя, а потом уже лежа на животе, а иной раз и на спине* [286, 18].

2. Синтаксические средства выражения телеологической оценки.

а) Для выражения телеологической оценки может служить **парцелляция**:

Наконец Гоша сказал:

– *Так кататься невыгодно. Можно расквасить нос. Пойди-ка ты лучше домой за санками* [286, 19];

б) сравнение. Комический эффект достигается благодаря отдаленности и несхожести сравниваемых предметов:

– *Тебе удобно было?*

– *Как на диване, – сказал я, – еще удобней. Что за машина! Прямо экстракласс!* [283, 223];

в) телеологическая оценка в произведениях для детей может быть оформлена при помощи придаточных предложений условия:

Все смеялись, а Мишка сказал:

– *Если бы не это пугало, то мы и знамени не получили бы* [286, 61].

Исследовав рациональную оценку на лексическом и грамматическом уровнях языка, мы пришли к следующим выводам:

1. Прагматическая оценка в исследованных произведениях авторов советского периода литературы является наиболее частотной из рациональных оценок. Для ее выражения служат лексические (антропонимы, антонимия, слова со сниженной стилистической окраской) и грамматические средства (наречия-интенсификаторы, однородные обстоятельства – наречия, восклицательные номинативные предложения).

2. Нормативная оценка может быть оформлена лексическими языковыми средствами (алогизм, оксюморон, просторечная лексика).

3. Особым случаем выражения нормативной оценки являются фразеологизмы, имеющие значение *сойти с ума*.

4. Телеологическая оценка эксплицируется при помощи следующих грамматических средств: парцелляция, сравнение, придаточные предложения условия.

5. Рациональная оценка оформлена преимущественно лексическими средствами языка, которые включают фразеологические (42,43%), морфологические средства составляют 27,27%, синтаксические 30,30%, а словообразовательные средства не использованы (см. таблицу 1).

2.8. Оформление логической оценки средствами языка

Логическая оценка связана с категорией модальности. Выделяют два ее вида – эпистемическая и деонтическая.

Всего нами был проанализирован 41 микротекст, содержащий логическую оценку (10%). Исследованный материал показал, что чаще всего логическая оценка оформляется при помощи вводных слов, восклицательных безличных предложений. Следовательно, названный тип оценки проявляется только на грамматическом уровне.

2.8.1. Эпистемическая модальность – оценка знания/незнания, полагания [181, 323].

Данный вид логической модальности мы, вслед за А. Ф. Папиной, делим на несколько групп: оценка достоверности/недостоверности сообщаемого, оценка сообщения с точки зрения вероятности/невероятности, оценка сообщения с точки зрения возможности/невозможности, сомнение говорящего в сообщаемом.

1. Оценка достоверности/недостоверности сообщаемого.

1.1. Высокочастотным вводным словом, при помощи которого оформляется указанная модальность, является модальное слово *конечно*, которое выражает высокую степень достоверности сообщения и чаще всего стоит в начале предложения. Например:

Вокруг засмеялись:

– *Конечно, боятся! А чего им бояться? Все равно шар не полетит* [284, 30].

Конечно, Незнайка и сам не знал, для чего мешки. Он это просто так выдумал [284, 30].

– *Конечно, раздумали, - отвечали с другой крыши. – Разве можно полететь на таком шаре! Просто морочат публику* [284, 29].

1.2. Вводное слово *конечно* может стоять и в середине предложения:

А там, конечно, ничего не было [283, 95].

1.3. В исследуемых текстах встречаются случаи, когда модальное слово *конечно* стоит в конце предложения, но данное средство выражения оценки встречается всего в трех примерах:

– *Не лайнер, конечно!* – сказал дедушка Валя. – *Не стану врать.* [283, 86].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что интерпозиция является наиболее сильной для вводных слов, выражающих логическую оценку.

1.4. Для выражения логической оценки используется вводное сочетание слов *может быть*, которое преимущественно употребляется в начале предложения:

– *А может быть, они его в реку бросили, – говорит Мишка.*

– *Ну что ты пристал: «может быть» да «может быть»!*

– *Может быть, вам и участок кто-нибудь ночью вскопал, – не унимался Мишка [286, 59].*

В данном случае также наблюдается прием тавтологии, что служит для выражения логической оценки, интенсификации ее.

1.5. Логическая оценка оформляется при помощи модального слова *значит*:

Ну-ну! – покрутили головами малыши. – Уж если малышки пригласили его на бал – значит, он на самом деле перевоспитался. Кто бы подумать мог! [284, 109].

Данное вводное слово выражает отношение между частями высказывания.

1.6. Для выражения эпистемической модальности авторы используют вводное сочетание слов, которое является фразеологизмом: *А ведь это я всю игру придумал. И, ясное дело, я буду космонавтом* [283, 32].

1.7. Данный вид модальности может оформляться вводным словом *правда*: *Правда, один раз я чуть-чуть не полетел, да не тут-то было* [283, 81].

1.8. Логическая оценка эксплицируется безличными предложениями:

– *Правильно, – сказал Мишка. – Что ему сделается?* [283, 55].

В некоторых примерах данные предложения могут быть восклицательными, что является интенсификацией эпистемической модальности:

– *Правильно! – усмехнулся Знайка. – Нашли кого слушать!* [284, 111].

Оценка сообщения с точки зрения его вероятности/невероятности. Данная оценка оформляется вводными словами и сочетаниями. И. Б. Голуб считает, что среди вводных слов значительную группу составляют слова, передающие

эмоциональную оценку сообщения. Выражая радость, удовольствие, огорчение, удивление, они придают речи экспрессивную окраску и поэтому не могут быть использованы в строгих текстах книжной речи, зато часто употребляются в живом общении людей и в художественных произведениях [63, 403].

2.1. Высокочастотным средством экспликации указанного типа оценки является вводное слово *значит*. Оно может стоять в начале предложения:

– *Значит, их скоро выпишут!* – обрадовалась Снежинка [284, 66].

Значит, это на меня с солнца что-то свалилось, – решил Незнайка [284, 8].

или в середине его:

– *Так вот, – продолжал Незнайка. – Летим, значит, выше. Вдруг – бум! Не летим выше. Смотрим – на облако наскочили* [284, 55].

2.2. Оценка вероятности/невероятности сообщения может быть выражена при помощи вводных слов, носящих разговорный оттенок. Такими словами являются *небось* и *дескать*:

– *Ладно, – согласился Незнайка. – Они, значит, подрались, а мы залезли в корзину, я сказал речь: дескать, летим, братцы, прощайте!* [284, 54]. В данном случае логическая оценка оформлена при помощи модальной частицы *дескать*, которая служит для субъективной передачи чужой речи.

Логическая оценка также может быть эксплицирована модальным словом *небось*, выражающим невысокую степень вероятности сообщаемого: *Небось, рот разинет, ничего не поймет* [283, 55].

2.3. Вводное модальное слово *наверное* также может служить средством выражения данной модальности: *Там Ванька уже, наверное, рыбу таскает, а я тут с ней возись* [283, 166]. В данном случае указанное слово имеет значение неуверенности, сомнения.

3. Оценка сообщения с точки зрения возможности/невозможности.

Указанная оценка чаще всего оформлена при помощи вводных сочетаний слов *может быть* и *а может быть*. Данные вводные сочетания преимущественно находятся в инициальной позиции:

– *А может быть, он еще полетит,* - сказала одна из малышек, которые тоже глядели в щелки забора [284, 30]. В данном случае оцениваются возможности воздушного шара, который может или не может подняться в воздух.

Марья Петровна не сдержала слова. И сабли не было нигде. И не могло быть. Я подошел к окну. Мама сказала:

– *Может быть, она еще придет?* [283, 63].

Я сказал:

– *Сейчас я их приманю хлебом, а вы притащите сюда какую-нибудь палку подлиннее. Надо все-таки отдать шляпу шахматисту. Может быть, он гроссмейстер* [283, 92]. При помощи данных вводных слов выражена оценка предполагаемого статуса одного из персонажей.

А вдруг он и вправду гроссмейстер? А может быть, сам Ботвинник! [283, 93]. Наречия *вдруг* репрезентирует оценку.

2. Сомнение говорящего в сообщаемом. Данный вид оценки оформляется при помощи различных грамматических средств.

2.1. Модальные частицы, вводные модальные слова:

– *Чешется?* – *озабоченно спрашивал Гриша.*

– *Н-нет, кажется, не чешется... Нет, кажется, чешется. Не разберу, чешется или не чешется. Кажется, уже чешется* [286, 55].

2.2. Частицы *да, нет, так* эксплицируют логическую оценку:

– *Скучаешь?*

Я ответил:

– *Да нет...Так...А когда же наконец мама придет?* [283, 323].

2.3. Модальное слово *наверно*, которое может стоять как в начале, так и в середине предложения, и обозначает низкую степень достоверности сообщения:

Это я, наверно, от Мишки заразился [283, 101].

Наверно, от солнца оторвался кусок и ударил меня по голове [284, 8].

2.3. Другие модальные слова и словосочетания.

– *Может быть, можно выписывать понемножечку?* – сказала Синеглазка. – *Хотя бы по одному малышу в день* [284, 66].

– *Надо иметь чувство юмора, - сказал он мне, и глаза у него стали веселые-веселые. – А ведь это смешная задача, правда?* [283, 30].

2.8.2. Деонтическая модальность. Средства выражения данного вида оценки называют отношения между говорящим и адресатом. При этом говорящий выражает свое согласие/несогласие, желание/нежелание в выполнении просьбы. Средствами оформления таких положительных или отрицательных ответов являются слова деонтической оценки: *да, точно, правда, нет, не* [181, 324].

1. Оценка, выражающая согласие в выполнении просьбы, может быть оформлена при помощи утвердительных модальных частиц и модальных слов.

1.1. Модальные частицы *да, ага*:

– *Да, мама, ты вчера сказала правильно. Тайное всегда становится явным* [283, 11].

– *Ну да, – сказал я. – Если бы одно было вино, а другое керосин, тогда нельзя, а так, пожалуйста, еще лучше* [283, 56].

– *Ну да!* – сказал я. – *Верно, Павля?* [283, 68].

– *Ну да, говорю я, – правильно! Но пожар все-таки лучше!* [283, 116].

Модальная частица *ага* имеет такое же значение, что и частица *да* [176, 19], она может также служить для оформления логической оценки: *Мишка обрадовался*:

– *Ага, понял! Можно про пожар выдумать, а то еще лучше сказать, как будто лед на пруду проломился, и ребенок этот – бух!...В воду упал!* [283, 116].

1.2. Модальные слова.

Модальное слово *конечно* выражает высокую степень достоверности сообщения и полное согласие с ним говорящего.

Я сказал:

– *Конечно. Нужно только, чтобы болезнь была страшнее* [283, 25].

Указанная модальность может выражать логическую оценку при помощи отдельного восклицательного предложения. Например:

И я сказал:

– **Конечно!!!** *Хоть это и кино, а может быть, без нас они не продержались бы! Кто знает...* [283, 251].

Я мигом соскочил с окна:

– **Конечно, договорились!** *Урра! Беги, папа, пулей, а я приберусь!* [283, 201].

Данное модальное слово может удваиваться, логическая оценка может быть выражена при помощи редупликации:

И Костик сказал:

– **Конечно, конечно!** *Убери эти ведра* [283, 31].

Вот потеха-то будет. Верно, Денис?

– **Верно,** – *сказал я.* [283, 55].

В данном случае логическая оценка также оформлена при помощи модального слова *верно*, которое, как и слово *конечно*, выражает согласие говорящего. Аналогичное значение имеют и модальные слова *правда, ладно, правильно*:

– **Правда,** – *сказал папа. – Вот поэтому-то мы и едим арбуз с утра пораньше* [283, 67].

– **Ладно,** – *сказал Мишка, – ты устанавливай со мной, а я – с тобой* [283, 49].

Костик сказал:

– **Верно!** [283, 26].

2. Оценка, выражающая несогласие в выполнении просьбы.

2.1. Модальная отрицательная частица *нет*:

– *Это почти одно и то же. А он музыкальный, Мишка твой?*

– **Нет,** *обыкновенный* [283, 97].

– **Да нет,** – *сказал Валерка, – это у нас в кружке «Умелые руки» – мы подушечки проходим* [283, 53].

– *Ну нет*, – говорит Мишка, именно что лопнувший пруд интереснее [283, 116].

2.2. Оформление логической оценки при помощи редупликации или повторения отрицательной частицы *нет*:

Незнайка очень не любил касторку. Он испугался и говорит:

– *Нет-нет!* Теперь я сам вижу, что портрет плохой [284, 14].

– *Что ж тут хорошего, если вода затопляет город?* – удивился *Незнайка*.

– *Нет, нет!* – испуганно заговорила *Медуница*. – *Вы представляете себе, что будет, если мы сразу выпишем четырнадцать малышей?* [284, 66].

– *Нет-нет!* – строго воскликнула *Медуница* и постучала своей деревянной трубочкой по столу [284, 66]. Данный прием служит для увеличения экспрессивности высказыванию и усиления оценочности.

2.3. Использование автором вводных слов, указывающих на источник сообщения:

– *По-моему, тоже ничего хорошего нет*, – сказала *Снежинка*, – *а вот нашим малышам нравится* [284, 59].

2.4. Усилительная частица *шалишь*, которая имеет значение «нет, это не удастся», относится к просторечной лексике [177, 773], служит для оформления оценки: *А вот Павля, он времени не терял, нет, шалишь, он работал над собой, он повышал свой уровень образования* [283, 67].

О. Н. Емельянова дает такое определение просторечной лексики: «слова, словоформы и словосочетания, присущие просторечию, т.е. обиходно-бытовой речи разных социальных слоев, стоящей за пределами литературного языка или на его периферии» [87, 250].

Анализ грамматических средств выражения логической оценки в текстах детской литературы показал следующее:

1. Логическая оценка оформляется при помощи грамматических, а именно синтаксических средств языка (100%).

2. Оценка достоверности/недостоверности сообщаемого эксплицирована при помощи модальных слов *конечно, значит, правда, правильно*, вводных сочетаний слов *может быть* и *ясное дело*. Превалируют модальные слова, выражающие достоверность сообщаемого.

3. Оценка сообщения с точки зрения вероятности/невероятности оформлена при помощи вводных слов *значит, дескать, небось, наверное*. Модальное слово *значит* является высокочастотным средством экспликации данного типа оценки.

4. Оценка сообщения с точки зрения возможности/невозможности представлена вводными сочетаниями слов *может быть, а может быть*.

5. Сомнение говорящего в сообщаемом характеризуют такие средства: модальные частицы, вводные модальные слова, вводные сочетания слов.

6. Деонтическая модальность обладает наибольшим разнообразием грамматических средств среди логических оценок, она оформляется при помощи модальных утвердительных и отрицательных частиц, редупликации указанных частиц, модальных слов, редупликации модальных слов.

2.9. Языковое выражение социальной оценки

В основу нашего исследования положена классификация частнооценочных слов Н. Д. Арутюновой, А. Ф. Папиной. Они выделяют эмоциональные, эстетические, этические, сенсорные (зрительные и слуховые), количественные, рациональные, логические оценки [12, 168]. Мы сочли необходимым дополнить данную классификацию социальной оценкой (вслед за Н. Д. Арутюновой, Т. А. Космедой), так как наше исследование касается отражения социальных процессов, происходящих в обществе на протяжении середины XX – начала XXI вв. Социальная оценка – это такая оценка, которая закрепляет шкалу ценностей в определенном обществе и в мире в целом (социальное санкционирование места проживания, деятельности, отдыха людей, социальное функционирование поведения нации в мировом масштабе, осмысления места нации на земле и т.д.) [133, 100].

Е. М. Вольф, исследуя оценку в речевых актах, пишет: «Для оценочных речевых актов и речевых актов, включающих оценку как один из элементов, особое значение имеют ролевые статусы говорящих. Оценки, как правило, социально обусловлены, в них имеются конвенции, определяющие условия реализации» [50, 172].

Н. Д. Арутюнова отмечает, что оценка социально обусловлена, ее интерпретация зависит от норм, принятых в том или другом обществе, социальные интересы и мода, престижность и некотируемость формируют и деформируют оценки [14, 6].

Положительная и отрицательная оценки, принятые в данном социальном коллективе, покоятся на объективных категориях нравственности, которые имеют исторический характер и могут меняться с изменением системы общественных идеалов.

В произведениях для детей середины XX века социальная оценка встречается очень редко, нам удалось обнаружить всего 5 микротекстов (1%).

1. Социальная оценка выражается при помощи **тавтологии**:

Аленкина мама сказала:

*– Спасибо, **профессор!** Большое спасибо, **профессор!***

*И она пожала ему руку. Видно, это был такой хороший доктор, что он все знал, и его называли за это **профессор*** [283, 131].

В микротексте несколько раз упоминается номинация *профессор*, что придает этому слову особую значимость и важность.

2. В детской литературе исследуемого периода практически не упоминается, кем работают взрослые персонажи. Рассмотрим интересный пример из «Денискиных рассказов» В. Ю. Драгунского:

Ура! Нам с Мишкой дали пригласительный билет в клуб «Металлист» на детский праздник. Это тетя Дуся постаралась: она в этом клубе главная уборщица. <...> И мы побежали к ней, а у нее свой отдельный кабинет под лестницей, там щетки стоят и ведра [283, 150].

В данном примере социальная оценка выражена при помощи комической метафоры *главная уборщица*, которая отражает представления ребенка о профессиональной ценности человека. Подсобка, где стоят щетки и ведра, называется *свой отдельный кабинет под лестницей*.

Взрослые работают на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, строят электростанции, соединяют каналами реки и моря, орошают пустыни, сажают леса. Видишь, как много дел!.. А дети учатся в школах, чтобы в будущем стать образованными и в свою очередь принести нашей Родине как можно больше пользы [286, 252].

Социальная оценка оформляется параллельными синтаксическими конструкциями, характеризующими положительные «дела» взрослых и детей.

Ребята задумали помочь государству и собирать металлический лом для заводов. Они даже решили соревноваться между собой, кто соберет больше, а победителей помещать на Доску почета [286, 18].

Социальная оценка оформляется сложным синтаксическим целым.

Таким образом, социальная оценка в произведениях детской литературы советского периода оформлена при помощи лексических (60%) и синтаксических (40%) средств языка (см. таблицу 1.).

Выводы

Анализ языкового выражения категории оценки в детской литературе советского периода (на материале произведений В. Ю. Драгунского, Н. Н. Носова) продемонстрировал:

1. Количественная оценка является наиболее распространенным видом оценки в советской литературе, она представлена 99 микротекстами (25% всех оценок).

Квантитативная оценка оформлена преимущественно лексическими средствами языка, которые составляют 35,35% всех языковых средств оформления категории оценки. Среди языковых средств лексического уровня наиболее распространенными являются фразеологические (20%) – в основном,

это фразеологизмы, употребленные в неизменном виде. Каламбур, реминисценция, прием обманутого ожидания, гипербола, литота, метонимия, гиперболическая метафора, окказиональная метафора, синонимия также оформляют указанный вид оценки.

Словообразовательные средства представлены 25 микротекстами (25,25%). Квантитативная оценка оформлена при помощи суффиксов субъективной оценки.

В роли морфологических средств выражения (19 микротекстов – 19,2%) наблюдается интенсификация оценки при помощи наречий, использование сравнительной степени имен прилагательных и редупликация.

На синтаксическом уровне языка данный тип оценки может быть оформлен при помощи парцелляции, анадиплозиса, сравнения, гиперболического сравнения, повтора (20 микротекстов – 20,20%).

2. Эмоциональная оценка обладает высокой степенью частотности в литературе указанного периода (79 микротекстов – 20% всех оценок). Исследованный материал показывает, что наиболее распространенными средствами выражения эмоциональной оценки являются лексические, в частности, фразеологические (50,63%). Высокочастотными являются также случаи синкретического использования средств различных языковых уровней.

Эмоциональная оценка в произведениях В. Ю. Драгунского и Н. Н. Носова выражается средствами фонетического (11,39%), лексического (включающего фразеологический), словообразовательного (7,6%), морфологического (15,19%) и синтаксического (15,19%) уровней языка, что свидетельствует о разнообразии и высокой частотности эмоциональной оценки в произведениях детской литературы.

На фонетическом уровне эмоциональная оценка оформляется при помощи слогового повтора и метатезы.

На лексическом уровне эмоциональная оценка выражается при помощи слов со сниженной стилистической окраской, просторечной лексики, но эти средства не являются распространенными.

Фразеологический аспект изучения оценочных средств показывает, что в 40-х – 60-х годах XX века авторы использовали фразеологизмы как в неизменном, так и в измененном виде (замена составных частей фразеологизма и расширение их состава).

Для выражения эмоциональной оценки на грамматическом уровне характерны такие средства, как окказиональное словообразование, экспрессивное использование глагола и глагольных междометий, стилистическое использование однородных сказуемых, сравнение, градация, парцелляция, стилистическое использование номинативных предложений, эллиптические предложения.

3. Эстетическая оценка не является высокочастотной (5% всех оценок) и эксплицирована преимущественно синкретическими средствами языка, она может переплетаться с количественной и зрительной (сенсорной) оценками. В целом, при выражении эстетической оценки в советской детской литературе преобладают синтаксические средства языка (39,13%). Лексические и словообразовательные средства достаточно распространены – 26,09 и 21,74% соответственно. Несколько менее частотны морфологические средства – 13,04%.

Проанализировав тексты детской литературы советского периода, мы выделили несколько типов эстетической оценки: оценку произведений искусства, оценку внешнего вида живых существ и оценку явлений окружающей действительности. Исследовав эстетическую оценку на лексическом и грамматическом уровнях языка, можем сделать такие выводы: для выражения оценки произведений искусства характерны лексические средства языка: использование разговорной лексики, приема контраста. Из грамматических средств употребляется только сравнение.

Эстетическая оценка внешнего вида живых существ оформлена при помощи лексических средств (антонимии) и грамматических средств (интенсификации оценки различными частями речи), причем грамматические средства преобладают.

Оценка явлений окружающей действительности выражается различными грамматическими средствами: словообразовательными, морфологическими, синтаксическими. Из лексических средств характерно употребление просторечной лексики.

4. Этическая оценка представлена 42 микротекстами (10% всех оценок). Проанализировав их, мы пришли к следующим выводам:

Особого внимания заслуживает группа этических оценок, несущих характеристику с позиции честность – обман.

На лексическом уровне этическая оценка выражается при помощи языковой игры, фразеологизмов в неизменном виде, преобразования состава фразеологизмов, тавтологии. Лексические средства оформления данного типа оценки преобладают над средствами других языковых уровней (47,62%).

Словообразовательные средства выражения этической оценки (11,9%) используются довольно редко (единичные случаи окказионального словообразования и использования суффиксов субъективной оценки).

Морфологические языковые средства (16,67%) представлены использованием авторами сравнительной степени прилагательных, употреблением междометий.

Синтаксические средства оформления этической оценки в исследованных произведениях используются часто и составляют 23,81% всех средств выражения. Мы обнаружили риторические восклицательные предложения, присоединение, передачу чужой речи, повтор, сложноподчиненные предложения цели.

5. Сенсорная оценка оформлена 83 микротекстами. Анализ языковых средств выражения указанной оценки позволяет сделать следующие выводы:

Лексические средства преобладают над остальными (31,32%). Высокочастотными также являются синтаксические (28,01%), фонетические средства (19,09%). Достаточно распространены морфологические средства – 15,46%. Наименьшая частотность характерна для единиц словообразовательного уровня (6,02%).

Зрительная оценка оформлена при помощи лексических средств: эффекта обманутого ожидания, антонимии, алогизма; грамматических средств: оценочные суффиксы, сравнения, тавтологии. Позитивной оценочностью обладают белый, синий и красный цвета.

Слуховая оценка выражается фонетически (звукоподражания и звукообразные слова), лексически (олицетворение, метафора, устойчивые выражения и фразеологизмы, каламбур, лексика со сниженной стилистической окраской, антропоморфизм), грамматически (наречия-интенсификаторы, тавтология, градация, сравнения, восклицательные предложения, однородные определения).

Оценка обонятельных впечатлений осуществляется за счет междометий и сравнений.

Лексические средства выражения вкусовой оценки представлены устойчивыми выражениями, грамматические – наречиями, неполными и эллиптическими предложениями.

Осязательная оценка оформляется при помощи синонимии, слов категории состояния, междометий и сравнений.

Практически всем видам оценки присущи синкретические средства выражения (средства разных уровней языка). Кроме этого, в произведениях детской литературы много микротекстов, в рамках которых соединены несколько типов сенсорной оценки, например, слуховая и зрительная.

6. Рациональная оценка репрезентирована 33 микротекстами и обладает невысокой частотностью – 8% всех оценок. Исследовав ее на лексическом и грамматическом уровнях языка, мы пришли к следующим выводам.

В целом, в текстах литературы советского периода соотношение средств выражения рациональной оценки на морфологическом и синтаксическом уровнях примерно одинаково (27,27 и 30,30% соответственно), несколько преобладают лексические (42,43%).

Прагматическая оценка в исследованных произведениях авторов советского периода литературы является наиболее высокочастотной из

рациональных оценок. Для ее выражения служат лексические (антропонимы, антонимия, слова со сниженной стилистической окраской) и грамматические средства (наречия-интенсификаторы, однородные обстоятельства – наречия, восклицательные номинативные предложения).

Нормативная оценка оформлена при помощи лексических языковых средств (алогизма, оксюморона, просторечной лексики).

Особым случаем выражения нормативной оценки являются фразеологизмы, имеющие значение *сойти с ума*.

Телеологическая оценка эксплицируется при помощи грамматических средств (присоединение, сравнение, придаточные предложения цели).

7. Логическая оценка оформляется грамматическими, а именно синтаксическими средствами языка (41 микротекст – 100% всех видов оценки).

Оценка достоверности/недостоверности сообщаемого выражена модальными словами *конечно, значит, правда, правильно*, вводных сочетаний слов *может быть* и *ясное дело*. Превалируют модальные слова, выражающие достоверность сообщаемого.

Оценка сообщения с точки зрения вероятности/невероятности оформлена при помощи вводных слов *значит, дескать, небось, наверное*, высокочастотное слово *значит*.

Оценка сообщения с точки зрения возможности/невозможности выражена при помощи вводных сочетаний слов *может быть, а может быть*.

Сомнение говорящего в сообщаемом характеризуют такие средства: модальные частицы, вводные модальные слова, вводные сочетания слов.

Деонтическая модальность обладает наибольшим разнообразием грамматических средств среди логических оценок и выражается при помощи модальных утвердительных и отрицательных частиц, редупликации указанных частиц, модальных слов, редупликации модальных слов.

8. Социальная оценка в детской литературе указанного периода эксплицируется метафорой и тавтологией. Данный тип оценки встречается

сравнительно редко, обнаружено всего 5 примеров, включающих лексические и синтаксические средства оформления оценки (60% и 40% соответственно).

9. Высокочастотные языковые средства оформления всех видов оценки – лексические (144 микротекста, 35% всех средств) и синтаксические (128 микротекстов, 33%). Словообразовательные и морфологические средства характеризуются достаточной частотой использования (46 микротекстов (11%) и 62 микротекста (15%) соответственно). Наименее распространенными единицами являются фонетические – 25 микротекстов (6%).

Статистические данные о распределении типов оценки и способах ее выражения в детской литературе советского периода представляем в таблицах 1, 1.1., 1.2.

ГЛАВА 3

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

3.1. Особенности детской литературы середины 80-х годов XX века – начала XXI века

За последние несколько десятков лет сформировалась совершенно новая детская литература. В современной лингвистике проблема средств выражения оценки в детской литературе постсоветского периода не рассматривалась, однако В. Е. Васильев, О. Ю. Воронина, С. И. Тимина относят ее к особому историческому периоду – от начала перестройки до конца XX в., обозначив термином *постсоветская детская литература*. «Основное направление, в котором она развивается, – свержение основ, стремление во что бы то ни стало попасть на «пароход современности» – отрекаясь порой от традиций русской и советской детской литературы» [226, 173]. В научной литературе такой термин встречается впервые, тем не менее, он, по нашему мнению, наиболее точно отражает сущность детской литературы данного периода.

В. В. Агеносов, Т. М. Колядина, Л. А. Трубина считают, что термином «советская литература» могут быть обозначены произведения, появившиеся за последние несколько лет или в течение десятилетия, предшествующего времени описания. По мнению авторов, произведения должны отличаться общностью содержания, типов героев и систем изобразительных средств. «Обычно точкой отсчета современного периода развития литературы называют 1985 год, ставший началом этапа, определенного историками как период «перестройки». Подписанный М. Горбачевым в июне 1990 года Закон о печати отменил цензуру в стране и косвенно способствовал активизации издательской деятельности» [74, 3]. Постсоветскую детскую литературу характеризует большое жанровое разнообразие, сознательное смешение возрастных границ внутри и за пределами традиционной читательской аудитории, расширение

сфер влияния за счет выпуска автором одновременно с очередной детской книгой телевизионных, видео- и Интернет-версий текста и подражательность зарубежным образцам, к которым относятся жанры – такие как «детский детектив», «фэнтэзи», «роман для девочек», «страшилки» [226, 173]. В воспитательной функции постсоветская детская литература проигрывает советской литературе, так как в ней не всегда присутствуют такие качества, как этическая ясность, стилистическая выдержанность, обстоятельность и подробность повествования, учет возрастных и психологических особенностей ребенка. Современные произведения для детей характеризуются наличием иронии, они написаны для детей, но создается впечатление, что они адресованы взрослым читателям. «Неслыханные прежде темы (бездомность, Интернет, черная и белая магия, тоталитаризм, мафия), надуманность, наигранность и бесшабашность сюжетов, которым «взрослая» литература отказывает в праве на существование, леденящие душу филолога языковые выкрутасы, сомнительная «положительность» персонажей, сарказм и даже цинизм, которым противопоставлены сентиментальность и поиск сакрального, исконного, истинного присутствуют в постсоветской литературе» [226, 174].

Советская детская литература делала упор на «воспитание гуманизма». Искусство должно было отвечать идеологическим требованиям, в литературе для детей четко разграничены добро и зло. Яркий пример – произведения В. В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо», Н. Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома». В них и им подобным четко указано, какие поступки можно считать хорошими, а какие плохими.

Современные произведения детской литературы построены совершенно иначе, например, «Вредные советы» Г. Б. Остера. Они содержат в себе сведения о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Только эти сведения не «лежат на поверхности», как, например, в произведении В. В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо». Г. Б. Остер заявляет во всех комментариях к своим произведениям о стремлении детей поступать наоборот, испытывая не столько границы терпения взрослых, сколько растяжимость рамок социально

допустимого в поведении. «Эта книжка для непослушных детей, – говорится в предисловии к «Вредным советам», – послушным детям можно ее читать, только привязавшись к стулу».

Исследователи жанров современной литературы считают, что «в XX в. войн и катастроф феномен смерти перестал быть запретной для детей темой в культуре. Благодаря фотографии и кинематографу смерть и ее физиологические и драматические проявления потеряли статус предмета закрытого дискурса (литературы, живописи, театра), т. е. дискурса, доступ к которому ребенка мог быть ограничен взрослыми. Г. Б. Остер предлагает маленьким читателям испытанный способ преодоления страха смерти – смех. Он написал «Вредные советы», не опасаясь, что они принесут вред. Дети прекрасно поняли, что все, написанное в книге, надо делать наоборот. Жанр «Вредных советов» довольно сложно определить. Некоторые критики относят их к жанру «нонсенса» [7, 153]. Мы считаем, что «Вредные советы» – скорее всего своеобразная пародия на поучительные произведения для детей.

Произведения Эдуарда Николаевича Успенского стали частью массовой детской культуры. Книги изображают сегодняшнюю действительность, ее быт, а герои часто обладают ограниченным количеством черт. В произведениях Э. Н. Успенского, в частности в повести «Следствие ведут Колобки», милиционер, сыщик – комические персонажи. Они стали для писателя объектами пародии. Детективная повесть Успенского «Следствие ведут Колобки» сама является пародией на нашу жизнь и культуру. В ней показаны ценности и приоритеты нынешнего времени. Система воспитания, которая представлена во всех произведениях Э. Н. Успенского, противоречит общепринятой, построенной на идеях подчинения взрослым, общественного долга. Основа этой системы описана в детективной повести с помощью диалога сыщиков Булочкина и Колобка:

«По дороге Булочкин говорил и горевал:

– И чего не живется современной молодежи? И рысцей они бегают, и в английскую группу ходят, и на флейте играют.

– Однако один мой сотрудник не выдержал такой жизни, – заметил Колобок.

– Так я же взрослый. Мне это ни к чему.

– А по-моему, **каждый ребенок – взрослый**, – сказал Колобок».

Личная свобода ребенка для автора превыше всего.

В. В. Агеносов, Т. М. Колядина, Л. А. Трубина пишут: «В связи с изменившимися социальными условиями, отходом от прямых оценочных характеристик можно говорить об ином наполнении нетрадиционных тем. Литература становится менее официозной и дидактичной, уходит заданность, жесткая нормативность. И авторы пытаются иначе осмыслить свое время» [74, 16]. Так как в детской литературе отображаются все социальные процессы, происходящие в обществе в конкретный период времени, указанные процессы отразились и на динамике оценки.

3.2. Реализация количественной оценки на различных уровнях языковой структуры

Анализируемые виды оценки совпадают с видами оценки в советской детской литературе, отличается лишь процентное их соотношение (см. таблицы 1.1. и 2.1.).

В предыдущей главе было сказано, что количественная оценка указывает на величину, длину, высоту, рост, ширину, глубину, вес (тяжесть) описываемого явления. Вслед за А. Ф. Папиной, мы выделяем количественную оценку, характеризующую меру, объем, величину описываемого предмета, указывающую на признак действия, на признак признака [181, 317]. Нами были проанализированы 79 микротекстов, содержащих количественную оценку, что составляет 19 % всех видов категории оценки.

Рассмотрим языковые средства выражения квантитативной оценки.

3.2.1. Лексические средства выражения оценки.

Лексические языковые средства значительно преобладают над средствами других уровней иерархии языка, обнаружено 40 микротекстов (50,6%).

1. Количественная оценка оформляется **контекстуальными антонимами:**

а) положительная оценка, выражающая величину предмета, указывающую на признак признака: *Тут к ним подошел милиционер **очень невысокий**, но **очень широкоплечий** с **большой** милицейской бляхой на **большой** милицейской груди* [296, 288].

Прилагательное *невысокий* состоит в контекстуально антонимических отношениях с прилагательными *широкоплечий*, *большой* и, в принципе, выражает положительную количественную оценку. В данном случае употребление антонимов окказионально, на противопоставленность указывает противительный союз *но*;

б) отрицательная оценка, выражающая величину предмета, указывающую на признак действия: *«И милиционер, переложив **тяжелую нравственную задачу** на Колобка, **легкой** походкой отправился на занятия»* [291, 19]. Прилагательное *легкой* в сочетании с существительным *походкой* и в антонимических отношениях с *тяжелой нравственной задачей* указывает на беззаботность и безответственность представителя правоохранительных органов;

в) общеязыковые **антонимы:**

– ***Большой!** – ахнула мартышка, и ей стало еще обидней. Потому что даже когда что-нибудь **маленькое** потеряешь – и то обидно, а уж когда **большое**...* [289, 36].

*Из нее выбежали покупатели: один **пухлый**, другой **щуплый**, и оба в черных масках* [289, 181].

г) контекстуальные антонимы: *Но однажды к острову подошла лодка. В ней сидели: мама в очках, папа с бородой и **крупная** девочка с **худенькой***

кошкой [289, 193]. Данные примеры содержат оценку, выражающую величину предмета, указывающую на признак признака.

2. **Языковая игра** может служить средством выражения оценки, характеризующей меру предмета: *Шарик стал похож на сильно увеличенную переспелую болонку* [294, 13]. Прилагательное *переспелая* в сочетании с наречием *сильно* и прилагательным *увеличенную* несет отрицательную оценку. Кроме того, слово *переспелая* никак не может относиться к болонке, здесь имеет место метафора.

3. **Ирония.** При помощи **иронии** Э. Н. Успенский выражает количественную оценку, характеризующую меру описываемого предмета: *В Простоквашино жизнь тоже заметно улучшилась – раньше ни одного магазина не было, теперь сразу восемь пивных палаток появилось* [293, 1]. В данном примере при помощи иронии выражена отрицательная количественная оценка. Хотя *жизнь заметно улучшилась*, но такое количество пивных палаток не может свидетельствовать об улучшении уровня жизни, скорее, наоборот.

4. В ходе исследования нами был выявлен **прием обманутого ожидания** – экспрессивный эффект, возникающий в результате нарушения норм, стереотипов восприятия. Данный прием может служить для оформления количественной оценки, выражающей величину предмета, указывающую на признак признака:

Необязательно большую корову покупать. Ты купи маленькую. Есть такие специальные коровы для котов. Козы называются [290, 17].

5. **Гипербола** в исследуемых микротекстах может быть использована для выражения оценки, характеризующей меру предмета: *Кстати, если сосчитать только одних микробов, проживающих на нашей жилплощади, то живых существ в любой квартире окажется в миллионы раз больше, чем неживых предметов* [288, 176].

6. **Олицетворение** служит для оформления количественной оценки величины предмета, указывающей на признак действия: *И перед Генной во всю ширь и высь встал вопрос, что с этими деньгами делать* [296, 104].

Также данное средство может выражать оценку величины предмета, указывающей на признак признака: *Уличные собачьи будки, как правило, каждый хозяин делает себе сам и из чего попало. Поэтому они чаще всего бывают **кривобокие, косопузые**, из досок разной величины* [296, 115]. Присвоение собачьим будкам некоторых человеческих признаков (*кривобокие, косопузые*) создает комический эффект.

7. Метафора. При помощи данного лексического средства описан кабан, на которого охотился Шарик: *Шарик сразу схватил фонарь в лапы и к кабаньему оврагу отправился. Бежит он и себе под нос бормочет:*

– *Этот **танк лохматый** два раза меня на столб загонял, а я его спасать должен.* [294, 29]. В данном примере наблюдается отрицательная количественная оценка, выраженная метафорой **танк лохматый**. Прилагательное **лохматый** несет негативную оценку. В данном микротексте эксплицирована оценка величины предмета (признак признака).

3.2.2. Количественная оценка, оформленная фразеологизмами.

Количественная оценка оформляется при помощи авторского обновления пословицы. *Приехал чей-то знакомый **невысокий** священник, выкопал клад, огляделся, сказал: «Пусто место не бывает свято», построил **высокую** церковь. С колоколами* [289, 199]. Наблюдается модификация известной русской пословицы *свято место пусто не бывает*. В данном случае присутствует антитеза *высокий/невысокий*, которая также служит для оформления количественной оценки. Количественная оценка в указанном микротексте выражает величину предмета, указывающую на признак признака.

3.2.3. Словообразовательные средства выражения количественной оценки.

Словообразовательные средства, оформляющие количественную оценку не обладают высокой частотностью и представлены 9 микротекстами (11,4%).

«Словообразование в русском языке является ярким источником речевой экспрессии благодаря богатству и разнообразию оценочных аффиксов. У разных частей речи оценочность, создаваемая аффиксацией, проявляется по-разному. Наиболее сильной экспрессией обладают суффиксы субъективной оценки существительных» [63, 194].

1. Окказиональное словообразование:

Дорогие ученики! Нужно всегда говорить правду. Впервые правду стали говорить в Древней Греции <...>. Если маленький гречик приходил домой и мама спрашивала, где он был, он всегда говорил только правду [295, 133]. Уменьшительный суффикс *-ик-* часто обладает позитивной оценочностью, слово *гречик* построено по модели слов *пальчик*, *мальчик* и т.п. В данном случае количественная оценка выражает величину предмета, указывающую на признак признака.

2. Окказиональное словообразование антропонимов может служить для экспликации количественной оценки, выражающей величину предмета (признак признака): *К школе и другие учителя подошли с детьми, и завхоз Антонов с внуками Антончиками [289, 463].* В данном случае наблюдается семантический окказионализм. *Антончик* – уменьшительное от *Антон*, в данном случае антропоним образуется от фамилии *Антонов*.

3. Суффиксы субъективной оценки *-еньк-*, *-очк-* и *-ищ-*, состоящие в антонимических отношениях, служат для выражения количественной оценки, указывающей на величину предмета (признак признака): *Два кабанища были размером с танк и кабаненок маленький размером с тумбочку [293, 310].*

Уменьшительно-ласкательный суффикс *-енк-* может оформлять количественную оценку: – *А вам? – обратилась Римма к самому маленькому кукленку [295, 373].*

В произведениях Г. Б. Остера также употребляются уменьшительно-ласкательных суффиксов для выражения количественной оценки:

– Ну, – заскромничала мартышка, – я, конечно, не очень старалась, но, по-моему, это вполне приличный след. **Аккуратненькие** такие следочки [289, 114].

Мартышка согнула свои тоненькие ручки и показала попугаю свои щупленькие мускулы [289, 11].

4. И. Б. Голуб отмечает, что в современной литературе и публицистике экспрессивное словообразование выступает прежде всего как средство создания иронической, сатирической окраски речи [63, 198]. Нам импонирует мнение исследователя о том, что уменьшительные и увеличительные суффиксы в контексте могут выражать различные оценочные значения. В следующем примере уменьшительные формы от нейтрального слова *фабрика* передают пренебрежение:

Наконец они подошли к месту, откуда шло посинение. Оно происходило из трубы, бегущей из красной кирпичной фабрички. Фабричонка-то была паршивой, шесть на восемь, а краски выпускала много [296, 206].

5. Употребление иноязычных префиксоидов *мини-* и *макси-* для оформления количественной оценки, выражающей величину предмета, указывающую на признак признака: *Гена бы непременно попался, если бы с противоположной стороны шоссе не ехал бы мини-трактор с макси-навозом* [296, 302]. Данные префиксоиды могут употребляться только с конкретными существительными. Здесь же приставку *макси-* имеет неисчисляемое существительное, что указывает на окказиональное употребление.

6. Редупликация. При помощи данного средства может быть оформлена количественная оценка, выражающая величину предмета, указывающую на признак признака: *Сюда ползу, – проворчал удав, доставая из травы свое длинное-предлинное тело* [289, 123]. Или такой пример:

Идет дядя Федор себе по лестнице и бутерброд ест. Видит, на окне кот сидит. Большой-ребольшой, полосатый [290, 4]. При помощи приставки **пре-**, указывающей на степень проявления признака, а именно усиливающую его, может быть оформлена количественная оценка:

И тут подъехал большой-пребольшой трак и остановился недалеко от ворот, тихо работая двигателем [296, 253].

3.2.4. Грамматические средства выражения количественной оценки.

1. Морфологические средства выражения количественной оценки отличаются невысокой частотой использования и составляют 12,7% всех языковых средств.

В ряду морфологических средств языка мы рассматриваем стилистическое использование различных частей речи, категории числа, рода, лица, одушевленности-неодушевленности.

1.1. Часто интенсификаторами оценки выступают наречия:

Молодой человек добрел до совсем маленького домика. Синди удивилась. Таких мелких, невзрачных домиков на острове Рой ни у кого не было [289, 208]. При помощи данного средства выражена оценка, обозначающая величину предмета. Аналогичный пример:

*Через несколько дней к Чебурашке пришла комиссия. Это был один **очень толстый** дядя в галстуке, с портфелем [296, 336].* Имеет место комический эффект – комиссия не может состоять из одного человека.

1.2. Количественная оценка может выражаться при помощи сравнительной степени наречия: *Ты у нас ухоженный стал, красивый. За тебя любой охотник сто рублей даст. И еще **больше**...*[290, 15]. Выражена оценка, характеризующая меру. Эта же форма эксплицирует оценку величины предмета:

– *Эге!* – *вдруг задумался удав. – А в попугаях-то я гораздо **длиннее*** [289, 136].

Еще пример использования сравнительной степени имени прилагательного: *Хватайка пытался его урезонить, но куда там! Петух вырос в **три раза здоровее папы** и в **десять раз клевачее мамы** [293, 159].* Эдуард Успенский часто прибегает к окказиональному словообразованию,

прилагательное *клевачее* создано по подобию сравнительной степени прилагательного *здоровый – здоровее*. В данном случае сравнительная степень прилагательного употребляется для оформления оценки, выражающей меру. Интенсификаторами указанного вида оценки выступают имена числительные *в три раза, в десять раз*.

1.3. Стилистическое использование категории одушевленности-неодушевленности имени существительного также может служить для выражения количественной оценки: *Самое крупное четвероногое квартиры – трехстворчатый платяной шкаф. Своим массивным крепким телом он напоминает неприступную горную вершину* [288, 220]. Неодушевленное существительное *шкаф* приобретает признаки одушевленного существительного среднего рода *четвероногое* и оформляет количественную оценку наряду с превосходной степенью имени прилагательного.

1.4. Деинтенсификация оценки при помощи наречий: *Две гражданки с портфелями и гражданин вошли в класс. Одна гражданка была высокая, почти длинная. Казалось, что это была тетька на тете под одним пальто* [294, 203]. В данном случае наблюдается количественная оценка *высокая, почти длинная*. Наречие *почти* является деинтенсификатором оценки.

1.5. Стилистическое использование наречий:

Мало – это когда все съел и еще хочется. А много – это когда уже больше не хочется [289, 65]. Наблюдается выражение оценки при помощи сравнительной степени наречия *много – больше*.

К взрослой бабушке всегда обращаются на «вы». Даже если взрослая бабушка одна, ее все равно много. Взрослая – она большая [289, 137].

В данных примерах выражена квантитативная оценка, обозначающая меру.

2. Синтаксические средства выражения количественной оценки характеризуются достаточной степенью распространения (25,3%).

2.1. Сравнение: *А вторая была низенькая, с круглыми, как по циркулю, щеками. И другие части тела у нее тоже были как по циркулю* [293, 203].

Автор употребляет сравнение *как по циркулю* для оформления оценки, выражающей круглую форму предмета.

Количественная оценка может быть репрезентирована при помощи сравнительного оборота: *Кабан встал на передние ноги и сделался огромный, как самосвал* [294, 29].

2.2. Иногда количественная оценка оформляется не только при помощи наречий, а с использованием такого приема, как **повтор**:

– *Гнездо, оно далеко!* – пояснил попугай. – *Сначала я пойду туда, туда, туда, туда, туда. Потом там. Потом обратно, обратно, обратно, обратно. И приду через три дня* [289, 81]. Данное средство может использоваться для выражения оценки, характеризующей расстояние и его преодоление. Еще пример аналогичной оценки: *Ты, дядя Федор, только о себе и думаешь. Ты, значит, будешь по деревне кататься, а мы сзади будем пешком бегать. Туда – сюда. Сюда – туда* [290, 20].

Повтор числительного *один* служит для оформления оценки, выражающей величину предмета (признак признака): *Это маленькие домики. Каждый домик рассчитан на одну семью, одну собаку, одно дерево, одну грядку, рассчитанную на один огурец* [296, 102].

2.3. **Анадиплосис** может служить для экспликации количественной оценки, выражающей меру: *Корова Мурка, которую кот купил, глупая была и балованная. Но молока много давала. Так много, что с каждым днем все больше и больше* [290, 31].

Здесь много маленьких магазинов и магазинчиков с игрушками, одеждой, мороженым, электропилами, компьютерами, велосипедами и мотоциклами [296, 97].

2.4. **Присоединение**: *Давай кот, мы тебя продадим. Ты у нас тоже ухоженный. Вон какой толстый сделался* [290, 15]. Присоединение служит для выражения оценки, указывающей на объем предмета.

Проанализировав количественную оценку на лексическом и грамматическом уровнях, мы пришли к следующим выводам.

1. Квантитативная оценка обладает высокой частотностью по сравнению с другими видами оценки – 19%.

2. Количественная оценка выражается при помощи антонимии, приема обманутого ожидания, иронии, языковой игры, авторского обновления пословиц. Данные лексические средства характеризуются наибольшей частотностью (50,6%).

3. Словообразовательными средствами, служащими для экспликации данного вида оценки, являются: аффиксация, окказиональное словообразование, редупликация. Отметим низкую частотность лексики, в которой количественная оценка выражается посредством деривации (11,4%).

4. Морфологические средства, репрезентирующие квантитативную оценку, – употребление стилистически маркированных наречий, прилагательных, сравнений, использование категории одушевленности-неодушевленности имени существительного (12,7%).

5. Синтаксические средства в анализированных микротекстах представлены сравнением, повтором, присоединением, анадиплозисом. Данные единицы обладают достаточно высокой частотностью – 25,3% (см. таблицу 2.).

3.3. Анализ оформления эмоциональной оценки на различных языковых уровнях

В разделе проанализированы языковые средства эмоциональной оценки в детских произведениях XX – нач. XXI вв. на лексическом и грамматическом уровнях – всего 92 микротекста, что составляет 21 % всех видов оценки (см. таблицу 2.1.).

3.3.1. Лексические средства выражения эмоциональной оценки.

Указанные средства характеризуются достаточной распространенностью – 34,8%.

1. Ярким средством выражения эмоциональной оценки на лексическом уровне являются **антропонимы**. В детективной повести Э. Н. Успенского «Следствие ведут Колобки» обнаружен пример эмоциональной оценки сыщика

Колобка, которая имеет скорее отрицательный характер: *Внутри дома, заложив руки за спину, нервно расхаживал сам Колобок, как небольших размеров Тигр. Такой малогабаритный, игрушечный.* Колобок – герой русской народной сказки – круглый, добрый, беззащитный персонаж, который в итоге был съеден хитрой лисой. В детективной повести Э. Н. Успенского его помощником и лучшим другом является Булочкин. Этот антропоним благодаря внутренней форме несет в себе указание на такие качества, как округлость, пышность, мягкость. Мы считаем, что для профессии сыщика такие качества не очень пригодны. Из этого следует вывод, что антропонимы в произведении Успенского несут негативную оценку.

Встречаются в тексте антропонимы, которые прямо указывают на характерные отрицательные черты персонажа. Например, галчонок Хватайка и его подруга Тащилка. Галчонок все время всех хватал, щипал, а его подруга все подряд тащила в гнездо:

И назвали галчонка Хватайкой: он что не увидит, все на шкаф тащит. Увидит спички – на шкаф. Увидит ложку – на шкаф. Даже будильник на шкаф перетащил [290, 25].

Назвали подругу Хватайки – Тащилка. И конечно, стала она всякий мусор к себе на шкаф тащить, чтобы гнездо вить [292, 117].

2. В текстах наблюдаются антропонимы, построенные на **антонимии**, которые служат для достижения комического эффекта.

Разумеется, Молчун был самым болтливым человеком в их компании, точнее, в их шайке, а Кудряш был лысый, ну просто как самый обычный электрический выключатель [296, 202].

3. **Каламбур**, построенный на антропонимах, также может стать средством оформления эмоциональной оценки: *Главного туриста звали Владимир Иванович, а кличка его была Папирус. Вообще-то в молодости его прозвали Папироса, но постепенно он рос, мужал и со временем стал Папирусом. Шибко умный был [296, 202].*

Н. М. Ротанова, исследуя речевые средства комического, составила их перечень, в который входят (как отдельный пункт) использование имен нарицательных в качестве собственных с целью выражения оценки, имена – характеристики (собственные существительные, созданные путем окказионального словообразования или каламбура) [197, 18]. Именно такие имена функционируют в анализируемых текстах.

4. Е. М. Вольф считает, что в первую очередь эмоциональной является непосредственная реакция на объект (предмет, событие), выраженная междометием, аффективными словами, словами-оскорблениями и т.п. [50, 40]. На лексическом уровне эмоциональная оценка может быть оформлена **жаргонной лексикой**, причем встречаются окказиональные образования, например, слово *мордарии* – окказиональное образование от слова *морда* – просторечное бранное слово [177, 310].

А из роици неслись страшные ругательства:

– *Ах, вы, **негодяи**. Понаставили капканов! Человеку пройти негде! Вы только покажитесь! Принесите сюда свои **гнузные мордарии**! Да я вам ноги-то переломаю. Да я вам руки-то повыдергиваю! Да я вам **хари**-то начищу!* [296, 214].

Просторечная лексика в литературе исследуемого периода довольно часто выражает эмоциональную оценку:

– *Ребенок! – только и заявил он. – А не приходит ли тебе в **башку**, что ты попал в лапы к злому людоеду или страшному колдуну?* [295, 383]. Слово *башка* является просторечным, обозначает то же самое, что и голова [177, 35].

*Она на секунду задержалась, за **шкурки** выхватила жуликов из трясины и унесла с собой* [289, 186]. Слово *шкурка* принадлежит просторечной лексике [177, 778].

– *Вот тебе, **дурацкий грязный мелюзга**! Призрак несчастный! Испортил весь кукольный званый вечер* [295, 374]. *Мелюзга* – мелочь, мелкота (о живых существах) [177, 778]. Данное слово относится к разговорной лексике, имеет пренебрежительный оттенок.

Как справедливо отмечает И. Б. Голуб, экспрессивность жаргонной лексики способствует тому, что слова из жаргонов переходят в общенародную разговорно-бытовую речь, не связанную строгими литературными нормами. Большинство слов, получивших распространение за пределами жаргонов, можно считать жаргонизмами только с генетической точки зрения, а в момент их рассмотрения они уже принадлежат просторечию [63, 83]. Сказанное касается и вышеуказанных примеров.

5. Средством выражения эмоциональной оценки может служить **реминисценция**: *Ничего, – ответила старуха. – Рано или поздно они вернутся сюда к своим палаткам и консервам. И я им тут устрою. Они еще увидят небо в алмазах* [296, 215]. Вспоминается выражение из пьесы А. П. Чехова «Иваново», имеющее в ней положительное значение. В данном примере значение противоположное. Еще такой пример: *Хорошо стало жить в Простоквашино тому, кто умеет хорошо жить* [293, 3] – реминисценция на цитату из поэмы В. В. Маяковского «Хорошо!»: «И жизнь хороша, и жить хорошо».

6. В исследуемых текстах встречается **языковая игра**:

Только в народе говорят:

– *Если все хорошо, это, значит, что не все хорошо. Некоторые пессимисты заостряют:*

– *А если все очень хорошо, это значит, что скоро все будет совсем плохо* [293, 115]. Языковая игра здесь построена на антонимии и омонимии.

Корова рыжая, мордастая и важная такая. Ну просто профессор с рогами. Только очков не хватает [290, 22]. С точки зрения психолингвистики стандартный облик профессора – важный человек, носящий очки. В данном микротексте указанные качества применяются к животному, то есть наблюдается соединение несоединимого в пределах микротекста – энантиосемия.

3.3.2. Фразеологический аспект исследования эмоциональной оценки.

В ходе исследования обнаружены случаи авторского обновления фразеологизма при выражении эмоциональной оценки.

1. В данных примерах наблюдается изменение лексического состава при сохранении общего значения фразеологизма, а именно, замена слов во фразеологизме:

*Теперь надо блинов трактору дать. А то он с места не **стронется**, – говорит дядя Федор [292, 105].* Фразеологизм *ни с места* имеет значение *не двигаться, стоять неподвижно* [253, 244]. В данном случае глагол *стронется* относится к разговорной лексике [177, 673].

Удав взглянул на орех, и душа у него от страха ушла в хвост. Она бы ушла в пятки, но побегала по удаву и никаких пяток не нашла [289, 108]. Лексический состав фразеологизма *душа ушла в пятки* изменен при помощи замены существительного *пятки* на существительное *хвост*, тем самым создается комический эффект. Значение фразеологизма «кто-либо испытывает сильный страх» не меняется [253, 150]. В данном микротексте присутствует олицетворение *душа побежала по удаву*.

2. Встречаются случаи изменения и лексического состава и значения фразеологизма:

*Мне снится бушующее море. И в этом бушующем море по воле волн носится **утлый слоненок** [289, 74].* В данном случае изменено устойчивое словосочетание *утлый челн*.

3.3.3. Словообразовательные средства оформления эмоциональной оценки

представлены 20 микротекстами, что составляет 21,7% всех средств.

1. Известно, что для словообразования прилагательных характерно выражение различных оценочных значений с помощью аффиксации. «Экспрессивны приставочные образования прилагательных, указывающие на степень проявления признака: *всевластный, все сильный, предобрый,*

прескучный, развеселый, разудалый. Особой выразительностью обладают и словообразовательные модели прилагательных типа *милый-милый, долгий-предолгий*, которые указывают на сильное проявление признака» [63, 195].

Подобные прилагательные наблюдаются в исследуемых текстах:

Однажды у них галчонок появился. Глаза как пуговицы, нос толстый. Сердитый-пресердитый [290, 25].

2. Следует отметить, что произведения Э. Н. Успенского изобилуют различными **окказионализмами**, выражающими эмоциональную оценку. Несерьезность происходящего действия, ирония может быть выражена с помощью окказиональных слов: *А я с бабушкой остался. Только мы с ней характерами не сошлись. Я люблю, когда у человека характер веселый – колбасно-угощательный. А у неё наоборот тяжелый характер. Вениковыгонятельный* [290, 10]. Окказионализмы (сложные слова) построены по модели слова *доброжелательный*.

Лучше бы она целую ночь дрыхла! – подумал про себя Матроскин. – Есть же вот люди такие наоборотные. Чем меньше они думают, тем больше пользы [294, 9]. Окказиональное прилагательное образовалось от наречия способа действия *наоборот* по модели имен прилагательных *странные, правильные*.

Суффиксы *-ость-, -изм-* имеют значение абстрактности, благодаря им создается семантический и смысловой контраст с бытовой ситуацией, в которой происходит общение: *Только тракторист Митя не давал им смотреть <...>. Он в последние дни засиделся в своем сарае и летел вперед как ошпаренный. На каждой кочке 2 раза подпрыгивал. Один раз от кочкостности, другой раз от засиделостности* [294, 3]. Еще пример:

Собака породы овчарка, – начал голос. – Высокая, средней лохматости. По окраске брюнето-шатенка. Повышенной зубастости. Слова *лохматости, зубастости* построены по модели слова *опасности*. Характеристика *брюнето-шатенка* является окказиональной, так как может

применяться только к человеку, но не к животному, здесь уместнее было бы сказать *черно-рыжая*.

Комизм ситуации выражают следующие окказионализмы:

– *Алло, Колобок? Это я, Булочкин. Произвожу **вставание**. Гражданка Четверухина предлагает бежать трусцой вокруг квартала. Какие будут указания?* В данном микротексте существительное образовалось по модели слов *умывание, одевание* от глагола *вставать*, с суффиксом *-аниј-*, имеющем значение действия.

Окказионализмы могут образоваться из устойчивого словосочетания *бегать трусцой*:

– ***Трусите... То есть трусите...*** [291, 11]. Повелительное наклонение глагола 2-го лица множественного числа образуется от паронимов *трус* и *трусца*, в первом случае произошло перемещение ударения на второй слог. Все указанные факторы создают комический эффект.

– *Давайте словесный портрет.*

– *Чей? – спросил голос.*

– *Сторожа.*

– *Высокий, с **уклоном в лысизм**. Зовут дядя Коля* [291, 24].

Окказиональное слово *лысизм* образовано по модели абстрактных существительных, например *социализм, атеизм* при помощи суффикса *-изм-*.

*Коза Марка самому почтальону Печкину много неприятностей доставляла. Мало того что она была на диво **жевачая**, она была ещё и на диво **прыгучая*** [293, 145]. Данные прилагательные образованы от глаголов *жевать* и *прыгать* по модели слов *ходячий, живучий* с суффиксами *-ач-, -уч-*.

*Тут в разговор папа вмешался: – А где Шарик с Матроскиным? Что-то я не слышу, как Шарик на Матроскина **воспитательно рычит**. А Матроскин его **дружественно** из дома выталкивает* [292, 10]. В микротексте наблюдается алогизм, служащий для создания комического эффекта. Окказиональные наречия образованы от прилагательных *воспитательный* и *дружественный* при помощи суффикса *-н-* по модели, например, слова *торжественно*.

Факты создания окказионального комического эффекта наблюдаются в следующих примерах:

*Дети увидели господина АУ и разбежались по всем **прятательным** местам* [295, 395]. Слово *прятательным* построено по модели слова *увлекательным*, от глагола *прятаться* с суффиксом *-ельн-*.

– *Он же мальчик! Сейчас даже девочки пошли **шурум-бурумные!*** [290, 68]. Окказиональное имя прилагательное образовано от звукоподражательного слова *шурум-бурум* с помощью суффикса *-н-*.

3.3.4. Грамматические средства выражения эмоциональной оценки.

1. Морфологические средства выражения эмоциональной оценки исследованы на примере 12 микротекстов (13,1%).

1.1. Экспрессивная функция частей речи и разнообразных морфологических средств языка является важным аспектом изучения языковых средств. Экспрессия наречий, по мнению И. Б. Голуб, лишь дополняет изобразительность других частей речи, и прежде всего существительных, прилагательных [63, 336]. Рассмотрим пример:

*Как известно, пес Шарик был **очень охотничий** пес* [292, 107]. Наречие *очень* усиливает качественную характеристику прилагательного *охотничий*. Комический эффект создается за счет относительного прилагательного, которое не может иметь меру и степень.

1.2. *Но дедушка был не просто **противный**, он был **хитро-противный*** [291, 166]. Эмоциональная оценка эксплицируется сложным прилагательным.

1.3. Е. М. Вольф подчеркивает, что эмоциональность оценки интенсифицируется за счет экспрессивности и аффективных прилагательных [50, 40 – 41]. Эмоциональная оценка в исследуемых текстах выражается эпитетами-прилагательными:

***Отчаянный и суровый** господин АУ проснулся, так как почувствовал: кто-то стоит за дверью* [295, 369].

1.4. Иногда выразительность аффективных прилагательных усиливается благодаря градации:

– *А ты кто? – спросил бобер.*

– *Я господин АУ. **Отчаянный, черный как смоль, страшный и весьма ужасный**, – ответил дядюшка, сам не очень в этом убежденный [295, 366].*

1.5. Об экспрессивных возможностях русского глагола говорили многие лингвисты и писатели. Глагол передает движение, придает динамизм описаниям, поэтому они оформляют эмоциональную оценку:

*Бычок после этого до самой речки за зайцем **гонится**. Заяц через речку в два прыжка «блинчиком» **перелетит** – и в поля. А Гаврюша так не может. Он в речку трактором **врежется** и такой веер брызг поднимет, что радуга полчаса над рекой висит [294, 1].*

*Мама хотела обрадоваться, но тут же пришла в ужас – обезьянки немедленно все **перевернули, сломали и раскокали** [289, 179]. Глагол *раскокать* принадлежит просторечной лексике, имеет значение *уронив, разбить* [177, 571].*

*А в таком случае лучший способ от грустных мыслей избавиться – это бутылку об пенек **шваркнуть**, и все! [293, 9].*

*И как **дует** за зайцем – только деревья в обратную сторону побежали [290, 57]. Просторечное слово *дует* оформляет эмоциональную оценку, имеет значение «*делать что-нибудь быстро, энергично*» [177, 157].*

2. Синтаксические средства выражения эмоциональной оценки обладают высокой частотностью (30,4%).

2.1. Оценка может быть выражена с помощью **сравнений**.

Сравнительные обороты – высокочастотное средство оформления эмоциональной оценки: *Лето началось, сначала зеленое, свежее, как салат. Потом уже настоящее, жаркое [293, 3].*

Необходимо отметить, что Э. Н. Успенский часто выделяет сравнительный оборот как отдельное предложение, создавая парцелляцию, тем самым еще больше увеличивая его экспрессивность:

– А на метелке она умела летать? – спросил дядя Федор.

– Умела, – ответил Печкин. – Как же без этого. Но она редко летала <...> И летала она кое-как, плохо. **Как ворона с гантелей** [292, 3]. Или еще: Я вот мимо детского сада проходил, когда там ребят спать укладывали. Так они на кроватях чуть не до потолка прыгали. **Как кузнечики!** [290, 68]. Оценка эксплицируется неполным двусоставным сравнительным предложением.

2.2. Для создания экспрессивности текста автор использует **восклицательные предложения**, иногда риторические: *Гена развернулся, чтобы уходить, и второй раз уложил неугомонного генерала на пол.*

– **Арестовать! Прогнать! Посадить на гауптвахту!** – кричал генерал [295, 255]. Экспрессивность выражается инфинитивными предложениями.

2.3. Эмоциональная оценка оформляется **номинативными восклицательными предложениями**:

– *Хорошо здесь!* – сказал дядя Федор. – **Птички! Природа!** [293, 110].

2.4. В исследуемых текстах наблюдается **парцелляция**:

*Это одинокая незнакомка средних лет с хорошим знанием жизни. **Закачается*** [294, 13].

*И отнесли заметку в самую интересную газету. **У которой больше всего читателей*** [290, 18].

Г. А. Копнина указывает: «С точки зрения актуального членения предложения, парцелляция представляет собой средство выделения, усиления наиболее важной информации, т.е. средство создания в высказывании нового (дополнительного) рематического центра (или нескольких рематических центров) [130, 217]. Кроме того, в данном примере наблюдается такой троп, как метонимия, в основе которой лежит перенос значения по принципу смежности понятий.

2.5. Эмоциональная оценка на грамматическом уровне может выражаться при помощи **анафоры**, или единоначатия:

Только то Шарика спасло, что у него фоторужье со вспышкой было. Как он засверкал в сумерках на волков, как засветил [292, 110]. Данная фигура выполняет усилительно-выделительную функцию.

2.6. В одном из исследуемых текстов мы обнаружили **анадиплозис** – стилистическую фигуру, заключающуюся в повторении конечного элемента какого-либо отрезка речи в начале следующего за ним соответствующего отрезка речи [279, 33]: *Молодой – значит неопытный. Неопытный – значит бестолковый* [292, 6].

3.3.5. Синкретические средства выражения эмоциональной оценки.

Анализ произведений постсоветской литературы показал, что часто в одном микротексте авторы используют несколько средств выражения оценки различных уровней языка. Например: *На другое утро Матроскин в своем ларьке сидел туча тучей. Просто как Ермак, объятый думой* [292, 7]. Эмоциональная оценка в данном случае оформлена при помощи:

а) фразеологизма *туча тучей*, который имеет значение *мрачен, хмур, в плохом настроении* [253, 484].

б) сравнения, которое построено на аллюзии – *как Ермак, объятый думой*.

– *Мы сегодня про Печкина за один день узнали больше, чем за весь год. Это не почтальон, а целая энциклопедия сельской жизни в деревне* [292, 3].

В данном микротексте использованы такие языковые средства:

а) реминисценция *целая энциклопедия сельской жизни в деревне*, которая ассоциируется с оценкой В. Г. Белинским романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» («энциклопедия русской жизни») и служит в связи с неуместностью употребления для создания комического эффекта;

б) противопоставление: *не почтальон, а...*

Шарик сразу взялся за дело. Достал кисть малярную из сарая, сварил из крахмала ведро клея кисельного типа и начал ящички клеем мазать и друг к другу прислонять. Ящички легкие, веселые, яркие. И работа легкая, веселая,

яркая, если делать её аккуратно. А Шарик все делал тьяп-ляп. Сначала сделал картонно-ящичный пол, потом картонно-ящичные стены <...> [294, 4].

а) Эмоциональная оценка выражается с помощью градации: *легкие, веселые, яркие*. Кроме того, позитивная оценка переходит с одного предмета на другой, возникает параллелизм. Работа тоже становится *легкой, веселой, яркой*;

б) окказиональные образования *ведро клея кисельного типа, картонно-ящичный пол, картонно-ящичные стены*, построенные по модели *кирпично-глиняные*.

Исследовав эмоциональную оценку на лексическом и грамматическом уровнях, мы пришли к таким выводам.

1. Эмоциональная оценка эксплицируется при помощи следующих лексических средств: антропонимов, окказионализмов, каламбуров, авторского обновления фразеологизмов, эпитетов, жаргонной, просторечной и разговорной лексики, реминисценций, метонимии, энантиосемии. Указанные средства широко распространены – 32 микротестов (34,8%).

2. Грамматическими средствами, служащими для выражения данного вида оценки, являются: аффиксация, стилистическое использование наречий, прилагательных, сравнительных оборотов, однородных определений, восклицательных и риторических предложений, парцелляции, анафоры, анадиплосиса. Синтаксические средства преобладают над морфологическими (30,4 и 13,1% соответственно).

3. Обращает на себя внимание тот факт, что фразеологизмы авторы постсоветского периода использовали только в измененном виде. Еще одной особенностью произведений указанного периода является большое количество окказионализмов.

4. Эмоциональная оценка преимущественно оформлена при помощи лексических средств языка, составляющих 34,8% всех языковых средств (см. таблицу 2.).

3.4. Оформление эстетической оценки средствами языка

Указанный вид оценки не является высокочастотным в детской литературе, проанализированы 20 микротекстов, содержащих эстетическую оценку, представляющих 5% всех видов оценки.

3.4.1. Лексические средства выражения эстетической оценки.

Эстетическая оценка эксплицирована преимущественно средствами лексики – 50% всех средств.

1. В исследуемых произведениях наблюдается **каламбур**, служащий для экспликации оценки явлений окружающей действительности:

И к славному своему юбилею оно хорошо украсилось. В Простоквашино все заборы покрасили [293, 16]. Каламбур построен на **парономазии** – схожести корней двух разных по значению слов *украсить* и *покрасить*.

Каламбур может также быть использован для выражения эстетической оценки живых существ: *Эти художники друг с другом не ладят. Один зовет другого ползучим реалистом, а другой первого – дремучим авангардистом* [296, 100]. Каламбур построен на контекстуальной антонимии (реализм/авангардизм), а также на многозначности слов *дремучий* и *ползучий*. *Дремучий* – в переносном значении слова – совершенный, полный (о носителе каких-нибудь отрицательных качеств) [177, 154]. *Ползучий* – ползающий, передвигающийся ползая [177, 478]. Данное слово часто применяется по отношению к змеям. Таким образом, в данном микротексте выражена негативная эстетическая оценка.

2. **Аллюзия**: *А что? Если меня побрить хорошо, да причесать, да пиджак накинуть, не только директор – сам министр просвещения выйдет старорежимный* [294, 32]. При помощи аллюзии оформлена оценка внешнего вида живых существ.

3. **Приемы языковой игры** оформляют эстетическую оценку произведений искусства. В частности, для выражения оценки используется прием **обманутого ожидания**: *Если вы посмотрите на пейзаж, который он рисует, а потом на его картину, вы не найдете ничего общего, ни одной*

детали. Хотя настроение пейзажа будет схвачено. Даже если он положит перед собой картошку и начнет рисовать, никто не знает, что у него получится – клубника, помидор или бульдозер. Цвет и то не совпадает. Названия овощей и фруктов далеки по своему лексическому значению от бульдозера, на этом основан данный прием игры слов, при помощи которого достигается эффект комизма [296, 100].

Или еще: Зато другой художник, Василий Шуйский, наоборот, смотрит в прошлое, на старые дома, старые улицы, старые пейзажи. И картины его выглядят лучше любой фотографии. Хотя бы потому, что больше. (Как правило, холст, масло, 1.20 x 1.60) [296, 100]. В данном микротексте переплетаются эстетическая оценка с количественной, при этом возникает комический эффект, так как величина не может быть показателем качественной характеристики произведения искусства.

4. Благодаря **антонимии** выражается эстетическая оценка внешнего вида живых существ:

И продавцов было много самых разных: толстых и худых, причесанных и непричесанных, аккуратных и совсем драных [293, 214]. При помощи антонимии и антитезы (*аккуратный – драный*) выражена и положительная, и отрицательная эстетическая оценка. Наречие *совсем* служит интенсификатором негативной оценки *драных*. Актуализации эстетической оценки также способствует градация, присутствующая в данном микротексте.

5. В детской литературе XX – начала XXI веков обнаружилась отдельная группа оценок, которая приобретает позитивный оттенок в сочетании с характеристикой *чистый*. Данные микротексты содержат эстетическую оценку явлений окружающей действительности. Об этом свидетельствуют такие примеры:

5.1. *Слоненок опустил пальму, и все увидели, что дождь кончился, потому что ветер унес облака, и в небе светило новенькое, вымытое солнце* [289, 121]. Эстетическая оценка выражена при помощи метафоры.

5.2. *Как обычно, к завтраку остров Рой от чистоты блестел и сверкал. Как самое настоящее сокровище* [289, 267]. В данном примере позитивный оттенок усиливается при помощи лексической синонимии. Синонимами выступают глаголы *блестел и сверкал*. И. Б. Голуб отмечает, что в эмоциональной речи нанизывание синонимов служит усилению признака действия [63, 30]. Кроме того, в указанном случае присутствует сравнение: остров сравнивается с сокровищем, оно безусловно выражает позитивную эстетическую оценку. Стилистическая функция сравнения – создание художественной выразительности. Указанную оценку усиливает парцелляция.

5.3. Для оформления указанного вида оценки использованы сразу три синтаксических средства языка: парцелляция, сравнение, присоединение: *К завтраку остров Рой от чистоты начинал блестеть и сверкать. Как новенький. А к обеду замусоривался* [289, 250].

6. **Реминисценция** характеризует внешний вид живых существ: *Такую собаку надо обязательно в порядок привести. У такой собаки все должно быть прекрасно: и душа, и прическа, и кисточка!* [290, 52]. Пример базируется на высказывании А. П. Чехова о человеке, благодаря этому создается комический эффект.

3.4.2. Словообразовательные средства оформления эстетической оценки составляют всего 15% всех средств.

Окказиональные образования: *Дядя Федор и умылся, и причесался, и новую матроску надел. Совсем выставочным ребенком сделался* [292, 1]. Прилагательные *новую* и *выставочным* выражают позитивную эстетическую оценку. Слово *выставочным* является синонимом слова *образцовым*, и оно возникло на базе существительного *выставка*. В данном микротексте выражена оценка внешнего вида живых существ.

3.4.3. Оформление эстетической оценки при помощи грамматических средств языка.

1. Морфологические средства являются наименее распространенными из всех других средств языка – 10%.

Оценка явлений окружающей действительности эксплицируется **сравнительной степенью прилагательного**:

Остров Рой становился все красивей и красивей [289, 200].

2. Синтаксические средства обладают достаточной частотностью – 25%:

а) как показывает наше исследование, **сравнение** – распространенное средство выражения категории оценки, в частности эстетической: *Одна фотография потрясла дядю Федора. Дядя Федор долго ее рассматривал. Это была фотография незнакомой девочки. Ну совсем Барби!* [292, 1]. Данный прием построен на скрытом сравнении, оформленном восклицательным номинативным предложением с междометием. Девочка сравнивается с куклой. Кукла Барби стала своеобразным символом XX века, неким эталоном женской красоты, в частности, соответствующей американским представлениям о ней. В данном случае при помощи сравнения выражена эстетическая оценка внешнего вида живых существ;

б) **гистерология**.

Гистерология – это «стилистическая фигура, связанная с таким порядком слов, который не соответствует логической или временной последовательности описываемых событий» [85, 100]:

– *Как выглядел похититель? Во что он был одет? Сколько ему на вид было лет?*

– *Не знаю, – отвечал мотоциклист Вася Чемпионов. – Я плохо вижу, потому что я в очках.*

– *Странно, – удивился милиционер Валенков. – Ведь очки улучшают зрение. В очках положено видеть хорошо.*

– *У меня темные очки, – объяснил Вася Чемпионов. – Я их не для видения ношу, а для красоты* [296, 293].

Автор нарушает причинно-следственные отношения для создания комического эффекта.

Исследовав эстетическую оценку на лексическом и грамматическом уровнях языка, мы пришли к выводам:

1. Эстетическая оценка не является распространенным видом исследуемой категории.

2. На лексическом уровне эстетическая оценка выражается при помощи каламбура, реминисценции, антонимии, синонимии, причем лексические средства преобладают над остальными – 50% всех средств (см. таблицу 2.).

3. Грамматическими средствами оформления эстетической оценки являются словообразовательные (суффиксы субъективной оценки, окказиональное словообразование) – 15%, морфологические (стилистическое использование наречий, имен прилагательных, глаголов) – 10% и синтаксические (сравнение, гистерология) – 25%.

3.5. Исследование этической оценки на различных уровнях языковой структуры.

Были проанализированы 36 микротекстов, содержащих этическую оценку (9% всех видов оценки).

3.5.1. Лексические средства выражения этической оценки присутствуют в количестве 17 микротекстов (47,2%).

1. Языковая игра.

1.1. – *Похищено 100 пачек мороженого! Ограбление пенсионера.*

Милиция бессильна.

– *Почему? – спрашивали прохожие.*

– *Они не очень любят мороженое. Если бы пельмени пропали... [291, 21].*

Игра слов в данном микротексте построена на устойчивом словосочетании *медицина бессильна* и окказиональном противопоставлении мороженого и пельменей.

1.2. При помощи языковой игры может быть выражено такое моральное качество, как правдивость:

– *То есть вы были воришкой? – говорит дядя Федор. – Значит, вы в тюрьме сидели?*

– *Да, сидел, – согласился дедушка.*

– *А, конкретно, за что вы сидели?*

– **Как – за что? За правду сидел.**

– *Как за правду? – удивился Печкин. – У нас за правду не сажают.*

– *Еще как сажают, – говорит дедушка.*

– *Приведите убедительный пример.*

– *Меня, например, в милиции спрашивают: «Ты шоколад украл?» Я говорю: «Украл». Вот меня за **правду** и сажают [293, 130].*

Как известно, в тюрьму сажают за определенное преступление, как, например, в данном случае за кражу. При помощи языковой игры создается комический эффект.

1.3. *Женщины платки яркие вокруг себя повязали, ходили и улыбались. Ведь не каждый день на селе такой хороший **религиозный** праздник – встреча с кандидатами [294, 23].* Прилагательное **религиозный** в данном случае выражает позитивную оценку, религиозный праздник не может быть плохим. Но соотношение с мероприятием, которое можно назвать общественным, политическим, обеспечивает комический эффект.

2. Этическая оценка может быть оформлена при помощи **просторечной лексики**: *Какое там влияние! – кричит Матроскин. – Просто этот дедушка в кадушке **спер** наш телевизор и продал на рынке, вот и все влияние [293, 154].*

Негативная оценка выражена с помощью глагола **спер**, который относится к просторечной лексике [177, 655]. Слову **спер** присуща яркая образность, оттенок грубости и безусловная оценочность, что характерно для просторечной лексики.

3. Этическая оценка выражается также определениями, состоящими в **антонимических** отношениях:

Гена подумал, почесал свою голову и сказал:

– *Нет, Чебурашка, это **несправедливо**, чтобы ты, **такой знаменитый**, жил в **такой захудалой** телефонной будке [296, 333]. Антонимы **такой знаменитый** (Чебурашка) и **такая захудалая** (будка) являются в данном случае контекстуальными. Прилагательное **захудалый** имеет значение «обедневший, пришедший в упадок» [177, 195], что несовместимо с определением **знаменитый**.*

4. Авторы постсоветской литературы Э. Н. Успенский и Г. Б. Остер используют для создания комического эффекта **прием обманутого ожидания**:

– *Я вам покажу!* – *сказал Печкин.*

– *Я с министром, который всей милицией командует, в школе за одной партией сидел. **Умнейший** человек. Он всегда у меня **списывал** [293, 3].* Понятно, что вряд ли умнейший человек будет всегда списывать. Указанное средство используется для создания комического эффекта.

*Я бы с удовольствием познакомился с тобой, слоненок, ты такой **вежливый**, с тобой, попугай, ты такой **умный**, с тобой удав, ты такой **длинный** [289, 8].* В данном случае персонажи охарактеризованы с позиции их моральных качеств, неожиданной является количественная характеристика удава **длинный**, которая поставлена в один ряд с качественными.

3.5.2. Экспликация этической оценки при помощи фразеологических средств.

1. Этическая оценка может выражаться при помощи **фразеологизмов**. Например, Шарик, испытывающий муки совести, сравнивается с **мокрой курицей**:

*А самому так плохо – хоть караул кричи. И вода из него фонтаном лупашет, и глаза на бобра поднять совестно. Еще бы, он на зверей охотиться шел, а вместо этого они его от смерти спасли. Идет он домой по берегу. Понурый такой, как **мокрая курица**. Данный фразеологизм имеет значение*

«человек, имеющий жалкий вид, подавленный, расстроенный чем-либо» [253, 218].

2. Устойчивые выражения:

Справедливость восторжествовала. Она торжествовала, но, кроме справедливости, никто не радовался, и в одиночестве ей было трудно торжествовать [289, 201]. Наблюдается игра слов, оформленная также при помощи олицетворения.

3.5.3. Словообразовательные средства выражения этической оценки.

Словообразовательные средства обладают невысокой частотностью – 5,6%.

1. В произведениях Эдуарда Успенского встречаются этические оценки, оформленные с помощью **окказионализмов**.

– *Я? Никогда не вру. И не сочиняю. Я могу абсолютный **правдизм** преподавать, то есть **неврунизм*** [295, 30]. Окказионализмы построены по модели слов *национализм, социализм* при помощи абстрактного суффикса *-изм*. Русская грамматика – 1980 определяет данный суффикс как суффикс имен существительных, называющих «общественно-политические и научные направления, системы, качества, склонности, связанные с тем, что названо мотивирующим словом» [198, 193].

Е.А.Земская рассматривает аналогичные примеры как случаи каламбурного словообразования [93, 642].

2. Авторами используются суффиксы субъективной оценки для выражения этической оценки: *Всем была хороша Кира Тарасова. **И юбочкой, и глазами, и очками серебряными**. Но **врушка** она была коллекционная* [295, 28].

При помощи уменьшительно-ласкательного суффикса *-ушк-* существительное *врушка* избавляется от негативной оценочности и приобретает, напротив, позитивный оттенок. В тексте используется также прием градации. *И юбочкой, и глазами, и очками серебряными*. Основу градационного ряда

составляют однородные дополнения, расположенные в порядке возрастающей эмоциональной значимости.

3.5.4. Грамматические средства оформления этической оценки.

1. Морфологические средства (2,8%).

1.1. Стилистическое использование лексико-грамматических разрядов существительных.

Очень интересными моральными качествами обладает персонаж Дедушка Кадушкин из истории Э. Н. Успенского «Неприятности в Простоквашино».

– *Дедушка Кадушкин, – спрашивает дядя Федор, – почему вы не хотите дрова в дом носить или огород пропалывать? У вас есть совесть?*

Дедушка задумался.

– *Совесть у меня есть, – говорит он, – но немного. Для дров и огорода не хватает* [293, 193].

С помощью определительно-количественного слова *немного*, предикатива *не хватает* дедушка пытается измерить совесть. Совесть – абстрактное существительное, которое нельзя посчитать или измерить.

2. Синтаксические средства выражения этической оценки (44,4%).

2.1. **Условные придаточные предложения.** Рассмотрим пример оценки, указывающей на «добросовестную» работу правоохранительных органов в детективной повести Э. Н. Успенского:

– *Вы стойте здесь и охраняйте его, – приказала гражданка Четверухина. – А я пойду позову милицию, если она не спит* [291, 108].

В данном случае наблюдается также олицетворение – собирательное существительное *милиция* употребляется с глаголом реального действия *спит*. Указанное средство служит для создания комического эффекта.

2.2. **Парцелляция.** В детективной повести «Следствие ведут Колобки» пенсионеры являются защитниками, борцами за справедливость и надеждою сыщиков и милиции:

– Алло, алло! Это я – Булочкин. Похищение ребенка из сквера летающим чайником невозможно. Вокруг отдыхают пенсионеры. **Отобьют** [291, 12].

– Нет, – отвечал Волк. – Я там вижу какую-то женщину в брюках.

– Я про неё и говорю. Её надо покусать.

– Не могу, – заупрямился Волк. – **Пожилая женщина. Даже ничья не бабушка. Неудобно** [295, 107].

2.4. При помощи **инверсии** автор обычно подчеркивает в предложении главное. Первое предложение начинается с дополнения, второе – с главного члена предложения. На слова **мама и папа** падает логическое ударение. Такие качества мальчика как самостоятельность и серьезность в данном тексте выражены при помощи антропонима: мальчика зовут не просто **Федор**, а **дядя Федор**.

У одних родителей мальчик был. **Звали его дядя Федор**. Потому что он был очень серьезный и самостоятельный. Он в 4 года читать научился, а в 6 уже сам себе суп варил. В общем, он был **очень хороший** мальчик. И родители были хорошие **мама и папа** [290, 3]. Наречие **очень** интенсифицирует положительную оценку персонажа. В микротексте наблюдается парцелляция (потому что он был очень серьезный и самостоятельный), присоединение (и родители были хорошие мама и папа).

2.5. Для выражения этической оценки также может служить **тавтология**: **Если никому ничего ни для кого не жалко – это действительно красота** [289, 146]. В данном примере используется несколько отрицательных местоимений и отрицательных частиц, что усиливает оценочность высказывания.

2.6. Восклицательные предложения:

Я поняла! Поняла! Воспитанной быть очень интересно! Просто замечательно! Ты что-нибудь кому-нибудь предложишь, тебе кто-нибудь что-нибудь предложит! Красота! [289, 19].

Исследовав этическую оценку в детской литературе XX – начала XXI вв., мы пришли к таким **выводам**:

1. На лексическом уровне этическая оценка выражается при помощи языковой игры, просторечной лексики, фразеологизмов, устойчивых выражений, олицетворений, приема обманутого ожидания. Лексические средства наиболее распространены – 47,2%.

2. Словообразование представлено такими средствами: аффиксация, окказионализмы (5,6%).

3. Грамматическими средствами выражения этической оценки являются: стилистическое использование имен существительных, наречий, парцелляция, присоединение, стилистическое использование определений, инверсия, тавтология, восклицательные предложения. Наименьшей распространенностью характеризуются морфологические средства – 2,8%, в то время, как синтаксические средства обладают высокой частотностью – 44,4% (см. таблицу 2.).

3.6. Языковое выражение сенсорной оценки.

Сенсорная оценка – это оценка, отражающая непосредственную реакцию пяти органов чувств на различные объекты действительности.

Как было сказано выше, среди сенсорных выделены такие оценки: слуховая (звуковая) сенсорная оценка, зрительная оценка, вкусовая оценка, оценка органов обоняния [181]. Проанализировано выражение сенсорной оценки при помощи лексических и грамматических средств языка в 63 микротекстах, которые составляют 15 % всех видов оценки.

3.6.1. Выражение зрительной оценки на лексическом и грамматическом уровнях языка.

В одном из исследуемых текстов Э. Н. Успенского обнаружено выражение сенсорной зрительной оценки с помощью графона. «Графон – стилистический прием, представляющий собой стилистически значимое отклонение от графического стандарта и/или орфографической нормы. На фоне графически стандартного и орфографически нормативного текста необычные,

но мотивированные стилистическим контекстом написания (начертания) слов (разные шрифтовые выделения, разрядка, дефиксация, введение в основной текст инородных знаков, написание прописной вместо строчной и другие графико – орфографические альтернативы), а также фигурное расположение текста на плоскости листа – приобретают прагматическую нагрузку (экспрессивно-выделительную, эмоционально-оценочную, эстетическую» [216, 106 – 107].

*Едут они себе по сельской дороге, запутанной, как веревка, белые колечки в небо пускают. А по краям вся природа как мультипликация **ЯРКАЯ!*** [295, 3]. В данном примере графон выполняет выделительно-актуализирующую функцию, усиливает позитивную авторскую оценку.

1. Лексические средства выражения зрительной оценки.

1.1. Для выражения сенсорной оценки Э. Н. Успенский использует метафору – «перенос названия с одного предмета на другой на основании их сходства» [279, 134]: *И вот он вышел в **темноту**. Большая луна, круглая, как сыр, плавала в **небесных чернилах*** [295, 389]. *Небесные чернила* обозначают темное, даже черное, ночное небо.

При помощи метафоры может быть выражена положительная зрительная оценка: *На Простоквашино надвигалась осень. Не очень быстро, а так – миллиметр за миллиметром. Днем еще было лето, солнце всё заливало **золотом*** [294, 2].

1.2. **Реминисценции**, выражающие сенсорную оценку: *Им сверху было видно все. **Под голубыми небесами великолепными коврами, блестя на солнце, лежали остатки снега. Прозрачный лес один чернел голыми березовыми ветками*** [293, 93]. Выделенные строки заимствованы у А. С. Пушкина.

2. Грамматические средства выражения зрительной оценки.

2.1. Морфологические средства.

Г. Б. Остер использует прилагательные, оформляющие указанный тип оценки:

Удав лежал на полянке среди **красивых белых** ромашек и грелся на солнышке [289, 37].

Ну и, наконец, конфеты даже на первый взгляд бывают разных **веселых** цветов: **оранжевые, зеленые, голубые, малиновые...** Про зубы этого, к сожалению, не скажешь. Они и в своем счастливом детстве все одинаковые: **белые, бледные**. Как дети, которые никогда не выходят погулять [288, 12].

Если в первом примере прилагательное *белые* эксплицирует положительную сенсорную зрительную оценку, то во втором случае это же прилагательное выражает отрицательную зрительную оценку, так как употребляется автором в сочетании с синонимом *бледные*. С помощью сравнения и парцелляции здесь выражается негативная сенсорная оценка.

2.2. Синтаксические средства.

В произведениях Э. Н. Успенского зрительная оценка оформляется **сравнением**, оформленным сравнительным оборотом: *В небе солнце **желтое**, внизу трава **зеленая**, вся деревня чистая, как **вымытая*** [292, 235]. Слово *вымытая* несет позитивную оценочность, так как характеристика *чистый* равнозначна понятию *хороший* в русском национальном сознании. В словаре русского языка С. И. Ожегова обнаружено 8 значений прилагательного *чистый*. Все они имеют позитивную оценочность [177, 769].

3. Синкретические средства.

Рассмотрим такой пример:

*Видит Матроскин сыроежки. Да такие красивые: **и красные, и зеленые, и синенькие, как игрушки** <...>. Набрал полную корзину и было домой собрался, да видит: лисички кругом. А лисички-то **лучше!** Все они **яркие, желто-оранжевые*** [292, 55]. В данном микротексте оценка эксплицирована при помощи таких средств:

3.1. Суффиксы субъективной оценки. Положительная зрительная оценка оформлена при помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов **-еньк-, -ечк-**.

3.2. Оценочное прилагательное **красивые** эксплицирует позитивную оценку.

3.3. Сравнительная степень наречия *лучше*.

3.4. Сравнение, оформленное сравнительным оборотом *как игрушки*.

3.5. Повторяющиеся сочинительные союзы *и*, выражающие присоединительные отношения.

А. Ф. Папина указывает, что зрительная оценка не всегда связана с показателями положительной и отрицательной оценки. «Цветовая лексика отличается развитием определенной символики, ей свойственна индивидуальность отбора слов зрительной оценки в разных авторских системах» [181, 290].

В ходе анализа данного вида оценки на грамматическом уровне обнаружен **повтор**, выражающий позитивную зрительную оценку: *Вокруг дома еще темень была, но какая-то светлая. Все – и деревья и сараи – хорошо было видно. Потому что снег был **чистый, чистый, чистый*** [292, 29].

Выяснив, что в описаниях природы, окружающих предметов преобладают желтые, золотистые, белые, зеленые цвета, мы обратились к словарю символов Дж. Тресиддера и энциклопедии символов Дж. Купера. Например, **золото** – «Благородный металл. В древности повсеместно ассоциировался с Солнцем, благодаря чему, а также вследствие своего замечательного блеска, сопротивления ржавчине, прочности и ковкости стал символом божественного начала. В эмблематике он обозначает самый широкий спектр качеств: от чистоты, утонченности, духовной посвященности, правды, гармонии, мудрости до земной силы, славы, великолепия, знатности и богатства...» [243, 122].

Интересная характеристика зеленого цвета содержится в энциклопедии символов Дж. Купера. «Как цвет Венеры и Меркурия, пары любовников, зеленый – это весна, воспроизведение, радость, уверенность, природа, рай, изобилие, преуспевание, мир. <...> У христиан ярко-зеленый – это бессмертие, надежда, рост духа святого в человеке, жизнь, ее триумф над смертью и весны над зимой. Это также и инициация, добрые дела» [146, 359]. Следовательно, зеленый цвет обладает позитивной оценочностью.

3.6.2. Языковое выражение слуховой оценки в исследуемых произведениях.

1. Фонетические средства выражения слуховой оценки.

1.1. Слуховые оценки присутствуют в детской литературе конца XX – начала XXI вв. достаточно часто, авторы широко используют **звукоподражания**:

– *А ты мотоцикл купи, – предлагает пес. – Как мы ТРАХ-ТАРА-РАХ по деревне! Все собаки умрут от зависти* [290, 20]. В данном примере используется **графон**. С помощью данного приема звукоподражание приобретает дополнительную эмоциональную нагрузку.

Мне хочется фиников, и я лезу вверх. А получается – вжжжжжжжик – вниз! [289, 11]. Звукоподражание имитирует звук скольжения по дереву.

Встречаются примеры звукоподражаний, передающих звуки, издаваемые живыми существами, например, звук храпа: *Хр-хр-хр! – хорошо, засыпая, глядеть на полыхающий огонь!* [295, 408].

1.2. Для оформления слуховой оценки служат и **звукообразные слова**: *«Пели дневные птицы. Куковала кукушка. Вдалеке были слышны вопли электричек»* [293, 336]. Имя существительное *вопли* вносит в микротекст дополнительную экспрессивность, имеет сниженную стилистическую окраску, относится к разговорной лексике [177, 83].

Работать с таким фотоаппаратом было одно удовольствие: навел на человека, чик – и фотография готова [296, 285]. Звукообразное слово *чик*, передающее звук, который издает фотоаппарат, служит для оформления позитивной слуховой оценки, так как в данном микротексте позитивно оценивается скорость работы указанного прибора.

1.3. **Употребление звукоподражаний и звукообразных слов** в одном микротексте: *Генерал резко рухнул на пол, грохоча медалями. Ба – бах! Трах – тарарах – дзинь!* [296, 255]. В данном примере выражена скорее негативная оценочность, чем позитивная, так как при помощи слов *рухнул* и *грохоча*

достигается комический эффект. Глагол *рухнуть* обозначает «с шумом упасть, обвалиться (о чем-н. тяжелом, громоздком)» [177, 598], глагол *грохотать* имеет значение «производить грохот (с шумом бежать или падать)» [177, 126]. Так как **генерал** – лицо высшего командного состава, то употребление с данным словом указанных глаголов служит для создания комизма.

Слуховая оценка оформляется при помощи звукоподражаний и звукоподражательных слов, которые издают люди, изображая звуки, характерные для животных: *Сначала надо осторожно, на цыпочках, прокрасться по коридору к входной двери и грозно зарычать: «Рrrrrrrrrr!» А потом басом залаять: «Гав! Гав! Гав!»* [288, 189]. Сочетание данных фонетических средств служит для усиления оценочности, кроме этого, в микротексте присутствует интенсификатор оценки – наречие *грозно*.

– *Р-р-р!* – *взрычал он, как уссурийский тигр в Хельсинском зоопарке, бросился вперед и тут же наступил на собственные шнурки* [295, 370]. Указанный вид оценки интенсифицируется в данном случае сравнением *как уссурийский тигр*.

2. Лексические средства выражения слуховой оценки.

2.1. В одном из произведений Э. Н. Успенского встречается случай употребления **энантисемии**, построенной на антонимах: *Платформа была странная. И родная, и незнакомая. Она просто оглушала девочку тишиной и одинокостью* [295, 124]. Кроме того, в данном микротексте употребляется окказионализм *одинокость*.

2.2. Для выражения слуховой оценки Э. Н. Успенский использует **метафору**: *«Дело шло к осени, к сентябрю. Листва пожелтела, вода похолодела, скворцы уже начали «проводить совещания»* [293, 79]. Способность людей проводить совещания переносится на птиц, метафора взята в кавычки.

2.3. В исследуемых текстах встречаются **олицетворения**:

Как любой призрак, воздух способен злоеще завывать в трубе, жалобно стонать, скрипеть форточками, звякать цепями и всякими другими железками [288, 200]. Однородные присвязочные инфинитивы характеризуют действие, осуществляемое обычно привидением, обстоятельства образа действия эксплицируют оценку.

У него отличный «Первый концерт для фортепиано и сарая» получился. Свою партию сарай очень хорошо исполнял – скрипел как ненормальный [291, 10]. Сравнение способствует большей экспрессивности.

3. Синтаксические средства выражения слуховой оценки

3.1. **Тавтология.** *Сегодняшний вечер был вялым и теплым. Телефон звонил редко – один раз в час. Вот он опять зазвонил вялым безынициативным звонком. <...> Трубка сказала вялым женским голосом...* [291, 23]. Повтор качественного прилагательного *вялый* используется автором для интенсификации оценки.

3.2. **Сравнения:** *Мы вам ничего плохого не сделали, а они вас в капкан поймали. Вы так кричали на весь лес, как пьяный слон* [296, 218]. Данное средство используется для достижения комического эффекта, так как характеристика *пьяный* может относиться только к человеку, но никак не к животному.

4. Синкретические средства выражения слуховой оценки.

Рассмотрим пример: *А голос у него был не такой, как у почтальона Печкина, дохленький. У Гаврюши голосище был, как у электрички* [294, 4]. В данном примере для выражения сенсорной слуховой оценки использованы такие языковые средства:

1. Суффиксы субъективной оценки. Суффиксы *-еньк-* (уменьшительно-ласкательный) в слове *дохленький* и суффикс *-ищ-* (увеличительный) в слове *голосище* являются оценочными.

2. Сравнение *как у электрички*, присоединяемое союзом *как*.

Лоб категорически не согласен:

– Я ехал себе *тихо, как овечка*, – говорит он, – а ты вдруг возник, *козел* [293, 124].

В данном микротексте использованы следующие средства:

1. Оценочными являются слова *лоб* и *козел* - жаргонизмы, служащие для более яркого, эмоционального выражения отношения к лицу.
2. Сравнение *как овечка*, присоединяемое союзом *как*. Овечка является символом покорности и беззащитности, поэтому возникает эффект комизма.

3.6.3. Языковое выражение оценки органов обоняния и вкуса.

Оценка органов обоняния и вкуса в исследуемых произведениях встречается реже, чем другие виды сенсорных оценок.

1. Фонетические средства выражения вкусовой оценки

В одном из произведений Г. Б. Остера мы обнаружили использование рифмы. С помощью этого приема достигается комический эффект.

Живот не умеет чувствовать разные вкусы. Ему что леденец, что холодец, что конфета, что котлета – все одно [288, 53].

2. Лексические средства выражения оценки органов обоняния и вкуса.

2.1. Метонимия:

А больше всего Печкину такая фотография понравилась: «Огурцы почтальона Печкина». Печкин сказал:

– Ну просто как живые! Когда они у меня в банке кончатся, я буду на фотографию смотреть и огурцы вспоминать. *Очень вкусная фотография!* [292, 72].

2.2. Э. Н. Успенский оформляет сенсорную оценку алогизмом: *Рыбу надо только на червяка ловить. Червяк – вот главная рыбная колбаса* [292, 130].

Г. Б. Остер для выражения оценки органов обоняния и вкуса использует прием алогизма: *Мой Пэпэ слишком сильно любит вкусное. Он безумно обожает жвачку, крепко влюблен в шоколад и всей душой страстно*

мечтает о печенье [289, 212]. Как указывает В. П. Москвин, алогизм – нарушение логических связей в речи, семантически неоправданное сочетание слов [172, 52]. Глагол *влюблен* и словосочетание *мечтает страстно всей душой* несовместимы с такими прозаическими предметами, как *шоколад* и *печенье*.

2.3. В исследуемых текстах встречается **олицетворение**:

С помощью языка рот сразу отличает конфету от какой-нибудь манной каши и быстро делает соответствующие выводы [288, 53].

Кроме того, в данном примере выражена негативная сенсорная оценка при помощи местоимения *какие-нибудь*.

2.4. **Фразеологические средства.**

В исследуемых текстах встречаются **устойчивые выражения** (рыбные дни). Для создания комизма автор изменяет его смысл и создает такие окказиональные словосочетания, как *молочные дни* и *сосисочные*: *У нас по понедельникам будут рыбные дни <...>. Возражения, конечно, были. Особенно у Шарика, он не любил рыбные дни. Да и Матроскин не особенно их любил. Он любил молочные дни и сосисочные»* [294, 9].

3. **Словообразовательные средства** оформления оценки органов обоняния и вкуса.

Сенсорная оценка может быть выражена при помощи **окказионализма**, который также входит в состав обновленного устойчивого выражения: *Наши друзья от комаров специальной мазью спасались, повышенной вонючести, и белыми халатами* [292, 173].

Данное словосочетание создано по модели устойчивого выражения *повышенной секретности* от прилагательного *вонючий* при помощи абстрактного суффикса *-ость-* (*-есть-*).

4. **Синтаксические средства** выражения оценки органов обоняния и вкуса.

На грамматическом уровне данную оценку оформляют восклицательные предложения, передающие яркие эмоции:

– *Слоненок!* – обрадовался удав. – Ты только посмотри, нет, ты лучше только понюхай, какие прекрасные ромашки! Ты только понюхай и сразу поймешь, какие они прекрасные! [289, 37]. Данное средство служит для усиления оценочности и экспрессивности повествования.

5. Синкретические средства выражения оценки органов обоняния и вкуса.

1. Рассмотрим такой микротекст: *И точно, под трухлявым пеньком стоял молоденький белый гриб. Ровненький, аккуратненький. Вымытый, как столик в кафе. А снизу он был весь черный. Видно, его снизу редко промывали. И пах он как-то тухлятенько* [292, 11].

а) оценка органов обоняния и вкуса выражена при помощи **окказионализма** *тухлятенько*, который автор использует для создания комизма. Негативная оценка несколько деинтенсифицирована уменьшительно-ласкательным суффиксом *-еньк-*;

б) зрительная оценка оформлена при помощи **антонимии**: прилагательное *белый* состоит в антонимических отношениях с прилагательным *черный*.;

в) также положительную зрительную оценку выражает уменьшительно-ласкательный суффикс *-еньк-* в прилагательных *ровненький, аккуратненький*;

г) причастие *вымытый*, как уже отмечалось, указывает на позитивную оценку, автор также сравнивает гриб со столиком в кафе, что является способом создания комического эффекта.

3.6.4. Оформление осязательной оценки.

1. **Лексические средства** выражения оценки осязания.

Экспликация тактильной оценки может осуществляться благодаря тавтологии: *Тут пошел дождь. Мокрый и холодный* [295, 111].

В данном примере при помощи прилагательных *мокрый* и *холодный* выражается отрицательная сенсорная оценка. Прилагательное *мокрый* также

служит для усиления оценочности, так как дождь не может быть сухим. Парцелляция актуализирует оценку.

Прием языковой игры:

– *Вот! Вот!* – воскликнул попугай. – *Сухая!* В том-то и дело! Когда погода *сухая* – все *твердое*. *И ползать по твердому твердо*. Вот удав и испортил погоду, чтоб она стала *мокрая*. И теперь ему ползать *мягко*. *Теперь он ползает по мокрой погоде* [289, 116]. Погода – абстрактное имя существительное, а прилагательное *мокрая* может сочетаться только с конкретными именами существительными, например: *мокрая стена, мокрое пальто*. В данном случае можем наблюдать соединение несоединимого.

2. Синтаксические средства оформления тактильной оценки.

Присоединение: *Мои мама и папа! Я живу хорошо. Просто замечательно. У меня есть свой дом. Он **теплый**...*» [290, 36]. Данное средство используется для усиления оценки. Положительная сенсорная оценка выражена с помощью прилагательного *теплый*.

Исследовав сенсорную оценку в произведениях детской литературы второй половины XX – начала XXI вв., мы пришли к следующим **выводам**:

1. Зрительная оценка выражается лексическими средствами (метафора, реминисценция), грамматическими (суффиксы субъективной оценки, стилистическое использование имен прилагательных, сравнение, повтор). Позитивной оценочностью обладают золотой, зеленый, белый цвета. Негативная оценка передается при помощи черного, бледного оттенков цвета.

2. Слуховая оценка оформляется фонетическими (звукоподражания, звукообразные слова), лексическими (энантосемия, олицетворение, метафора, жаргонизмы), словообразовательными (суффиксы субъективной оценки), синтаксическими средствами (сравнение, тавтология).

3. Оценки обоняния и вкуса выражаются фонетическими (рифмы), лексическими (метонимия, прием обманутого ожидания, олицетворение, алогизм, устойчивые выражения), словообразовательными средствами

(оokkaзиональные образования), синтаксическими средствами (восклицательные предложения).

4. Оценка органов осязания (тактильная) используется редко и оформляется при помощи тавтологии, языковой игры, парцелляции и присоединения.

5. В целом, сенсорная оценка преимущественно оформлена при помощи лексических средств языка – 38,06% всех средств.

6. Указанный вид оценки – единственный, для выражения которого используются фонетические средства, составляющие 22,2%.

7. Достаточно высокой частотностью обладают синтаксические средства (19%).

8. Словообразовательные и морфологические средства не являются высокочастотными (12,3 и 7,9%).

3.7. Реализация рациональной оценки на различных языковых уровнях

Как уже было сказано выше, ученые выделяют следующие виды рациональной оценки: утилитарные, нормативные и телеологические. Сравнивая рациональную и эмоциональную оценки, Е. М. Вольф подчеркивает, что рациональная оценка предполагает оценочное суждение и способы выражения, учитывающие этот характер оценки, в первую очередь аксиологические предикаты. Исследователь считает, что экспрессивность рациональной оценке не свойственна [50, 40].

Нами были проанализированы 36 микротекстов, содержащих рациональную оценку (9% всех видов оценки).

3.7.1. Языковые средства выражения утилитарной (прагматической) оценки.

1. Лексические средства выражения прагматической оценки.

1.1. **Алогизм.** Прагматик кот Матроскин рассуждает: *«Надо всегда вперед смотреть. Надо, чтобы от всего польза была, даже от неприятностей»* [292, 290]. Существительное *неприятность* обладает негативной оценочностью, имеет значение *неприятное сообщение, событие* [177, 351]. Слово «польза» – хорошие, положительные последствия, выгода [177, 482], оно обладает позитивной оценочностью. Данный прием «совмещает несовместимое».

Зато почтальон Печкин самые правильные подарки подарил, самые нужные: две лопаты, новёхонькие – одна для снега, одна для огорода, и грабли неношеные [293, 255]. Ношенными или неношенными могут быть предметы одежды, а не орудие труда, таким образом, создается комический эффект.

1.2. Использование контекстуальных синонимов

– Теплые валенки или сапоги непромокаемые я и сам себе могу купить безо всякого дня рождения, – отвечает Матроскин. – А в день рождения особые подарки дарят, неправильные. Может быть, совсем даже и ненужные [292, 250]. Прагматическая оценка выражена при помощи контекстуальных синонимов *неправильные* и *ненужные*.

1.3. Прагматическая оценка оформляется **реминисценцией**. В текст включается хорошо узнаваемая загадка про замок. Данный прием служит для усиления оценки.

Ну и что? – не соглашается папа. – И от кота будет польза. Мы его на собачку выучим. Будет у нас сторожевой кот. Будет дом охранять. Не лает, не кусает, а в дом не пускает [290, 6]

2. Словообразовательные средства выражения прагматической оценки

2.1. Окказиональное словообразование при помощи суффикса *-ость-*: *Подъем у нас будет в семь, – говорит тетя Тамара. – Это поздновато, но для зимнего времени хорошо. После этого бег босиком по снегу полкилометра. От этого полезность идет невероятная* [294, 9]. Суффикс *-ость-* характерен для абстрактных существительных, окказионализм образован при помощи данного

суффикса от прилагательного *полезный*. Прилагательное ***невероятная*** является интенсификатором прагматической оценки, в сочетании с ней данное прилагательное, выражающее иррациональность, создает комический эффект.

2.2. Оказиональное словообразование при помощи суффикса *-ельн-*: *Он порылся в разных ящиках и на полках и нашел подходящий подарок. Не очень ценный и не очень нужный в хозяйстве. Но намекательный, потому что он лежал в коробке с надписью: «Я тебе, ты – мне»* [295, 394]. Данный окказионализм служит не только для выражения прагматической оценки, но и для создания комического эффекта.

3. Морфологические средства выражения прагматической оценки.

3.1. Интенсификация оценки при помощи наречий.

Вечером папа с мамой на народно-целебную прогулку пошли. Их тетьа Тамара научила босиком по снегу ходить. Это жутко полезно для здоровья [294, 31]. В данном примере интенсификатором оценки является наречие *жутко*.

Только не думайте, товарищи семилетние студенты, что, прочитав ее, вы вместе с бабушкой к концу недели жутко разбогатеете [296, 91]. В обоих микротекстах наречие *жутко* употребляется в переносном значении «крайний в своем проявлении, чрезвычайный», относится к просторечной лексике [177, 181].

4. Синтаксические средства выражения прагматической оценки

4.1. Инверсия.

Печкин – мужик практический. Он говорит:

– Надо день рождения к осеннему или зимнему сезону подгадать. Тогда тебе как раз вовремя теплые валенки подарят или сапоги непромокаемые. [292, 250].

Данное средство служит для усиления оценочности, акцентирует внимание на прагматичности персонажа Печкина. Порядок слов нарушен в сочетании определения и определяемого слова в составе присвяточной части составного именного сказуемого.

3.7.2. Языковые средства выражения нормативной оценки.

1. Лексические средства выражения нормативной оценки

1.1. Использование фразеологических средств. Рассмотрим такие примеры:

– *Слушай, кот, как ты раньше жил? Кот говорит:*

– *Плохо жил. Хуже некуда. Я больше так не хочу.*

– *А ты, Шарик, как жил?*

– *Нормально жил. Серединка на половинку. Когда покормят, хорошо жил, когда не покормят – плохо.*

– *И я тоже нормально жил. Серединка на половинку, – говорит дядя Федор. – Только теперь мы будем по-другому жить. Мы будем жить счастливо* [290, 18 – 19]. Фразеологизм *серединка на половинку* имеет значение *ни плохо, ни хорошо, посредственно* [253, 422].

1.2. Во второй главе диссертационного исследования указывается, что в процессе анализа нормативных оценок в текстах литературы советского периода была обнаружена отдельная группа оценок со значением *сойти с ума*, оформленная фразеологическими средствами. В текстах литературы постсоветского периода выявлены аналогичные случаи оформления данного типа оценки.

Ничего себе наша корова молоко дает. Из него только сгущенку делать и врагам на войне подбрасывать. Чтобы они с ума походили и из окопов повылазили [290, 33]. Нормативная оценка в данном микротексте выражена при помощи изменения грамматической формы фразеологизма, а именно глагол *сойти* употребляется в форме прошедшего времени и имеет приставку *по-*.

Сначала у нас корова помешалась, а теперь и кот с ума сошел [290, 33]. В данном случае нормативная оценка эксплицирована не только при помощи фразеологизма *сойти с ума*, но и при помощи слова *помешалась*, имеющего то же самое значение [177, 483].

1.3. Использование просторечной лексики:

– *Ты свою корову на цепь посади, – говорит дядя Федор. Кот упирается:*

– *Это же не собака, чтобы на цепи сидеть. Коровы, они просто так гуляют.*

– Так это **нормальные** коровы! – кричит Шарик. – *А твоя корова психическая!* [290, 23]. Слово *психическая* является просторечным [177, 547]. В данном случае нормативная оценка усиливается благодаря определениям, являющимся контекстуальными антонимами.

2. Словообразовательные средства выражения нормативной оценки.

Склад был старый, поношенный. В нем было много лишних дверей и очень много полунужных окон [296, 237]. В данном примере с помощью окказионального прилагательного **полунужных** происходит снижение количества признака, деинтенсификация оценки. Данное прилагательное образовано при помощи усеченного компонента *полу-*, характерного для имен существительных, по модели прилагательного *ненужный*.

3. Морфологические средства выражения нормативной оценки

3.1. Интенсификация оценки при помощи наречий: *Матроскин взял пылесос, вышел далеко в поле и мышей из пылесоса в траву вытряхнул. Мыши, совсем обалдевшие, из пылесоса выпали. Они потом два часа в себя приходили* [292, 76]. Наречие **совсем** является интенсификатором оценки.

3.2. *Она была бестолковая корова, но не до такой степени, чтобы в холодном сарае в холодной воде потонуть* [292, 230]. При помощи словосочетания *но не до такой степени*, деинтенсифицирующего оценку, указывается степень отклонения от нормы. Е. М. Вольф отмечает: «Ослабление оценки имеет, как представляется, иную основную прагматическую цель <...>. Эта цель – сделать высказывание менее категоричным, показать, что субъект не хочет (или не считает себя вправе) выносить категоричные суждения о том, что хорошо и что плохо, представлять свою оценку как безапелляционно истинную» [50, 111].

3.7.3. Языковые средства выражения телеологической оценки.

Телеологическая оценка в произведениях постсоветской детской литературы выражается следующими синтаксическими средствами:

1. **Парцелляция:** *Кому – то оно не нужно, – рассуждал Брюк, – а другой это же самое ненужное везде бегают ищет. Высунув язык!* [289, 204].

2. **Придаточные предложения цели:** *Он очень любит деньги и готов выжать свою лесопилку, как половую тряпку, насухо, чтобы дать как можно больше квашек Квашки и простоквашки – это валюта города Простоквашиинска* [296, 94].

Исследовав рациональную оценку на лексическом и грамматическом уровнях, мы пришли к следующим выводам:

1. Прагматическая оценка оформляется при помощи следующих лексических средств: алогизм, контекстуальные синонимы, реминисценция; окказиональное словообразование; морфологическое средство – интенсификация оценки при помощи наречий; синтаксическое – инверсия.

2. Нормативная оценка эксплицируется лексическими средствами (просторечная лексика, фразеологизмы), грамматическими (окказиональное словообразование, интенсификация оценки при помощи наречий, деинтенсификация).

3. Телеологическую оценку выражают синтаксические средства – парцелляция и придаточные предложения цели.

4. Наиболее частотными средствами оформления рациональной оценки являются лексические – 16 микротекстов, 44,4%; словообразовательные и морфологические средства представлены одинаковым количеством случаев – 5 (13,9%). Достаточно распространены синтаксические средства выражения оценки – 10 микротекстов, 27,8% (см. таблицу 2.).

3.8. Оформление логической оценки средствами языка.

Как было сказано выше, логическая оценка связана с категорией модальности. Выделяют два ее вида – эпистемическая и деонтическая.

Всего нами было проанализировано 29 микротекстов, содержащих логическую оценку, что составляет 7% всех видов оценки (см. таблицу 2.1.).

3.8.1. Эпистемическая модальность.

1. Оценка достоверности/недостоверности сообщаемого оформляется при помощи вводных слов.

Вводные слова, выражающие логическую оценку, могут стоять в начале предложения: *Значит, тебе такая погода не нравится? – спросил попугай* [289, 119].

Никуда я не побегу. Пусть я совсем разорюсь. Видно, плохой я бизнесмен [296, 183].

Очевидно, он молока попробовал веселого [290, 32].

Контекст свидетельствует о том, что при помощи вводных слов, стоящих в начале предложения, оформлена негативная оценка.

Вводные слова и словосочетания могут находиться в середине предложения:

– Какой он был, мой привет? – крикнула мартышка слоненку, раздвигая траву и разглядывая землю, на которой, к сожалению, ничего не было [289, 35].

2. Оценка сообщения с точки зрения его вероятности/невероятности, выражаемая вводными словами.

Препозиция вводного слова: *Может, они слишком долго купаются, – холодно возразил Гена* [296, 190].

Тавтология. Вводное слово *может* повторяется в начале предложений, усиливая оценку: *Может, день рождения у нее. Или день кефира. А может, коровий Новый год* [290, 32].

Оформляя оценку сообщения с точки зрения его вероятности/невероятности, вводное слово *может* часто находится именно в препозиции: *Ничего не выгонит. Может, папа заступится* [290, 4].

В препозиции часто стоят вводные словосочетания, эксплицирующие данный вид модальности:

– *Может быть, мы эти платья без тебя в этот подвал пошлем?* [290, 25].

Вводное словосочетание может находиться и в середине предложения: *На улице, надо сказать, осень уже холодная была.* [292, 93].

3. Оценка сообщения с точки зрения возможности/невозможности. Указанная оценка может быть выражена при помощи частицы *бы* и вводного слова *может*: – *Что верно, то верно, – согласился папа. – Был бы у меня такой кот, я бы, может, и не женился никогда* [294, 28].

Оценка сообщения с точки зрения возможности / невозможности оформляется при помощи вводных словосочетаний *может быть* и *может*, находящихся в препозиции в пределах одного микротекста:

– *Может быть, нам прокопать подземный ход? – предложил Чебурашка.*

– *Не выйдет, – отвечал Гена, не пробьемся. Кругом асфальт.*

– *Может, попробовать прыгательные таблетки Миши Кувалдина? – спросил Чебурашка* [296, 230].

Указанные вводные слова могут стоять в середине предложения:

– *Ну и что, может быть, и в самом деле сюрприз, – говорит дядя Федор* [290, 25].

Модальность может оформлять отрицательную оценку сообщения с точки зрения его возможности/невозможности и выражаться при помощи отдельных восклицательных предложений: *Не может быть!* – *говорит Печкин. – Как же он его нарушает?* [292, 247].

Проанализировав данный вид оценки в детской литературе, мы пришли к выводу, что вводное слово *может* чаще всего выражает оценку с точки зрения возможности/невозможности:

Я, может, столько в жизни видел, что на целую кошачью энциклопедию хватит [290, 29].

А я и не просил меня вытаскивать! Я, может, и не тонул вовсе. Может, я подводным плаванием занимаюсь [290, 40].

Чаще всего данное вводное слово стоит в начале предложения после подлежащего.

4. Сомнение говорящего в сообщаемом. Данный вид оценки оформляется при помощи модальных частиц, вводных слов.

Например, у Г. Б. Остера:

– *Нет, – задумчиво сказал попугай, – ты тут, пожалуй, ни при чем. Хотя, впрочем...* [289, 111].

Данный вид эпистемической модальности может быть выражен при помощи вводного слова *кажется*: *Кажется, погода испортилась!* – сказал слоненок [289, 110]. В данном случае вводное слово стоит в препозиции.

Часто данный вид оценки эксплицируется при помощи вводного слова *наверное*, которое находится в препозиции: *Наверное, это письмо про любовь, – решил Гена. – Любовные письма всегда так начинаются* [296, 189]. Имеют место случаи, когда вводные слова, выражающие данный вид модальности, стоят в середине предложения:

– *Они, наверное, братья, – сказал Чебурашка.*

– *Нет, просто однофамильцы, – возразил Гена* [296, 189].

Наоборот, уверенность говорящего в сообщаемом проявляется при помощи слова *конечно*: *Если мужик готовым платьем заведует и на гитаре играет, он, конечно, перед папой явное преимущество имеет* [290, 25]. Вводное слово в данном случае стоит в середине предложения.

3.8.2. Деонтическая модальность.

Как уже было сказано выше, слова данного вида оценки называют отношения между говорящим и адресатом. При этом говорящий выражает свое согласие/несогласие, желание/нежелание в выполнении просьбы. Средствами оформления таких положительных или отрицательных ответов являются слова деонтической оценки: *да, точно, правда, нет, не* [181, 324]. Отрицательное слово *нет* является таким же распространенным средством выражения

деонтической модальности, как и утвердительное *да*: *Чебурашке никак не светило быть полезным, но отрицательным результатом, и он решительно сказал «нет»* [296, 357].

Оба слова-предложения, и утвердительное, и отрицательное стоят чаще всего в абсолютном начале предложения:

– *Да, это совершенно неправильно, но совершенно верно, – ответил главный врач. – Мы должны думать не об отдельных Чебурашках, а обо всем коллективе больных* [296, 356].

– *Нет, не отдадим, – сказал профессор. – Он нам самим нужен. Он нам показатели улучшает. При нем все быстрее выздоравливают* [296, 356].

Утвердительная частица *да* может стоять в середине предложения: *К счастью – да, да, к счастью, – жители острова заметили пиратов, когда те уже попрыгали с кораблей на остров, подбежали к жителям, протянули руки...* [289, 225]. В данном случае оценка интенсифицируется при помощи редупликации.

Выражать деонтическую модальность могут и наречия, перешедшие в утвердительные частицы: *Почтальон согласился:*

– *Верно, верно. Чего это я ношу их в сырость?* [290, 32].

Данный вид модальности может быть оформлен при помощи сочетания утвердительной частицы *да* и наречия, перешедшего утвердительную частицу:

– *Да, точно, – согласился Чебурашка, – это наша бабуся нам прислала* [296, 192].

Иногда эмоциональная оценка выражена при помощи **вводных слов**: *Очень жаль, что он не хочет признаться* [289, 120].

Исследовав логическую оценку на лексическом и грамматическом уровнях языка, мы пришли к таким выводам:

1. Эпистемическая модальность:

Оценка достоверности / недостоверности сообщаемого выражена при помощи вводных слов *значит, очевидно*, находящихся в препозиции, и *к сожалению* – в середине предложения.

Оценка сообщения с точки зрения его вероятности/невероятности оформлена при помощи тавтологии вводного слова *может* и частицы *бы* в начале предложения. Данная модальность эксплицируется также при помощи вводных слов и словосочетаний *может, может быть, надо сказать*, стоящих в начале и в середине предложения.

Оценка сообщения с точки зрения возможности / невозможности оформляется, в основном, при помощи вводного слова *может*, расположенного в начале предложения после подлежащего.

Сомнение говорящего в сообщаемом выражается при помощи вводных слов *кажется, наверное* в препозиции, и *пожалуй, конечно* – в середине предложения.

2. Деонтическая модальность оформляется, в основном, при помощи утвердительного слова-предложения *да* и отрицательного *нет*, находящихся в начале предложения, а также редупликацией частиц.

3. Логическая оценка оформляется при помощи синтаксических средств – 29 микротекстов (см. таблицу 2.).

3.9. Языковые средства выражения социальной оценки

Как уже отмечалось выше, социальная оценка – это такая оценка, которая закрепляет шкалу ценностей в определенном обществе и в мире в целом (социальное санкционирование места проживания, деятельности, отдыха людей, социальное функционирование поведения нации в мировом масштабе, осмысления места нации на земле и т.д.) [12, 100]. Проанализировано 63 примера средств выражения данного типа оценки. Социальная оценка наряду с эмоциональной и сенсорной обладает высокой степенью распространенности в постсоветской литературе – 15% (см. таблицу 2.1.).

3.9.1. Лексические средства выражения социальной оценки.

Лексические языковые средства представлены 32 микротекстами и наиболее частотны – 50,4%.

1. Антропонимы:

Тут все в отделении забегали, заволновались. Стали причесываться и поправлять форму.

– *Это почему? – спросил Гена.*

– *Генерал Дубов приехал нашу операцию одобрять. Он ужасно строгий.*

Одно из значений слова *дуб* – «*О нечутком, тупом человеке (разг.)*» [177, 156]. Антропоним *Дубов* имеет именно указанный оттенок значения, при помощи данного средства создается комический эффект.

Или:

– *Буду я еще кого-то спрашивать! – сердился полковник Дубенко. – Я вас сдам своему заместителю, майору Поддубенко. Пусть он вами занимается* [295, 242].

Как известно, слова с префиксом *под-* имеют значение «находящийся ниже или вблизи, в сфере ведения того, что названо словом» [198, 308]. Данные антропонимы построены по модели слова *подберезовик*. Такие антропонимы несут оценочность и создают комический эффект.

2. Реминисценции: *Боюсь, вы не правы, милый Матроскин. Во-первых, вы посмотрите на свою лавочку. Это же не торговая точка, а хижина дяди Тома в его худшие дни! Да такой особняк даже в мексиканских трущобах бы не потерпели!* [293, 145]. В данном случае проводится параллель с «Хижиной дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, а также упоминаются мексиканские трущобы, атрибут мексиканских сериалов, которыми как раз в конце XX века были переполнены многие каналы российского телевидения.

Аналогичный пример:

Видно было, что и обеспечен он хорошо. Цепь золотая на нем, как у кота ученого [293, 215].

У А. С. Пушкина читаем: «и днем, и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом» и «златая цепь на дубе том». Таким образом, автор использовал две цитаты в одном микротексте. Все это способствует усилению экспрессивности текста, а также в данном конкретном примере служит для выражения негативной социальной оценки.

3. Аллюзия:

– *Маяк – это хорошо, - говорит Печкин. – А все-таки какие у вас есть документы?*

Сегодня время такое, как в революцию: людей без документов не бывает [294, 127];

Матроскин говорит продавцу:

– *Здравствуйте, нам кровать нужна на колесиках. Есть у вас такие? К нам тетя в гости приезжает на постоянную жизнь.*

Продавец отвечает:

– *У нас сейчас любые кровати есть. Хоть на колесиках, хоть с моторчиком. У нас в деревне капитализм наступил.*

– *Какой-то странный у вас капитализм наступил, - говорит Матроскин.*
– *И кроватей у вас завались, и кнопочки есть, а дядя Вася все так же на себе тяжести таскает, как при развитом социализме [294, 12].*

В приведенном микротексте присутствует оценка таких типов общественного строя как капитализм и социализм. Причем оценка, на наш взгляд, негативная, выраженная наречием *завались*, глаголом *таскает* вместо *носит*, которые могут быть отнесены к разговорной лексике. Рассмотрим еще несколько примеров:

При Сталине мудром, любимом Простоквашино опять деревней сделалось [293, 16].

Здесь не просто указывается, в какой период истории Простоквашино сделалось деревней, а с помощью аллюзии на известные стихи и песни соответствующего периода (*мудром, любимом*) выражается ирония. Э. Н. Успенский часто использует аллюзию для выражения различных оценочных значений, в частности социальной оценки:

Сейчас государство не заботится о нас, как в пионерское время. Сейчас мы должны сами заботиться о себе и о нашем государстве [293, 343].

4. Алогизм:

В произведениях Э.Н.Успенского социальная оценка переплетается с прагматической:

– *Это он раньше такой был, – сказал дядя Федор. – Когда у него велосипеда не было. А теперь, когда ему велосипед купили, он другим человеком стал. Он теперь обеспеченный.*

– *Обеспеченные люди самые нужные, – сказала девочка Катя. – Так мой папа говорит. Это средний класс* [292, 115].

Социальная оценка выражена причастием *обеспеченный*, а прагматическая – прилагательным *нужные*. В тексте дается понятие среднего класса, к которому принадлежит Печкин, так как у него есть велосипед. Этим достигается эффект комизма, поскольку велосипед не может удовлетворять признанным критериям среднего класса, принятым в социологии.

5. Прием обманутого ожидания: *На колбасу и на сыр только мышей в мышеловки ловят, – проворчал про себя Матроскин. – Или избирателей на выборах* [292, 129]. В данном примере предложение построено таким образом, что смысловое ожидание первой части его вступает в противоречие с содержанием конца речевой единицы.

6. Устойчивые выражения: *Только в эту весну всегда он при деньгах был, и многие люди с ним начали за квартал здороваться и с разбегу целоваться* [293, 2]. В тексте присутствует, на первый взгляд, положительная социальная оценка *всегда он при деньгах был*, с помощью устойчивого выражения *за квартал здороваться и с разбегу целоваться* показано ироническое отношение автора к данному персонажу.

Вместе с открытками Матроскин еще и сметану продавал, и молоко по утрам. Так что он был вполне преуспевающий новый сельский русский [292, 102]. Крылатое выражение *новый русский* дополнено автором прилагательным *сельский*, этим самым достигается эффект комизма.

3.9.2. Словообразовательные средства оформления социальной оценки обладают наименьшей частотностью (2%).

Окказиональное словообразование: *На лесопилке работают 20 рабочих. Десять из них – простоквашинцы, а десять – приезжие. Они приехали из иностранной страны **Кинконгии**. У них ниже квалификация, и им можно меньше платить. Все **кинконгчики** маленькие и зеленые [296, 94].* В данном случае название страны – Кингонгия – образовалось по модели слов *Россия, Япония* от имени сказочного фантастического персонажа Кинконга. Название жителей страны – кинконгчики – создается за счет уменьшительно-ласкательного суффикса *-чик-*.

Е. А. Земская такие случаи относит к словообразованию, направленному на создание комического эффекта. Автор указывает, что источником комизма являются шуточные названия стран, создаваемые по образцу слов на *-ия*. В основу неузуральных слов кладется имя собственное, живого существа или какое-либо иное существительное, которое составляет сущность именуемой страны [93, 645 – 646].

3.9.3. Грамматические средства оформления социальной оценки.

1. Морфологические средства не являются распространенными (9,5%).

Социальная оценка в рассматриваемых текстах создается при помощи категории числа, рода, лица, одушевленности-неодушевленности.

1.1. В текстах выявлено экспрессивное использование категории числа:

– *Мы **по зарубежам** не ездим!* – проворчал Матроскин. – *Мы люди простые, деревенские.*

– *Когда люди так говорят, что мы – простые, деревенские, это самые хитрые люди,* – ответила девочка [292, 29]. Противоречащее норме употребление существительного *по зарубежам* во множественном числе выражает в данном случае негативную оценку.

1.2. С помощью множественного числа может быть выражена и положительная социальная оценка:

– *Так. Другого выхода нет,* – решил решительный Витя Удочкин. – *Идем к отцу.*

– *Как к отцу?* – испугался Гена. – *Он же у тебя начальник.*

– Ну и что? – сказал Витя. – Он нам поможет. **Начальники тоже люди** [296, 384].

1.3. Негативная социальная оценка оформляется неопределенными местоимениями, например, местоимением «какие-нибудь»: *Беги-ка ты на речку, прямо без завтрака, и отнеси бобренка на место, где ты его взял. Да смотри больше из речки никого не вылавливай! Мы не миллионеры какие-нибудь!* [290, 44].

2. Синтаксические средства достаточно высокочастотны (38,1%).

2.1. **Инверсия**: *Кажется, почтальон Печкин не с теми людьми связался, с какими надо связываться. Или, наоборот, с теми – богатый он стал и хорошо одетый* [293, 2]. При помощи инверсии актуализируется социальный статус персонажа – *богатый*.

2.2. **Позиционно-лексический повтор**, служащий созданию дополнительной информации экспрессивного характера. В данном примере повтор выполняет акцентирующую функцию:

Подходят они к роце, видят – ящик с гуманитарной помощью стоит.

– *Выронили, – говорит Печкин. – Вчера целый день гуманитарную помощь возили. Один ящик и потеряли. Интересно, что в нем? Надо открыть.*

– *Что-то там меховое, наверное, шапки гуманитарные.* <...>

– *Нет, – говорит, – там гуманитарные гвозди. Или гуманитарные вилки.* <...>

– *Ой, – кричит, – радио заговорило!.. Гуманитарное* [294, 18].

2.3. Явления экспрессивного синтаксиса. Так, в данном микротексте используется **присоединение**:

– *Матроскин, ты не прав. Пусть Шарик клеит, что хочет. Мы так договорились жить, чтобы каждому было хорошо. Мы все должны друг друга любить.* <...>

– *Если мы друг другу уступать не будем, у нас не дом будет, а коммунальная квартира. Склочная* [294, 4].

В данном примере автор снова использует аллюзию. Коммунальная квартира ассоциируется у людей советского времени с таким определением как «склочная», эксплицированное парцеллированной конструкцией. Безусловно выражается негативная социальная оценка.

2.4. Парцелляция:

И если родители Карины такие обеспеченные люди, не надо это демонстрировать в школе. У девочки есть шуба. Французские сапоги. Затемненные очки на пол-лица. У нас не каждая учительница может так одеваться, как она [295, 201]. В тексте актуализируются «престижные» вещи:

Вам хорошо, – замахал он руками точь-в-точь как это делала его дочка – вы на трех работах работаете. Да в таких учреждениях. А я всего лишь кандидат наук. В авиационном институте [295, 95]. Кажалось бы, научная степень кандидата наук должна выражать позитивную оценку, но в данном примере негативная социальная оценка выражена с помощью местоимения и частицы *всего лишь*. Парцелляция актуализирует оценку.

2.5. Тавтология:

Приехали разные деловые люди, предприниматели, построили предприятия, стали все время что-нибудь предпринимать [289, 199]. Данный прием построен на однокоренных именах существительных *предприниматель* и *предприятие* и глаголе *предпринимать*, а также на анафорическом начале слов *пред-*, бывшем когда-то приставкой.

2.6. Отрицательные предложения. *Ваша внучка ходит в школу как из дома моделей. Не каждая семья может так зарабатывать. Не надо выставлять все это напоказ [295, 203].*

3.9.4. Синкретические средства выражения социальной оценки.

1. Рассмотрим пример: *Ты у нас пролетарий всех стран. Всю жизнь пролетал. Ты у нас не Шарик, ты у нас – Шариков [293, 139].* В данном микротексте присутствуют следующие лексические средства выражения социальной оценки:

- а) реминисценция на лозунг *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»*!;
- б) каламбур: *«...пролетарий всех стран. Всю жизнь пролетал»*;
- в) реминисценция: *«ты у нас не Шарик, ты у нас – Шариков»*. Здесь проведена параллель с произведением М. А. Булгакова *«Собачье сердце»*.
- г) анафора в построении предложений *«Ты у нас...»*.

2. *Видит пес Шарик: на полянке в лесу сидит человек с бородой в вязанной кофточке, в годах уже. Весь книгами учеными обложенный. А глаза добрые, как у прокурора. Такого человека даже спрашивать не надо. Любому дураку ясно, что это не ученый - психиатр. Крупному ученому никаких книг не надо. Он и так все знает. Он сам книги пишет. Значит, это студент, или аспирант какой-нибудь* [292, 17].

Социальная оценка в данном микротексте выражена при помощи таких средств:

- а) неопределенного наречия *какой-нибудь*, которое выражает негативную оценку, пренебрежительное отношение к статусу *аспирант*;
- б) сравнительного оборота, служащего для создания комического эффекта: *А глаза добрые, как у прокурора*;
- в) присоединения *Весь книгами учеными обложенный*.

Таким образом, можно сделать вывод, что среди средств выражения социальной оценки в произведениях детской литературы XX – XXI вв. преобладают лексические (антропонимы, аллюзия, реминисценция, крылатые и устойчивые выражения, каламбур, обманутое ожидание) и грамматические (окказиональное словообразование, стилистическое использование категории числа, экономия средств в структуре предложения, позиционно-лексический повтор, парцелляция, сравнительные обороты).

Наиболее распространенные средства оформления социальной оценки – лексические (50,4%), достаточно частотны синтаксические (38,1%).

Выводы

Анализ языкового оформления оценки в произведениях детской литературы постсоветского периода позволяет нам сделать следующие выводы.

1. Количественная оценка может быть выражена при помощи таких лексических средств, как антонимия, синонимия, прием обманутого ожидания, ирония, языковая игра, авторское обновление пословиц.

Словообразовательными средствами, служащими для оформления данного вида оценки, являются: аффиксация, окказиональное словообразование.

Морфологические единицы, эксплицирующие количественную оценку, – стилистическое использование наречий, прилагательных, категории одушевленности-неодушевленности имени существительного, сравнительные обороты.

Синтаксические средства в данных микротекстах представлены сравнением, повтором, присоединением, анадиплозисом.

В исследованных текстах преобладает оценка, характеризующая величину предмета. Количественная оценка обладает наибольшим разнообразием средств выражения на лексическом уровне (50,6 %).

2. Эмоциональная оценка выражается антропонимами, окказионализмами, каламбурами, авторским обновлением фразеологизмов, эпитетами, жаргонной лексикой, аллюзией, реминисценцией, метонимией.

Грамматическими средствами, служащими для оформления данного вида оценки, являются: аффиксация, стилистическое использование наречий, прилагательных, сравнение, сравнительный оборот, однородные определения, восклицательные и риторические предложения, парцелляция, анафора, анадиплозис. Обращает на себя внимание тот факт, что фразеологизмы авторы постсоветского периода литературы использовали только в измененном виде. Еще одной особенностью произведений указанного периода является большое количество окказионализмов.

Постсоветская литература характеризуется преобладанием лексических и синтаксических средств оформления эмоциональной оценки (соответственно 34,8% и 30,4%).

3. На лексическом уровне эстетическая оценка эксплицируется антропонимами, каламбурами, реминисценцией, антонимами, синонимами.

На грамматическом уровне эстетическая оценка может выражаться при помощи словообразовательных (суффиксов субъективной оценки, окказионального словообразования), морфологических (стилистического использования наречий, имен прилагательных, глаголов) и синтаксических средств (сравнения, гистерологии). В постсоветской литературе преобладают лексические средства оформления эстетической оценки (50%), хотя большим разнообразием характеризуются грамматические.

4. На лексическом уровне языка эстетическая оценка оформлена при помощи языковой игры, просторечной лексики, фразеологизмов, устойчивых выражений, олицетворений, приема обманутого ожидания.

Грамматическими средствами выражения эстетической оценки являются: аффиксация, окказиональное словообразование, стилистическое использование имен существительных, наречий, парцелляция, присоединение, стилистическое использование определений и односоставных предложений, инверсия, тавтология.

В литературе постсоветского периода высокочастотными средствами оформления оценки являются лексические (47,2%) и синтаксические (44,4%).

5. Зрительная оценка эксплицируется при помощи следующих средств: лексических (метафора, реминисценция), грамматических (суффиксы субъективной оценки, стилистическое использование имен прилагательных, сравнение, повтор).

Позитивной оценочностью в произведениях детской литературы постсоветского периода обладают золотой, зеленый, белый цвета. Негативная оценка передается при помощи черного цвета, бледных оттенков цвета.

Слуховая оценка оформляется при помощи фонетических (звукоподражаний, звукообразных слов), лексических (энантисемии, олицетворения, метафоры, жаргонизмов), словообразовательных средств (суффиксов субъективной оценки), синтаксических средств (сравнительных оборотов, двусоставных предложений с придаточной изъяснительной частью, двусоставных предложений с атрибутивно-присубстантивной частью, тавтологии).

Оценки обоняния и вкуса вербализуются при помощи: фонетических (рифмы), лексических (метонимии, приема обманутого ожидания, олицетворения, алогизма, устойчивых выражений), словообразовательных (окказиональных образований), синтаксических средств (восклицательных предложений).

Оценка органов осязания (тактильная) сравнительно мало используется в произведениях постсоветской детской литературы и выражается при помощи тавтологии, парцелляции и присоединения.

Лексические средства выражения сенсорной оценки превалируют в текстах детской литературы данного периода (38,06%), указанный тип оценки может быть выражен при помощи фонетических средств, что не является характерным для других видов оценки.

6. Прагматическая оценка оформляется при помощи таких лексических средств: алогизм, контекстуальные синонимы, реминисценция; окказионального словообразования; морфологического средства – интенсификации оценки при помощи наречий; синтаксического – инверсии.

Нормативная оценка может вербализоваться при помощи лексических (просторечная лексика, алогизм, оксюморон) и грамматических (окказионального словообразования, интенсификации оценки при помощи наречий, деинтенсификации) средств.

Телеологическую оценку выражают синтаксические единицы – парцелляция и придаточные предложения условия.

В целом, в исследованных текстах преобладают лексические средства выражения оценки (44,4%).

7. Логическая оценка представлена двумя модальностями: эпистемической и деонтической.

а) эпистемическая модальность. Оценка достоверности/недостоверности сообщаемого эксплицируется при помощи вводных слов *значит, очевидно*, находящихся в препозиции и *к сожалению* – в середине предложения.

Оценка сообщения с точки зрения его вероятности/невероятности оформлена при помощи тавтологии вводного слова *может* и частицы *бы* в начале предложения, данная модальность также выражается при помощи вводных слов и словосочетаний *может, может быть, надо сказать*, стоящих в начале и в середине предложения.

Оценка сообщения с точки зрения возможности/невозможности оформлена, в основном, при помощи вводного слова *может*, стоящего в начале предложения после подлежащего.

Сомнение говорящего в сообщаемом вербализируется вводными словами *кажется, наверное*, стоящих в препозиции, и *пожалуй, конечно* – в середине предложения;

б) деонтическая модальность оформлена, в основном, при помощи утвердительного слова-предложения *да* и отрицательного *нет*, находящихся в начале предложения. Также оценка может быть выражена при помощи редупликации частиц.

В текстах постсоветского периода детской литературы логическая оценка выражается только синтаксическими средствами.

8. Среди средств выражения социальной оценки в произведениях детской литературы XX – XXI вв. преобладают лексические (аллюзия, реминисценция, крылатые и устойчивые выражения, каламбур, обманутое ожидание) и грамматические (стилистическое использование категории числа, экономия

средств в структуре предложения, позиционно-лексический повтор, парцелляция), что составляет 50,4%.

9. Высокочастотные языковые средства оформления всех видов оценки–лексические (172 микротекста, 41% всех средств) и синтаксические (144 микротекста, 35%). Словообразовательные и морфологические средства характеризуются достаточной частотой использования (47 микротекстов (11%) и 41 микротекст (10%) соответственно). Наименее распространенными единицами являются фонетические – 14 микротекстов (3%).

Статистические данные о распределении типов оценки и способах ее выражения в детской литературе советского периода отражены в таблицах 2, 2.1., 2.2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая вышеизложенные дефиниции и положения относительно природы категории оценки, можно вывести следующее определение данной категории: в данной работе оценка понимается как отношение носителей языка к объекту, обусловленное признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств определенным ценностным критериям.

Рассмотрев различные классификации оценок (Аристотеля, Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф, фон-Вригта, Т. А. Космеды, А. Ф. Папиной), мы пришли к выводам, что в современной лингвистике нет единой классификации оценок и эта проблема требует дальнейшего решения. В основу данного исследования была положена классификация частнооценочных слов А. Ф. Папиной (эмоциональные, эстетические, этические, сенсорные (зрительные и слуховые), количественные, рациональные, логические оценки) [181, 269], дополненная социальной оценкой, поскольку наше исследование непосредственно касается отражения социальных процессов, происходящих в обществе на протяжении середины XX – начала XXI вв., в детской литературе. Как показал анализ, именно социальная оценка демонстрирует наибольшую динамику, именно данный тип оценки в произведениях постсоветской литературы обладает наибольшим количеством различий в средствах выражения по сравнению с литературой советского периода.

Центральная категория нашего исследования – категория оценки. Проанализированы языковые средства выражения данной категории в двух исследуемых периодах детской художественной литературы, осуществлено сопоставление, выяснено, какие оценки и средства их выражения преобладают в современный период литературы, была выявлена динамика функционирования средств языка в текстах детской литературы.

Изучение и сопоставление языковых средств выражения оценки в детской литературе советского и постсоветского периодов позволило сделать следующие выводы.

1. Количественная оценка отражает процесс параметризации мира, характеризует меру, объем, величину описываемого предмета, указывающую на признак действия, на признак признака. Данный тип оценки в текстах советской литературы представлен 99 микротекстами, что составляет 25 % всех микротекстов, содержащих оценку. В литературе постсоветского периода данный тип оценки представлен 79 микротекстами, что составляет 19 % всех примеров. Наиболее распространенным типом количественной оценки в детской литературе советского периода является оценка, характеризующая меру. Она обладает наибольшим разнообразием средств выражения на лексическом и грамматическом языковых уровнях. Квантитативная оценка оформлена преимущественно лексическими средствами языка (35,35% всех языковых средств оформления данной оценки). Среди них наиболее распространены фразеологические (20%) – в основном, это фразеологизмы, которые авторы употребляли в неизменном виде. В текстах детской литературы постсоветского периода преобладает оценка, характеризующая величину предмета. Данная оценка характеризуется наибольшим разнообразием средств выражения на лексическом уровне (50,6%). Следует отметить более частое употребление авторами окказионального словообразования по сравнению с текстами советского периода (11,4%).

Эмоциональная оценка в произведениях советского периода репрезентирована 79 примерами (20 % всех микротекстов, содержащих оценку). В постсоветской литературе эмоциональная оценка составляет 21 процент от всех оценок (обнаружено 92 микротекста). Исследованный материал показывает, что наиболее распространенными средствами выражения эмоциональной оценки в текстах советской литературы являются лексические, в частности, фразеологические (50,63%). Высокочастотными являются также случаи синкретического использования средств различных языковых уровней.

Постсоветская литература характеризуется преобладанием лексических и синтаксических способов оформления оценки (соответственно 34,8% и 30,4%).

Эстетическая оценка в литературе середины XX века составляет 5 % от всех оценок, нами обнаружены 23 примера ее выражения. В постсоветской литературе наблюдается примерно такое же количество микротекстов, содержащих данный вид оценки, и аналогичное процентное соотношение: 20 примеров, 5 %. Различие проявляется в средствах выражения данного типа оценки: в литературе советского периода эстетическая оценка преимущественно оформлена при помощи синтаксических средств языка (39,13%), а в постсоветской литературе преобладают лексические единицы, служащие для оформления эстетической оценки (50%).

Этическая оценка представлена 42 микротекстами в литературе советского периода, 36 микротекстами в постсоветской литературе, что составляет соответственно 10 и 9 % всех видов оценки. Лексические средства оформления данного типа оценки в текстах детской литературы советского периода преобладают над средствами других языковых уровней (47,62%). В литературе постсоветского периода высокочастотными средствами оформления оценки являются лексические (47,2%) и синтаксические (44,4%). Основное различие на лексическом уровне языка проявляется в том, что в текстах советской литературы этическая оценка присутствует с позиции «честность – обман» и выражена преимущественно фразеологизмами. Устойчивые выражения, как известно, являются определенной ценностью конкретной нации и несут воспитательную функцию. В текстах же постсоветской литературы преобладают такие средства оформления этической оценки, как всевозможные приемы языковой игры, окказионализмы, жаргонная лексика, не способствующая выполнению воспитательной функции произведений для детей.

Сенсорная оценка является более распространенным видом указанной категории в текстах советского периода детской литературы – 83 микротекста, 21% всех оценок. В литературе постсоветского периода обнаружено 63 примера

выражения сенсорной оценки, что составляет 15% всех оценок. Среди языковых средств выражения оценки в текстах советской и постсоветской литературы преобладают лексические, соответственно 31,32% и 38,06%.

Рациональная оценка в произведениях советских писателей представлена 33, а в текстах детской литературы постсоветского периода 36 микротекстами, что составляет соответственно 8 и 9%. В обоих исследованных периодах детской литературы преобладают лексические средства оформления оценки (42,43% и 44,4%). Основным отличием является тот факт, что в литературе советского периода отсутствуют словообразовательные средства выражения оценки, в то время как в постсоветских произведениях для детей такие средства составляют 13,9%. Показательным является то, что эти словообразовательные средства – окказионализмы, часто встречающиеся в литературе конца XX – начала XXI вв.

Логическая оценка является более распространенным видом анализируемой категории в литературе советского периода – 41 микротекст и 10% всех оценок. Постсоветский период представлен 29 микротекстами, содержащими логическую оценку, что составляет 7%. В обоих периодах детской литературы логическая оценка эксплицируется только синтаксическими единицами.

Социальная оценка является очень распространенным видом оценки в постсоветской детской литературе и практически отсутствует в литературе советского периода. Соответственно 5 микротекстов (1%) и 63 микротекста (15%). В системе средств выражения социальной оценки в произведениях постсоветской детской литературы преобладают лексические (50,4%), в то время как указанный тип оценки в литературе советского периода представлен только лексическими (60%) и синтаксическими средствами (40%).

Результаты исследования языковых средств оформления оценки отражены в таблицах 1 и 2.

2. Анализ языковых средств выражения оценки, характерных для двух исследованных периодов, показал следующее:

Фонетические средства в детской литературе советского периода не являются высокочастотными. Они используются для оформления эмоциональной оценки (11,39%) и сенсорной слуховой оценки (19,09%). В целом, фонетические средства составляют 6% всех языковых средств.

В произведениях писателей постсоветского периода детской литературы фонетические средства используются для выражения слуховой сенсорной оценки и составляют 22,2% всех средств оформления указанного вида оценки и 3% всех языковых средств выражения оценки.

Лексические единицы языка в произведениях В. Ю. Драгунского и Н. Н. Носова характеризуются высокой частотностью. Они составляют 35% всех средств. В произведениях Г. Б. Остера и Э. Н. Успенского лексические средства составляют 41% .

Деривационные средства в текстах литературы советского периода характерны для выражения количественной, эмоциональной, эстетической, этической, сенсорной оценок и составляют 11% всех средств. Анализ текстов постсоветской детской литературы показал, что словообразовательные единицы используются авторами для выражения всех видов оценки, кроме логической и социальной, они составляют также 11% всех остальных.

Морфологические средства в детской литературе 40-х – середины 60-х годов XX века используются для оформления всех видов оценок, кроме логической и социальной (15% всех средств). В постсоветской литературе данные единицы характерны для всех видов оценки, кроме логической (10%).

Синтаксические средства языка в произведениях советских авторов, наряду с лексическими, являются высокочастотными – 33% всех языковых средств, постсоветская литература также характеризуется высокой частотностью синтаксических средств – 35%. Данные единицы являются единственными средствами выражения логической оценки.

3. В детской литературе советского периода наиболее распространенным видом оценки является количественная оценка. Она оформлена преимущественно лексическими средствами языка, которые составляют 35,35%

всех языковых средств оформления категории оценки. Среди лексических средств наиболее распространенным средством выражения оценки являются фразеологические (20%) – в основном, это фразеологизмы, которые авторы употребляли в неизменном виде. Как известно, фразеологизмы, устойчивые выражения наполнены народной мудростью, нередко содержат в себе элемент поучительности. Для детской литературы советского периода характерна педагогическая заданность, обилие нравоучений, это не может не отразиться в языковых средствах, выбранных авторами.

В детской литературе постсоветского периода наиболее распространенным видом оценки является эмоциональная оценка. Она также оформлена преимущественно лексическими средствами языка, составляющими 38,4% всех средств. В текстах данного периода наиболее распространенными лексическими средствами являются реминисценция, аллюзия, языковая игра. Каждое из этих средств составляет примерно по 10% от всех остальных лексических средств исследуемого периода. Указанные лексические средства нередко используются авторами для создания комического эффекта. Само определение «языковая игра» говорит об этом (см. [219 : 389]). Как разновидность языковой игры каламбур является наиболее распространенным в литературе данного периода.

Самым ярким различием, выявленным в ходе сопоставления видов оценки исследуемых периодов, оказалось количество микротекстов с содержанием социальной оценки. Если в детской литературе середины XX века обнаружено всего 5 примеров, то в постсоветской литературе данный вид оценки является весьма распространенным. В советской детской литературе социальная оценка выражалась в пределах целого текста, но в микротекстах практически не оформлялась, а текстовый анализ не был предметом исследования. Это связано прежде всего с тем, что рубеж веков всегда считали кризисным периодом времени в обществе, в данное время происходит переоценка ценностей. Следует сказать, что для выражения социальной оценки в постсоветской литературе авторы часто использовали как вышеназванные

средства (аллюзию, реминисценцию, приемы языковой игры), так и разговорную, просторечную, даже жаргонную лексику (8% всех лексических средств выражения социальной оценки). Употребление указанной лексики было ограничено в текстах литературы советского периода, а жаргонная лексика практически отсутствует.

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что современная детская литература во многом ушла от традиций советской литературы и не в лучшую сторону. В ней отсутствует присущая советской детской литературе стилистическая выдержанность, учет возрастных и психологических особенностей ребенка. Обилие окказиональных слов, жаргонизмов, слов со сниженной стилистической окраской приводит к расшатыванию языковой нормы, размыванию ее границ. Частое использование авторами современной детской литературы аллюзий, реминисценций, каламбуров и других приемов языковой игры указывает на то, что современная детская литература не всегда ориентирована на маленького читателя, а зачастую обращена к взрослым, поскольку иногда предусматривает знания, которых у детей не может еще быть в силу их возраста и неопытности.

Каждый ребенок, как и взрослый, формирует свою оценку социальных явлений, этических и моральных норм, эстетики и окружающего мира в целом. Роль оценки в жизни общества велика, она реализует отношение языкового коллектива к предметам или понятиям действительности, поэтому нуждается во всестороннем и глубоком изучении.

**Языковые средства выражения
оценочных значений
в детской литературе советского периода**

Вид оценки	Языковые средства выражения оценки					Всего
	Фонетические	Лексические	Словообразовательные	Морфологические	Синтаксические	
Количественная	-	35 (35,35%)	25 (25,25%)	19 (19,2%)	20 (20,20%)	99 (100%)
Эмоциональная	9 (11,39%)	40 (50,63%)	6 (7,6%)	12 (15,19%)	12 (15,19%)	79 (100%)
Эстетическая	-	6 (26,09%)	5 (21,74%)	3 (13,04%)	9 (39,13%)	23 (100%)
Этическая	-	20 (47,62%)	5 (11,9%)	7 (16,67%)	10 (23,81%)	42 (100%)
Сенсорная	16 (19,09%)	26 (31,32%)	5 (6,02%)	12 (15,46%)	24 (28,01%)	83 (100%)
Рациональная	-	14 (42,43%)	-	9 (27,27%)	10 (30,30%)	33 (100%)
Логическая	-	-	-	-	41 (100%)	41 (100%)
Социальная	-	3 (60%)	-	-	2 (40%)	5 (100%)

*Таблица 1.1.**Категория оценки в детской литературе советского периода*

Вид оценки	Количество микротекстов	Процентное соотношение видов оценки
Количественная	99	25%
Эмоциональная	79	20%
Эстетическая	23	5%
Этическая	42	10%
Сенсорная	83	21%
Рациональная	33	8%
Логическая	41	10%
Социальная	5	1%

Таблица 1.2.**Языковые средства выражения оценочных значений в детской литературе советского периода**

Вид оценки	Языковые средства выражения оценки				
	Фонетические	Лексические	Словообразова- тельные	Морфологичес- кие	Синтаксические
Количество микротексто в	29	146	46	62	122
Частотность (в процентах)	7%	37%	11%	15%	30%

Приложение Б
Таблица 2

***Языковые средства выражения
оценочных значений в детской литературе
постсоветского периода***

Вид оценки	Языковые средства выражения оценки					Всего
	Фонетические	Лексические	Словообразова- тельные	Морфологические	Синтаксичес- кие	
Количествен- ная		40 (50,6%)	9 (11,4%)	10 (12,7%)	20 (25,3%)	79 (100%)
Эмоциональная		32 (34,8%)	20 (21,7%)	12 (13,1%)	28 (30,4%)	92 (100%)
Эстетическая		10 (50%)	3 (15%)	2 (10%)	5 (25%)	20 (100%)
Этическая		17 (47,2%)	2 (5,6%)	1 (2,8%)	16 (44,4%)	36 (100%)
Сенсорная	14 (22,2%)	24 (38,06%)	6 (12,3%)	5 (7,9%)	10 (19 %)	63 (100%)
Рациональна я		16 (44,4%)	5 (13,9%)	5 (13,9%)	10 (27,8%)	36 (100%)
Логическая		-	-	-	29 (100%)	29 (100%)
Социальная		33 (50,4%)	1(2%)	6 (9,5%)	24 (38,1%)	63 (100%)

*Таблица 2.1.**Категория оценки в детской литературе постсоветского периода*

Вид оценки	Количество микротекстов	Процентное соотношение видов оценки
Количественная	79	19%
Эмоциональная	92	21%
Эстетическая	20	5%
Этическая	36	19%
Сенсорная	63	15%
Рациональная	36	9%
Логическая	29	7%
Социальная	63	15%

Таблица 2.2.

**Языковые средства выражения
оценочных значений
в детской литературе постсоветского периода**

Вид оценки	Языковые средства выражения оценки				
	Фонетические	Лексические	Словообразовательные	Морфологические	Синтаксические
Количество микротекстов	12	171	45	35	142
Частотность (в процентах)	3%	41%	11%	10%	35%

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм : монография / Н. Ф. Алефиренко. – М. : ООО «ЭЛПИС», 2008. – 271 с.
2. Андрущенко В.П. Філософія. Підручник. / В. П. Андрущенко, В. І. Волович, В. Г. Кремень, В. К. Рибалка. – Х. : Консум, 2000. – 672 с.
3. Антипенко Л. А. Опыт концептуального анализа имен негативной эмоции в русском языке: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. фил. наук: спец. 10.02.02 «Русский язык» / Л. А. Антипенко. – Харьков, 1995. – 24 с.
4. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 368 с.
5. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С.37 – 67.
6. Апресян Ю. Юбилейные заметки о неюбилейных словах : ругать и его синонимы / Апресян Ю., Гловинская М. // Московск. лингвистический журнал. – М. : Изд-во Московск. ун-та, 1996. – Т. 2. – С. 11 – 24.
7. Арзамасцева И.Н. Русские детские писатели XX века: Библиографический словарь / Арзамасцева И.Н., Громова М.И., Дулова Л.В. – М. : Флинта: Наука, 1997. – 230 с.
8. Арзамасцева И.Н. Детская литература : Учебник для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений / Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. – [2-е изд.]. – М. : Академия, 2002 . – 472 с.
9. Арнольд И.В. Нарушение ожидаемости на разных уровнях – лингвистический механизм комического эффекта / Арнольд И.В. // Проблемы сочетаемости слов : Сб. научных статей / Отв. ред. Г. Ю. Князева – Вып. 145. – М., 1979. – С. 100 – 107.

10. Арутюнова Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. // Новое в заруб. лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. XVI. – С.3 – 42.
11. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
12. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
13. Арутюнова Н.Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры / Арутюнова Н.Д. // RES PHILOLOGICA. – М. : Наука, 1990. – С.71 –88.
14. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры : I - XV, 1999. – 896 с.
15. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / Ахманова О.С. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
16. Ашукин Н. С. Крылатые слова : литературные цитаты, образные выражения. / Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. – [4-е изд., доп.] – М. : Худож. лит., 1987. – 528 с.
17. Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке / В. В. Бабайцева. – М. : Просвещение, 1968. – 160 с.
18. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основные теории, принципы и аспекты анализа : [учебник для вузов] / Л. Г. Бабенко. – М. : Академический Проект, Екатеринбург : Деловая книга, 2004. – 464 с.
19. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие, источники и лексикографическая обработка / А. М. Бабкин. – Л. : Наука, 1970. – 234 с.
20. Бавина В. А все-таки она вертится... / Бавина В. // Детская литература. – 1972. – № 8. – С. 173 – 177.
21. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Иностр. лит, 1955. – 416 с.

22. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 203 с.
23. Бацевич Ф.С. Основи комунікативної девіатології / Ф. С. Бацевич. – Львів : ЛНУ ім. Франка, 2000. – 236 с.
24. Бацевич Ф.С. Очерки по функциональной лексикологии / Ф. С. Бацевич, Т. А. Космеда. – Львов : Світ, 1997. – 391 с.
25. Белая Л.В. Структурно-семантические и функциональные особенности антропонимов в сатирической прозе М. А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Белая Любовь Васильевна. – К., 1997. – 223 с.
26. Бельчиков Ю.А. Окказионализмы // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А. П. Сковородников (ред.) – М. : Флинта : Наука, 2005. – С. 193 – 195.
27. Беляева И.А. Прагматическая неоднозначность высказываний с пропозициональным содержанием субъективной оценки / Беляева И.А. // Вісник Харківського ун-ту. Теоретичні і прикладні аспекти ком. д-ті. – 1994. – № 382. – С.10 – 13.
28. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под. ред. Ю. С. Степанова – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
29. Береговская Э.М. Экспрессивный синтаксис : Учеб пособие к спецкурсу / Береговская Э.М. – Смоленск : Телеплан, 1984. – 92 с.
30. Бирих А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова.– СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
31. Бичко І.В. Філософія : підручник / [І. В. Бичко, І. В. Бойченко, В. Г. Табачковський та ін.] – К. :Либідь, 2001. – 408 с.
32. Большакова Н.И. Языковое оформление модусных категорий на материале писем М. Цветаевой и Б. Пастернака : дис. ... канд. филол. наук. : 10.02.02 / Большакова Наталья Ивановна. – К., 1993. – 220 с.

33. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб. : «Норинт», 2006. – 1536 с.
34. Бондалетов В.Д. Стилистика русского языка. [Учеб. пособие для студентов] / В. Д. Бондалетов, С. С. Вартепова, Э. Н. Кушлина, Н. А. Леонова. – Л. : Просвещение, 1982. – 286 с.
35. Бондарко А.В. О грамматике функционально-семантических полей // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1984. – Т. 43 - № 6. – С. 492 – 503.
36. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л. : Наука, Ленингр. отделение, 1990. – 263 с.
37. Булыгина Т.В. Оценка при вторичной коммуникации / Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур. – М. : Наука, 1996. – С. 236 – 242.
38. Бурвикова Н.Д. Жизнь в мимолетных мелочах / Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 2006. – 68 с.
39. Вежбицкая А. Семантика грамматики / А. Вежбицкая. – М. : РАН, Ин-т научн. информ. по обществ. наукам, 1992. – С. 30.
40. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
41. Вежбицкая А. Семантические универсалии в описании языков / А. Вежбицкая. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.
42. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избр. труды. Исследования по русской грамматике. – М. : Наука, 1975. – С. 53 – 87.
43. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М. : Высшая школа, 1981. – 320 с.
44. Виноградов В.В. Русский язык : Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов – М. : Высшая школа, 1986. – 640 с.
45. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования / В. Н. Виноградова. – М. : Наука, 1984. – 184 с.

46. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию / Винокур Г.О. // Избр. работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 419 – 442.
47. Винокур Г.О. О языке художественной литературы : Учебн. пособие для филол. спец. вузов / Г. О. Винокур. – М. : Высш. шк., 1991. – 448 с.
48. Вольф Е. М. Метафора и оценка / Вольф Е. М. // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 52 – 65.
49. Вольф Е. М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / [под ред. Н. Д. Арутюновой]. – М. : Наука, 1989. – С. 155 – 186.
50. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – [3-е изд.] – М. : КомКнига, 2006. – 280 с.
51. Вригт Георг Хенрик фон. Логико-философские исследования: Избр. труды / Г. Х. фон Вригт // Пер. с англ. В. А. Смирнов. – М. : Прогресс, 1986. – 594 с.
52. Вульфсон Р.Е. Эмоционально-оценочная лексика и контекст / Вульфсон Р.Е. // Русский язык в школе. – 1991. – № 4. – С. 33 – 35.
53. Гак В.Г. Метафора : универсальное и специфическое / Гак В.Г. // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 11 – 26.
54. Гак В.Г. Лексикология // Лингвистический энциклопедический словарь / [под. ред. В. Н. Ярцевой]. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 260.
55. Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста / Гак В.Г. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. – Филология, 1997. – № 3. – С. 87 – 94.
56. Гальперин И.Р. Грамматические категории текста / И. Р. Гальперин // Опыт обобщения. – М. : Изд-во АН СССР, 1977. – Т.36. – Выпуск 6. – С. 522.
57. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Высшая школа, 1981. – 139 с.
58. Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи / А. Н. Гвоздев. – М. : Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1961. – 471 с.

59. Гвоздев А.Н. Развитие словарного запаса в первые годы жизни ребенка / А. Н. Гвоздев. – Саратов : Куйбышев. фил., 1990. – 103 с.

60. Герасименко И.Е. Использование оценочной лексики во вторичной номинации : дис. ... канд. филол. наук. : 10.02.01 / Герасименко Ирина Евгеньевна. – М, 2002. – 189 с.

61. Глотов А.Л. Русская литература XX века в контексте культового сознания (опыт историко-функционального анализа) : дис. ... доктора филол. наук. : 10.01.02 / Глотов Александр Леонидович. – Тернополь, 1997. – 363 с.

62. Голуб И. Б. Грамматическая стилистика современного русского языка / И. Б. Голуб. – М. : Высшая школа, 1989. – 208 с.

63. Голуб И. Б. Стилистика русского языка / Ирина Голуб. – [3-е изд., испр.]– М. : Рольф. 2001. – 448 с.

64. Гореликова М.И. Интерпретация художественного текста: Лингвистический анализ: Из русской прозы 70 – 90-х годов XX века : [учебное пособие для иностр. уч-ся: продвинутый этап] / Гореликова М.И. – М. : Изд-во МГУ, 2002. – 188 с.

65. Горський В.С. Історія української філософії / В. С. Горський. – К. : Наукова думка, 1997. – 286 с.

66. Гумбольд В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольд. – М. : Наука, 1984. – 396 с.

67. Гуслистая Л.А. Негативная этическая оценка в контексте осуждения (на мат-ле совр. публицистики) : дис. ... канд. филол. наук. : 10.02.02 / Гуслистая Людмила Алексеевна. – Х., 2001. – 197 с.

68. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Даль В.И. : Т.1 – 4. – М. : Рус. яз., 1981. – Т.1. А – З. – 1981. – 699 с.

69. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Даль В.И. : Т.1 – 4. – М. : Рус. яз., 1981. – Т.2. И – О. – 1981. – 779 с.

70. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Даль В.И. : Т.1 – 4. – М. : Рус. яз., 1981. – Т.3. П. – 1982. – 555 с.

71. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Даль В.И. : Т.1 – 4. – М. : Рус. яз., 1981. – Т.4. Р – У. – 1981. – 683 с.
72. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – [6-е изд., стереотип.]. – М. : Рус. яз., 2000. – 846 с.
73. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В. З. Демьянков // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 239 – 320.
74. Детская литература : [учеб пособие для учащихся пед. уч-щ]. / [Аникин В.П., Агеносов В.В., Ганкина Э.З. и др.]; под ред. Е. Е. Зубаревой. – [2-е изд.]. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.
75. Догнак С.Б. Прием обманутого ожидания // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А. П. Сковородников (ред.) – М. : Флинта : Наука, 2005. – С. 187 – 188.
76. Долженко Л.В. Рациональное и эмоциональное в русской детской литературе 50-80-х годов XX в. (Н. Н. Носов, В. Ю. Драгунский, В. П. Крапивин) : Монография / Л. В. Долженко – Волгоград : Перемена, 2001. – 241 с.
77. Дубовик Е.И. Использование рациональной лексики с модальным значением целесообразности в текстах художественной литературы / Дубовик Е.И. // Культура народов Причерноморья (Научный журнал). – Симферополь : Межвузовский центр «Крым», 2009. – С. 82 – 86.
78. Дядечко Л.П. Новое в русской и украинской речи : Крылатые слова – Крилаті слова (материалы для словарей) : Учебное пособие / Л. П. Дядечко – Ч.1 : А – Г. – К., 2001. – 145 с.
79. Дядечко Л.П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – Крилаті слова (материалы для словарей): Учебное пособие / Л. П. Дядечко. – Ч.2 : Д – Л. – К., 2001. – 199 с.
80. Дядечко Л.П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – Крилаті слова (материалы для словарей): Учебное пособие / Л. П. Дядечко. – Ч.3 : М – Р. – К., 2001. – 231 с.

81. Дядечко Л.П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность : Монография / Л. П. Дядечко. – Киев : ИП «Киевский университет», 2002. – 294 с.

82. Дядечко Л.П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – Крилаті слова (материалы для словарей) : Учебное пособие / Л. П. Дядечко. – Ч.4 : С – Я. – К., 2003. – 213 с.

83. Дядечко Л.П. Крылатые слова нашего времени : Толковый словарь : более 1000 единиц / Л. П. Дядечко. – М. : НТ Пресс, 2008. – 797 с.

84. Евсеева М.Г. Специфика коннотативных значений образных номинаций в художественном тексте : дис. ... канд. филол. наук. : 10.02.15 / Евсеева Марина Геннадиевна. – Донецк, 2004. – 201 с.

85. Емельянова О.Н. Гистерология // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А. П. Сковородников (ред.) – М. : Флинта : Наука, 2005. – С. 100.

86. Емельянова О.Н. Звукоподражание // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А. П. Сковородников (ред.) – М. : Флинта : Наука, 2005. – С. 129 – 130.

87. Емельянова О.Н. Просторечная лексика // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А. П. Сковородников (ред.) – М. : Флинта : Наука, 2005. – С. 250 – 253.

88. Емельянова О.Н. Сравнение // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А. П. Сковородников (ред.) – М. : Флинта : Наука, 2005. – С. 306 – 309.

89. Емельянова О.Н., Копнина Г.А. Анадиплозис // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А. П. Сковородников (ред.) – М. : Флинта : Наука, 2005. – С. 33 – 35.

90. Ермакова О. П. Ирония – ложь – шутка / Ермакова О. П. // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / [Отв. ред. Н. Д. Арутюнова]. – М. : Индрик, 2007. – С. 219 – 229.

91. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М. : ООО «Валент», 2001. – 198 с.

92. Земская Е.А. Современный русский язык : Словообразование / Е. А. Земская – М. : Просвещение, 1973. – 304 с.

93. Земская Е.А. Веселое словообразование / Земская Е.А. // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма [Отв. ред. Н. Д. Арутюнова]. – М. : Индрик, 2007. – С. 642 – 652.

94. Зозуля Н. В. Роль экспрессивности русского детского фольклора в формировании языковой личности ребенка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Зозуля Наталья Васильевна. – К., 2002. – 209 с.

95. Золотова Г.А. Очерки функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 351 с.

96. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.

97. Иванова Л.П. Структурно-функциональный анализ простого предложения : Монография / Л. П. Иванова. – К. : Выща шк., 1991. – 167 с.

98. Иванова Л.П. Методы лингвистических исследований / Л. П. Иванова – К., 1995. – 35 с.

99. Иванова Л.П. Кавказ в русском языковом сознании XIX-XX столетий / Л. П. Иванова. – К. : Издательский Дом Дмитрия Бурого, 2004. – 110 с.

100. Иванова Л.П. Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале А. С. Пушкина «Евгений Онегин») / Л. П. Иванова : [учебное пособие к спецкурсу]. – [2-е изд. доп.]. – К. : Освита Украины, 2006. – 140 с.

101. Иванова Л.П. Лингвокультурологические аспекты комического (к постановке проблемы) / Иванова Л.П. // Логический анализ языка. Языковые

механизмы комизма [Отв. ред. Н. Д. Арутюнова]. – М. : Индрик, 2007. – С. 560 – 570.

102. Ивин А.А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М. : Изд-во Московск. ун-та, 1970. – 230 с.

103. Іващенко В.Л. Коннотативно-оцінний аспект семантики назв осіб за родом діяльності, місцем проживання та національною належністю : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / В. Л. Іващенко. – Київ. – 1997. – 14 с.

104. Ильинская Л.С. Латинское наследие в русском языке. Словарь-справочник / Л. С. Ильинская. – М. : ГЛОССА-ПРЕСС, 2003. – 400 с.

105. Имя: слово, словосочетание, предложение, текст (именование на различных уровнях языка) : [сб. науч. тр.]. – К. : Наукова думка, 1993. – 214 с.

106. Каган М. С. Жизнь слова в культуре. Опыт системного изучения проблемы / Каган М. С. // RES PHILOLOGICA. – М. : Наука, 1990. – С. 356 – 369.

107. Кайки М.Ю. Изменение оценки правоохранительных органов в детской литературе как отображение социальных процессов (лингвопрагматический аспект) / Кайки М.Ю. // Система і структура східнослов'янських мов: Пам'яті академіка Л. А. Булаховського. – К. : Знання України, 2006. – С. 154 – 159.

108. Кайки М.Ю. Языковые средства выражения социальной оценки в произведениях Э. Н. Успенского / Кайки М.Ю. // Актуальні проблеми слов'янської філології: Міжвуз. зб. наук. ст. – Ніжин : ТОВ „Видавництво „Аспект-Поліграф”, 2007. – Вип. XIV : Лінгвістика і літературознавство. – С. 51 – 58.

109. Кайки М.Ю. Сенсорная оценка в произведениях детской литературы XX – начала XXI вв. / Кайки М.Ю. // Мова і культура. (Науковий журнал). – К. : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2008. – Вип. 10. – Т.ІІ (102). – С. 96 – 102.

110. Кайки М.Ю. Языковые средства выражения эмоциональной оценки в детской литературе 50-60-х гг. XX – начала XXI века (сопоставительный

аспект) / Кайки М.Ю. // Культура народов Причерноморья (Научный журнал). – Симферополь : Межвузовский центр «Крым». – Т.2, 2008. – С. 66 – 70.

111. Кайки М.Ю. Грамматические средства выражения количественной оценки в произведениях В. Ю. Драгунского и Н. Н. Носова / Кайки М.Ю. // Актуальні проблеми слов'янської філології: Міжвуз. зб. наук. ст. / Відп. ред. В. А. Зарва. – Донецьк : ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2009. – Вип. XX : Лінгвістика і літературознавство. – С. 534 – 542.

112. Кайки М.Ю. Лексическое оформление количественной оценки в детской литературе XX века: факторы динамики / Кайки М.Ю. // Мова і культура. (Науковий журнал). – К. : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. – Вип. 11. – Т.VII (119). – С. 69 – 75.

113. Кайки М.Ю. Рациональная оценка в детской литературе середины XX – начала XXI века (сопоставительный анализ языковых средств выражения) / Кайки М.Ю. // Культура народов Причерноморья (Научный журнал). – Симферополь : Межвузовский центр «Крым», 2009. – С. 113 – 118.

114. Кайки М.Ю. Динамика этической оценки в детской литературе XX – XXI вв. (анализ лексических средств выражения) / Кайки М.Ю. // Система і структура східнослов'янських мов : До 175-річчя Національного педагогічного університету ім. М. П. Драгоманова. – К. : Освіта України, 2010. – С. 138 – 143.

115. Карасик А. В. Лингвистические характеристики юмора // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : Сб. научн. трудов / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 1999. – С. 200 – 209.

116. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / Карасик В. И. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.

117. Карасик В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / Карасик В. И., Слышкин Г. Г. // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 75 – 80.

118. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
119. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1993. – 420 с.
120. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия / С. Д. Кацнельсон. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 851 с.
121. Керлот Х.Э. Словарь символов. [Отв. ред. С. В. Пролеев] / Керлот Х.Э. – М. : REFL – book, 1994. – 603 с.
122. Кизилова В.В. Дитяча література: стан, проблеми, перспективи / Кизилова В.В. // Актуальні проблеми слов'янської філології: [Міжвуз. зб. наук. ст.] / Відп. ред. В. А. Зарва. – Вип. XX : Лінгвістика і літературознавство. Донецьк : ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2009. – 557 с.
123. Кислицына Н.Н. Прилагательные со значением обобщенной положительной оценки как фрагмент языковой картины мира (на материале русского, украинского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. : 10.02.17 / Кислицына Наталья Николаевна. – Симферополь, 2002. – 184 с.
124. Ковалев В. П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы : дис. ... доктора филол. наук : 10.02.01 / Ковалев Виктор Павлович. – Херсон, 1974. – 371 с.
125. Ковалев В.П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы / В. П. Ковалев. – К. : Вища школа, 1981. – 183 с.
126. Ковальов В. П. Словотвір художніх неологізмів / Ковальов В. П. // УМЛШ. – 1988. – № 6. – С. 25 – 28.
127. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. [учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов] / М. Н. Кожина – М. : Просвещение, 1977. – 223 с.
128. Кокеладзе Р.Г. О некоторых обновленных фразеологизмах в русском языке (на материале поэзии XX в.) / Р. Г. Кокеладзе // Филологические науки. – 1974. – № 4. – С. 94 – 101.

129. Кононенко В.И. Грамматическая стилистика русского языка. Пособие для учащихся. / В. И. Кононенко – К. : Радянська школа, 1981. – 253 с.
130. Копнина Г.А. Парцелляция // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А. П. Сковородников (ред.) – М. : Флинта : Наука, 2005. – С. 217 – 219.
131. Копнина Г.А. Редупликация // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А. П. Сковородников (ред.) – М. : Флинта : Наука, 2005. – С. 260 – 261.
132. Космеда Т.А. Конотація і типологія засобів її мовної реалізації як проблема лінгвістичної прагматики / Т. А. Космеда // Семантика, синтактика, прагматика мовленнєвої діяльності : Матеріали Всеукр. наук. конф. – Львів : Літопис, 1999. – С. 30 – 34.
133. Космеда Т.А. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики : формування і розвиток категорії оцінки / Т. А. Космеда. – Л. : ЛНУ ім. Франка, 2000. – 350 с.
134. Космеда Т.А. Основні аспекти вивчення категорії оцінки у сучасному російському мовознавстві / Космеда Т.А. // Лінгвістичні студії : Зб. наук. праць. – Донецьк : Вид-во ДонДУ, 2000. – Вип.6. – С. 288 – 292.
135. Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. – М. : Гардарики, 2005. – 287 с.
136. Кот С.А. Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение (Лк. 2, 14) / Дискурс Православной Рождественской проповеди / Монография. / С. А. Кот. – Винница : Консоль, 2006. – 204 с.
137. Котова Н.С. Аспекты характеристики амбивалентной языковой личности // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2006. – № 4. – С.176 – 182.
138. Красовская О.В. Неузвальное словообразование в современной детской литературе : дис. ... канд. филол. наук. : 10.02.01 / Красовская Оксана Владимировна. – М., 1997. – 248 с.

139. Краткая литературная энциклопедия / под. ред. А. А. Суркова. – [в 7 т.]– Т.2. – М. : «Советская энциклопедия», 1964. – 1056 стб.
140. Краткая литературная энциклопедия / под. ред. А. А. Суркова. – [в 7 т.]– Т.5. – М. : «Советская энциклопедия», 1968. – 976 стб.
141. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Кубрякова Е.С. // Роль человеческого фактора в языке : Языки и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 141 – 172.
142. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Кубрякова Е.С. // Язык и наука конца XX века. – М. : Издательская группа «Прогресс», 1996. – С. 95 – 142.
143. Кудрявцева Л.А. О новом русском просторечии и его месте в системе национального языка / Кудрявцева Л.А. // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2005. – № 1. – С. 42 – 46.
144. Кузнецов А.М. Лексика // Лингвистический энциклопедический словарь / [под. ред. В. Н. Ярцевой]. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 258.
145. Культура русской речи : Энциклопедический словарь-справочник / [под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др.]. – М. : Флинта, Наука, 2009. – 840 с.
146. Купер Дж. Энциклопедия символов / Дж. Купер. – М. : Ассоциация духовного единения «Золотой век», 1995. – 412 с.
147. Леонтьев А.А. Внутренняя речь и процессы грамматического порождения высказывания / А. А. Леонтьев // Вопросы порождения речи и обучения языку. – М. : Наука, 1967. – 126 с.
148. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1969. – 214 с.
149. Летючая Л.П. Деривационная реперезентация категории оценки в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. / Летючая Любовь Петровна, 2004. – 209 с.
150. Лингвистический энциклопедический словарь / [под. ред. В. Н. Ярцевой]. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

151. Литвинчук И.Н. Прагматика эмотивного текста (психосемантическое экспериментальное исследование) : дис. ... канд. филол. наук. : 10.02.15 / Литвинчук Ирина Николаевна. – К., 2000. – 231 с.
152. Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма [Отв. ред. Н. Д. Арутюнова]. – М. : Индрик, 2007. – 728 с.
153. Локк Дж. Избранные философские произведения в 2-х т. / Джон Локк. – Т.1. – М. : Соцэкгиз, 1960. – 734 с.
154. Локк Дж. Избранные философские произведения в 2-х т. / Джон Локк. – Т.2. – М. : Соцэкгиз, 1960. – 532 с.
155. Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования / В. В. Лопатин. – М. : Наука, 1973. – 152 с.
156. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания / В. В. Лопатин. – М. : Наука, 1977. – 315 с.
157. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : Наука, Сибирск. отд-ние, 1986. – 230 с.
158. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово) / Лыков А.Г. – М. : Высш. шк., 1976. – 120 с.
159. Малярчук У.О. Категория оценки в лингвистической литературе / Малярчук У.О. // Культура народов Причерноморья (Научный журнал). – Симферополь : Межвузовский центр «Крым», 2009. – С. 164 – 169.
160. Маркелова Т.В. Функционально-семантическое поле оценки в современном русском языке / Т. В. Маркелова // Вестник Московского университета. Сер. 9. – Филология. – 1994. – №4. – С. 12 – 19.
161. Маркелова Т.В. Выражение оценки в русском языке / Т. В. Маркелова // Русский язык в школе. – 1995. – № 1. – С. 76 – 81.
162. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику: [учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по направлению 031000 и спец. 031001 – Филология.]. / А. Ю. Маслова. – [2-е изд.]. – М. :Флинта : Наука, 2008. – 148 с.

163. Маслова В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста : Учебн. пособие / В. А. Маслова. – Минск : Высшая школа, 1997. – 156 с.
164. Маслова В. А. HOMO LINGUALIS в культуре : Монография / В. А. Маслова. – Витебск : Издательство УО «ВГУ имени П. М. Машерова», 2004. – 214 с.
165. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Учебное пособие / В. А. Маслова. – [2-е изд.]. – Минск : Тетра Системс, 2005. – 255 с.
166. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2008. – 272 с.
167. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т.В. Матвеева : М. : Флинта : Наука, 2003. – 432 с.
168. Миронова Н.Н. Дискурс – анализ оценочной семантики / Миронова Н.Н. – М. : НВИ – ТЕЗАУРУС, 1997. – 158 с.
169. Мокиенко В.М. Новая русская фразеология / В. М. Мокиенко. – Opole : Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 2003. – 168 с.
170. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка / В. М. Мокиенко. – СПб : «Норинт», 2003. – 608 с.
171. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы: (Слова, которые мы не знаем) / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина. – М. : ГИРЯ им. А. С. Пушкина, 1997. – 414 с.
172. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи : Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь / В. П. Москвин. – [2-е изд., существ. перераб. и доп.]. – М. : ЛЕНАНД, 2006. – 376 с.
173. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб : Научн.центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
174. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ / Л. А. Новиков. – [2-е изд.]. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.

175. Одинцов В.В. О языке художественной прозы / В. В. Одинцов. – М. : Наука, 1973. – 104 с.
176. Одинцов В.В. Стилистика текста / В. В. Одинцов. – [2-е изд., стереотип.]. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.
177. Ожегов С.И. Словарь русского языка : / С. И. Ожегов. – [18-е изд.]. – М. : Русский язык, 1986. – 797 с.
178. Онищенко І.В. Категорія оцінки та засоби її вираження в публіцистичних та інформаційних текстах : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / І. В. Онищенко. – Дніпропетровськ, 2005. – 20 с.
179. Озерова Н.Г. Средства выражения отрицания в русском и украинском языках / Н. Г. Озерова. – Киев : Наукова думка, 1978.
180. Островська О.М. Лінгвостилістичні засоби реалізації категорії оцінки (на матеріалі американської художньої прози) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Островська Олександра Миколаївна. – Львів : 2001. – 176 с.
181. Папина А.Ф. Текст : его единицы и глобальные категории : учебник для студентов – журналистов и филологов / А. Ф. Папина. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.
182. Папуша О. Дитяча література як маргінес літературознавчої теорії: До проблеми конституювання об'єктів наукового дискурсу // Слово і час. – 2004. – № 12. – С. 20 – 26.
183. Пачина Н.Н. Развитие оценочных значений в отрицательных местоименных словах: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 / Н. Н. Пачина. – Москва, 1998. – 23 с.
184. Петрищева Е.Ф. Изменения в составе интеллектуально-оценочной лексики в русском языке советского времени / Е. Ф. Петрищева // Развитие лексики современного русского языка. – М. : Наука, 1965 – С.51 – 74.
185. Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка / Петрищева Е.Ф. – М. : «Наука», 1984. – 222 с.

186. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1934. – 511 с.
187. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики (эстетические и этические оценки) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. В. Писанова. – Москва, 1997. – 39 с.
188. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 190 с.
189. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 314 с.
190. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / Постовалова В.И. // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988.
191. Потебня А.А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – К. : СИНТО, 1993. – 191 с.
192. Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии / Походня С.И. – К. : Наукова думка, 1989. – 128 с.
193. Пропп В. Я. Морфология сказки / Пропп В. Я. – М. : Наука, 1969. – 168 с.
194. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха / Пропп В. Я. – [2-е издание]. – СПб. : Алтея, 1997. – 284 с.
195. Проскуркина С.Н. Семантика и функции объекта оценки в современном русском языке : дис. ... канд. філол. наук. : 10.02.01 / Проскуркина Светлана Николаевна. – К., 1992. – 170 с.
196. Радзієвська Т.В. Комунікативно-прагматичні аспекти текстотворення : дис. ... доктора. філол. наук. : 10.01.15 / Радзієвська Тетяна Вадимівна. – К., 1999. – 390 с.
197. Ротанова Н.М. Речевые средства комического в художественной детской литературе : [учебное пособие по спецкурсу] / Ротанова Н.М. – Курган : Изд-во Курганского государственного ун-та, 2006. – 111 с.

198. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю.Шведова. Т. 1 – 2. – Т. 1. – М.: Наука, 1980. – 783 с.

199. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю.Шведова. Т. 1 – 2. – Т. 2. – М.: Наука, 1980. – 709 с.

200. Русская проза конца XX века: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / [Агеносов В.В., Колядич Т.М., Трубина Л.А. и др.]; под ред. Т. М. Колядич. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 424 с.

201. Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). [коллективная монография / отв. ред. Е. А. Земская]. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 480 с.

202. Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003 – 704 с.

203. Сахарова О.В. Відображення ігрових жанрів мовлення у драматичному тексті (на матеріалі твору Я.М.Стельмаха „Гра на клавесині”) / Сахарова О.В. // Наукові записки. – Вип. 75 (3). – Серія: Філологічні науки (Мовознавство) : У 5-ти ч.ч. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім.В.Винниченка, 2008. – С. 180 – 183.

204. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Учебное пособие / Селиванова Е.А. – К.: Фитосоциоцентр, 2002. – 336 с.

205. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / Селіванова О.О. – Полтава : Довкілля К., 2006. – 716 с.

206. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми: Підручник / Селіванова Олена Олександрівна. – Полтава : Довкілля К, 2008. – 712 с.

207. Семенова Т.Н. Имя собственное и его номинативные свойства / Т. Н. Семенова // ИЯВШ. – М.: Наука, 1991. – 293 с.

208. Сергеева Л.А. Качественные прилагательные со значением оценки в современном русском языке: автореф. дис. на соискание науч. степени канд.

филол. наук. : спец. 10.02.01 «Русский язык»/ Л. А. Сергеева. – Уфа., 1980. – 22 с.

209. Сергеева Л.А. Категория оценки и аспекты ее описания / Сергеева Л.А. // Исследования по семантике: Семантические категории в русском языке. – Уфа : Изд-во Башкирского ун-та, 1996. – С. 4 – 8.

210. Сергунина Т.А. Речевые средства выражений категории модальности в русском художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» / Т. А. Сергунина. – КГУ им. Т. Г. Шевченко. – К., 1990. – 17 с.

211. Сибирцева В.Г. Языковая картина мира в русской загадке : дис... канд. филол. наук. : 10.02.01 / Сибирцева Вера Григорьевна. – Новгород, 2003. – 143 с.

212. Складаревская Г.Н. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения // Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – «Фолио-Пресс», СПб, 1998. – 700 с.

213. Складаревская Г.Н. Давайте говорить правильно! Трудности грамматического управления в современном русском языке : краткий словарь-справочник / Г. Н. Складаревская, Е. Ю. Ваулина. – М. : Академия, 2004. – 175 с.

214. Складаревская Г.Н. Толковый словарь русского языка начала XXI века / Г. Н. Складаревская. – М. : Эксмо, 2007. – 1132 с.

215. Сковородников А.П. Аллюзия // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А. П. Сковородников (ред.) – М. : Флинта : Наука, 2005. – С. 217 – 219.

216. Сковородников А.П. Графон // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А. П. Сковородников (ред.) – М. : Флинта : Наука, 2005. – С. 106 – 109.

217. Сковородников А.П. Каламбур // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и

недочеты / А. П. Сковородников (ред.) – М.: Флинта: Наука, 2005. – С. 149 – 151.

218. Сковородников А.П. Реминисценция // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А. П. Сковородников (ред.) – М.: Флинта: Наука, 2005. – С. 261 – 265.

219. Сковородников А.П. Языковая игра // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А. П. Сковородников (ред.) – М.: Флинта: Наука, 2005. – С. 383 – 389.

220. Славова М. Золушка или принцесса? / Теоретические модели детской литературы / Славова М. Волшебное зеркало детства. – К., 2002. – С. 5 – 14.

221. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак, 1996. – 416 с.

222. Словарь образных выражений русского языка / Т. С. Аристова, М. Л. Ковшова, Е. А. Рысева и др. – М.: Отечество, 1995. – 368 с.

223. Слухай Н.В. Художественный образ в аспекте лингвистики текста / Н. В. Слухай. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое издательство, 2000. – 92 с.

224. Слухай Н.В. Міфологічні джерела прагматикону текстів масмедіа. – Симферополь: Кримський державний інженерно-педагогічний університет, 2004. – 108 с.

225. Слухай Н.В. Мовна символіка і міфопоетика текстів Тараса Шевченка / Н. В. Слухай, Ю. Л. Мосенкіс. – К.: Видавничий дім А+С, 2006. – 168 с.

226. Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.): [учебное пособие.] / С. И. Тимина, В. Е. Васильев, О. Ю. Воронина и др. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.

227. Солганик Г.Я. Стилистика русского языка / Г. Я. Солганик. – М.: Дрофа, 1996. – 243 с.

228. Спиноза Б. Сочинения: в 2-х т. / Бенедикт Спиноза. – Т.1. – М. : Наука, 2006. – 489 с.
229. Спиноза Б. Сочинения: в 2-х т. / Бенедикт Спиноза. – Т.2. – М. : Наука, 2006. – 630 с.
230. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке 20 в. // Язык и наука конца XX в. : Сб. ст. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – С.7 – 34.
231. Стернин И.А. Оценочность слова в языке и речи. / И. А. Стернин // Исследования по семантике. – Уфа : Изд-во Башкирского ун-та, 1990. – С.26.
232. Стилистика русского языка / [Бондалетов В. Д., Вартапетова С. С., Кушлина Э. Н., Леонова Н. А. и др.]; под ред. Н. М. Шанского. – Л. : Просвещение, 1982. – 286 с.
233. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л. М. Алексеева, В. И. Аннушкин, Е. А. Баженова и др.; М. Н. Кожина (ред.) – М. : Флинта : Наука, 2003. – 696 с.
234. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной – [2-е изд., испр. и доп.]. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 696 с.
235. Столярова Э.А. Лексико-семантическое поле оценки в разговорной речи // Словарные категории / Э. А. Столярова. – М. : Наука, 1988. – С. 186 – 191.
236. Суббота Л.А. Образные значения, характеризующие человека, в статическом и динамическом аспектах (на мат. отсубстант. прил-х рус. яз.) : дис ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Суббота Лариса Андреевна. – Х., 1999. – 217 с.
237. Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология) / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1969. – 207 с.
238. Сусов И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы / И. П. Сусов // Прагматика и семантика синтаксических единиц. – Калинин : КГУ, 1984. – 158 с.

239. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1986. – 242 с.

240. Телия В.Н. Фразеология // Лингвистический энциклопедический словарь / [под. ред. В. Н. Ярцевой]. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 560 – 561.

241. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов // Славянское языкознание / В. Н. Телия. – М., 1993. – С.302 – 305.

242. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

243. Тресиддер Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер. – М. : Гранд, 1999. – 444 с.

244. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. – М. : Наука, 1977. – 256 с.

245. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / Улуханов И. С. – М. : Изд-во РАН, институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1996. – 221 с.

246. Фелицына В.П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения : лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, Ю. Е. Прохоров. – М. : Русский язык, 1979. – 253 с.

247. Фесенко І.М. Відображення картини світу загальнонародною англійською мовою та мовою географії (на матеріалі найменувань деяких об'єктів фізичної географії) : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. філол. наук. : спец. 10.02.15 «Загальне мовознавство» / І. М. Фесенко – К., 1993. – 16 с.

248. Философский энциклопедический словарь / под ред. Ильичева Л.Ф., Ковалева С.М., Панова В.Г., Федосеева П.Н. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 836 с.

249. Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения / Н. И. Формановская. – М. : Рус. язык, 1978. – 253 с.

250. Формановская Н.И. О коммуникативно-семантических группах и функционально-семантических полях // Русский язык за рубежом. – 1986. – № 3. – С. 71 – 76.
251. Формановская Н.И. К уточнению понятий «экспрессивные речевые акты» // Русский язык за рубежом. – 1998. – №4. – С.42.
252. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М. Издательство «ИКАР», 2007. – 480 с.
253. Фразеологический словарь русского языка / под. ред А. И. Молоткова. – [4-е изд., стереотип.]. – М. : Русский язык, 1987. – 543 с.
254. Хабарова О.Г. Оценочные фразеологизмы, восходящие к образам животного и растительного мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Хабарова Оксана Григорьевна. – М., 2004. – 217 с.
255. Ходакова Е.П. Каламбур // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М. : Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – С. 175.
256. Хроленко А.Т. Теория языка: Учебное пособие / А. Т. Хроленко, В. Д. Бондалетов. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 512 с.
257. Хрычиков Б.В. Категория модальности, ее объем и средства выражения в современном русском языке : дис. ... доктора филол. наук : 10.02.01 / Хрычиков Борис Васильевич. – Каменец – Подольский, 1994. – 316 с.
258. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / под. ред. Е. С. Кубряковой. – М. :Наука, 1991. – 253 с.
259. Черданцева Т.З. Прагматика и семантика идиом / Черданцева Т.З. // RES PHILOLOGICA. – М. : Наука, 1990. – С. 273 – 281.
260. Черникова Н.В. Семантические неологизмы в современном русском языке (80-е – 90-е годы XX в.) : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук. : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н. В. Черникова – М., 1997. – 21 с.
261. Чернявская И. Каких доказательств требует аксиома? // Детская литература. – 1972. – № 7. – С. 12 – 16.

262. Чуковский К.И. От двух до пяти. Собр. соч. : в 2-х т. / К. И. Чуковский. – Москва, 1990. – Т.1.– С. 73 – 408.
263. Чупахин И.Я. Вопросы теории понятия / И. Я. Чупахин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1961. – 140 с.
264. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1968 – 310 с.
265. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка / Шанский Н.М. – М. : Высшая школа, [2-е изд.]. – 1969. – 231 с.
266. Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении / В. Н. Шапошников. – М. : МАЛП, 1998. – 235 с.
267. Шаховский В. И. Семасиологические и стилистические аспекты текста в коммуникативном аспекте / Шаховский В. И. // Стилистика текста в коммуникативном аспекте. – Пермь, 1987. – С. 59 – 68.
268. Шаховский В.И. Эмотивность и модальность в семантике слова / Шаховский В.И., Карасик В.И. // Семантика слова и синтаксической конструкции. Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж, 1987. – С. 31 – 38.
269. Шаховский В.И. Что такое лингвистика эмоций // Русистика. Збірник наукових праць. Випуск 8. – К. : «Київський університет», 2008. – С. 4 – 8.
270. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка : монография / В .И. Шаховский. – [изд. 2-е, испр. и доп.]. – М. : ЛКИ, 2008. – 206 с.
271. Шведова Н.Ю. Один из возможных путей построения функциональной грамматики русского языка // Проблемы функциональной грамматики русского языка / Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1985. – С. 30.
272. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. – № 1. – 1999. – С. 15.
273. Шейнина Е.А. Энциклопедия символов / Е. А. Шейнина. – М. : ООО «Издательство АСТ»; Харьков : «Торсинг», 2003. – 591 с.

274. Щербина А.А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбура) / А. А. Щербина – К. : Издательство Академии Наук Украинской ССР, 1958. – 68 с.

275. Шеховцова Е.А. Формирование символической семантики цветообозначений : культурологический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.15 / Шеховцова Елена Анатольевна. – Донецк, 2003. – 212 с.

276. Шмелев Д.Н. Слово и образ / Шмелев Д.Н. – М. : Наука, 1964. – 120 с.

277. Шмелев Д.Н. Грамматические исследования : Функционально – стилистический аспект / АН СССР, Ин-т рус. яз.; [отв. ред. Д. Н. Шмелев]. – М. : Наука, 1991. – С.134.

278. Шмелев Д.Н. Лексикология // Русский язык: Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М. : Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – С.212.

279. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А. П. Сковородников (ред.) – М. : Флинта : Наука, 2005. – 480 с.

280. Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. – 1996. – № 1 – 2 – 3.

281. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. – М. : Индрик, 2001. – 503 с.

282. Wright G.H. von. The varieties of goodness. L., 1963. – 297 p.

СПИСОК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

283. Драгунский В.Ю. Денискины рассказы : [для мл. шк. возраста] / Виктор Драгунский. – К. : Вэсэлка, 1988. – 368 с.

284. Носов Н.Н. Приключения Незнайки и его друзей. Незнайка в Солнечном городе. Незнайка на Луне / Николай Носов. – М. : ТЕРРА, 1991. – 720 с.

285. Носов Н.Н. Витя Малеев в школе и дома / Николай Носов. – М. : «Махаон», 2005. – 319 с.
286. Носов Н.Н. Клякса. Рассказы / Николай Носов. – М. : «Махаон», 2007. – 127 с.
287. Остер Г.Б. Вредные советы для детей младшего возраста / Г. Остер. – М. : Астрель : АСТ, 2001.
288. Остер Г.Б. Конфетоедение и квартирование. Учебное пособие для детей младшего школьного возраста / Г. Остер. – М. : Астрель : АСТ, 2002. – 319 с.
289. Остер Г.Б. Собрание сочинений в 3 т. Т.1. Сказочные истории / Григорий Остер. – М. : Астрель : АСТ, 2005. – 350 с.
290. Успенский Э.Н. Дядя Федор, пес и кот : Повесть-сказка / Эдуард Успенский. – Киев : Веселка, 1987. – 95 с.
291. Успенский Э.Н. Следствие ведут Колобки : Детективная повесть / Эдуард Успенский. – М. : РОСМЭН, 1999.
292. Успенский Э.Н. Сказочные повести и рассказы. Любимая девочка дяди Федора / Эдуард Успенский. – Балашиха : Астрель, 2002. – 354с.
293. Успенский Э.Н. Сказочные повести и рассказы. Новые порядки в Простоквашино / Эдуард Успенский. – Балашиха : Астрель, 2002. – 352 с.
294. Успенский Э.Н. Сказочные повести и рассказы. Тетя дяди Федора или побег из Простоквашино / Эдуард Успенский. – Балашиха : Астрель, 2002. – 223 с.
295. Успенский Э.Н. Сказочные повести / Эдуард Успенский. – М. : «Эксмо», 2004. – 528 с.
296. Успенский Э.Н. Крокодил Гена, Чебурашка и другие : Шесть историй / Эдуард Успенский. – М. : Эксмо, 2005. – 384 с.